

**Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации**

На правах рукописи

РЯБЦЕВА Екатерина Сергеевна

**ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ: ФАКТОРЫ И ЭТАПЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ И СОЦИОЛЕКТОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
проф. М. Э. Рут**

**Екатеринбург
2021**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Фразеологические единицы: состав и взаимодействие в системе языка	13
§1. Параметры фразеологической единицы и состав фразеологии	13
§2. Динамика фразеологических единиц	26
§3 Специфика отношений между образом и семантикой ФЕ и фразеологическая идеография	31
Выводы по первой главе	34
Глава 2. Тематико-идеографическая систематизация диалектного и общенародного фразеологического материала	38
§1. Тематическая сфера «Пространство»	41
§2. Тематическая сфера «Время»	44
§3. Тематическая сфера «Материя»	48
§4. Тематическая сфера «Социум»	79
Выводы по второй главе	113
Глава 3. Формирование плана выражения фразеологических единиц (на примере диалектных ФЕ)	116
§1. Образность ФЕ	116
§2. Вариативность образности диалектных ФЕ	135
§3. Образование новых фразеологических единиц	141
§4. Анализ степеней идиоматизации диалектных ФЕ с планом выражения, содержащим оним или отонимический компонент	147
Выводы по третьей главе.....	158
Глава 4. Особенности фразеологизации единиц, используемых малой социальной группой	167
§1. Устойчивые выражения, используемые МСГ	168

§2. Идеограммы фразеонимикона МСГ	179
§3. Происхождение и особенности функционирования выражений, используемых МСГ	183
Выводы по четвертой главе	190
Заключение	193
Список литературы	198

Введение

Научная традиция изучения фразеологического состава языка насчитывает более полувека. За это время сформировались такие направления его исследований, как этимологическое, когнитивное, культурологическое, социолектное (объектом которого является фразеология разных форм существования языка); ведется рассмотрение современных процессов, происходящих в области устойчивых единиц, а также анализ фразеологических модификаций и авторской фразеологии¹.

В широком понимании фразеологический состав языка представляет собой набор устойчивых словосочетаний. Попытки сузить и конкретизировать объект изучения терпят неудачу в силу большого разнообразия неоднословных устойчивых единиц, их «мутабельности» и взаимодействия между их классами. В итоге можно говорить о закономерностях, справедливых для той или иной части устойчивых единиц.

В литературном языке речь идет о традиционно сложившемся, отшлифованном в процессе формирования (хотя, безусловно, и меняющемся с течением времени) фразеонимиконе, для диалектной и социолектной фразеологии мы также предполагаем наличие некой традиции, действие которой ограничено локально или социально. Однако традиция формируется с течением времени, сохраняя элементы, которые оказались в силу тех или иных обстоятельств значимыми для данной культурной среды.

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению фразеологии с точки зрения генезиса ее единиц в аспекте факторов, способствующих закреплению выражения, источников возникновения устойчивых словосочетаний и стадий их закрепления.

Актуальность данной работы определяется вниманием современной лингвистики к человеческому фактору в языке, отражению в нем социокультурных и когнитивных процессов. Данная работа обращается к фразеологии с

¹ Под авторской фразеологией понимается фразеология, используемая в произведениях определенного автора.

точки зрения представления в ней результатов социальных взаимодействий и отношений и результатов осмысления и оценки окружающей действительности. Кроме того, фразеология обладает уникальной связью между планом выражения и планом содержания, заключающейся в своего рода «двуситуативности», что представляет интерес с точки зрения выявления наиболее актуальных идеограмм, получающих экспрессивную оценку, а также образов, наиболее активно используемых в разных типах социумов (в данном случае имеются в виду условно-деревенский, близкий традиционной культуре диалектный социум и условно-городской социум, являющийся носителем литературного языка и его фразеологии).

Степень разработанности темы определяется фондом российских и зарубежных исследований, составивших теоретическую базу данной работы:

– труды по теории фразеологии, классифицирующие ее и выявляющие свойства ФЕ, а также ставящие вопрос об объеме фразеологии и ее источниках ([Виноградов 1977а, б]; [Шанский 2010]; [Архангельский 1972]; [Ларин 1956]; [Жуков 1986]; [Молотков 1977]; [Мокиенко 1980]; [Баранов, Добровольский 2008]; [Телия 1996]; [Алефиренко 2009] и др.);

– исследования, посвященные пограничным с идиоматикой областям: устойчивым сравнениям ([Wysoczański 2006]; [Ковшова 2016]), крылатым словам ([Баранов, Добровольский 2008]; [Chlebda 2010] и др.);

– работы, посвященные фразеологической идеографии ([Ивашко 1981]; [Мокиенко 1995]; [Никитина 1995] и др.);

– работы, посвященные фразеологии в лингвокультурологическом аспекте ([Верецагин, Костомаров 2005]; [Телия 1999]; [Ковшова 2016]; [Piirainen 2008] и др.);

– работы, рассматривающие фразеологию в когнитивном ключе ([Ковалева 2004]; [Андрейченко 2018]; [Высочаньски 2018]; [Жаналина 2019] и др.);

– работы, посвященные фразеологическим модификациям и функционированию ФЕ в дискурсе ([Baġa 2009]; [Fojtů 2011]; [Архангельская 2012]; [Божко 2015]; [Мелерович, Мокиенко 2014]; [Мокиенко 2014]; [Третьякова

2010, 2018]; [Ефанова 2005, 2006]; [Калёнова 2016]; [Дидковская 2018]; [Никитина 2018] и др.);

– работы, исследующие фразеологию различных форм существования языка ([Ивашко 1981]; [Кобелева 2007, 2012]; [Подюков 2012]; [Гридина, Конавалова 2017]; [Мокиенко, Никитина 1999]; [Вальтер 2008]; [Никитина 2019]; [Андреев 2009а, б]; [Семенова 2006] и др.).

Объектом работы являются фразеологические единицы (ФЕ) русского языка в различных формах его существования (общенародный язык, территориальный диалект, социолект как язык социальной микрогруппы). Обращение к общенародному языку позволяет исследовать сложившиеся и закреплённые в словарях ФЕ, а изучение фразеологии в региональном и социальном аспектах (для которых такое закрепление не является релевантным) позволяет в ряде случаев проследить динамическую картину становления и постоянного изменения фразеологического фонда, а также при сопоставительном анализе чётче выделить факторы, влияющие на фразеологизацию.

Предметом работы служит процесс фразеологизации и факторы, влияющие на закрепление в узусе тех или иных неоднословных единиц.

Цель исследования: выявить факторы фразеологизации и этапы закрепления фразеологической единицы в языке.

В соответствии с целью работы ставятся следующие исследовательские **задачи:**

1. Выявить основные параметры фразеологической единицы, обозначить проблемные зоны фразеологического состава языка и определить классы единиц, которые будут признаны фразеологическими в рамках данной работы.
2. Выявить наиболее активные для фразеологии русского общенародного языка и территориального диалекта тематические сферы.
3. Проанализировать план выражения ФЕ с точки зрения наиболее используемых ситуаций и образов.
4. Выявить закономерные связи между планом выражения и планом содержания фразеологической единицы.

5. Проследить степени фразеологизации неоднословного выражения.
6. Выявить факторы, способствующие закреплению неоднословного выражения в узусе.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы общенародного языка, а также диалектные и социолектные единицы. В качестве основного источника общенародного фразеологического материала использовался «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Выбор именно этого словаря в качестве основного источника объясняется стремлением увидеть современные процессы в общенародной фразеологии. При необходимости мы обращались к ряду других лексикографических изданий («Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова, «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко и С. Г. Шулежковой, «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В. Н. Телия и др.). Диалектный материал преимущественно извлекался из лексической картотеки топонимической экспедиции УрФУ [ЛК ТЭ], в работе которой принимал участие и сам автор, а также диалектных словарей, в том числе собственно фразеологических (см. список источников). Социолектный материал получен в ходе наблюдений за речью малой социальной группы. Сбор материала осуществлялся методом фронтального просмотра письменных источников, а также методом включенного наблюдения (для социолектного и – точно – для диалектного материала). Использование метода включенного наблюдения позволило проследить функционирование единиц в дискурсе, а также выявить семантику устойчивых единиц, которые не были описаны в словарях.

Научная новизна работы заключается, прежде всего, в выявлении тематической специфики фразеонимикона как в плане выражения, так и в плане содержания ФЕ. Безусловно, в научной традиции есть богатый опыт тематического описания фразеологического материала, однако чаще исследования и

лексикографические работы такого рода сосредоточены на какой-либо тематической группе [см. напр., Алексеенко и др. 2004; Кузнецова, Мокиенко 2014; Солодилова, Вятчина 2005; и др.]. Сопоставительный анализ тематико-идеографического своеобразия фразеологии общенародного языка и диалекта позволяет вычленить наиболее значимые тематические сферы для этих двух форм существования языка, а также описать особенности в восприятии тех или иных идеограмм в сознании разных типов культур. Внимание к новейшему диалектному материалу советского и постсоветского периодов позволяет делать некоторые выводы о процессе фразеологизации и образовании новых идеограмм и выборе новых образов для их номинации. Вводится в научный оборот новый диалектный и уникальный социолектный фразеологический материал, собранный путем длительного включенного наблюдения.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в теорию фразеологии: разработкой методики выявления тематико-идеографического своеобразия фразеологии, учитывающей связь между планом выражения и планом содержания ФЕ; рассмотрением аспектов взаимоотношения между ПВ и ПС фразеологической единицы; анализом материала, находящегося на периферии фразеологического фонда языка; анализом источников фразеологического состава и факторов, влияющих на закрепление единицы в узусе.

Способ классификации может быть использован и на ином фразеологическом материале для выявления особенностей значимых для того или иного языкового сообщества идеограмм и особенностей их репрезентации. Выявленные тенденции во взаимоотношении между ПВ и ПС единиц свидетельствуют о некоторых когнитивных особенностях носителей языка, способах концептуализации знания о мире.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов в научно-педагогической деятельности при разработке курсов по социолингвистике, фразеологии, ономастике, стилистике, психоллингвистике, в обучении русскому языку как иностранному; введением

в научный оборот нового диалектного и социолектного фразеологического материала; анализ факторов, влияющих на закрепление единиц, а также изучение фразеологических модификаций могут использоваться для конструирования высказываний, рассчитанных на запоминание, например, рекламных слоганов.

Методология и методы исследования. Для анализа материала использовались дедуктивно-эмпирический (выдвижение гипотезы о некоторые тенденциях в соответствии между планом выражения и планом содержания ФЕ) и индуктивно-эмпирический (выделение групп ФЕ, классификация материала) методы. При разработке классификаций использовался также описательный метод. Интерпретация материала требовала, помимо общенаучных методов обобщения, сравнения, комментирования и проч., включения элементов историко-лингвистического и социолингвистического методов для соотнесения языковых фактов с социальным и культурно-историческим контекстами, метода структурного анализа для определения места фразеологических «маргиналий» в системе языка, этимологического анализа для установления и верификации внутренней формы ФЕ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фразеология формируется в дискурсе, избирательно заполняя номинативные лакуны, преимущественно ориентируясь на номинацию специфических ситуаций, отмеченных особой экспрессивностью. Таким образом создается тематико-идеографическая область языка, наиболее актуальная для создания фразеологии.

2. Фразеологически продуктивная тематико-идеографическая область является в целом различной для разных форм существования языка, однако диалектная фразеология и фразеология общенародного языка, формируясь параллельно, обнаруживают сходство значимых идеограмм при разнице по шкале конкретности – абстрактности, материальности – нематериальности. В то же время фонд устойчивых единиц, используемых социальными микрогруппами, формируясь на базе общенародного языка скорее дополняет его.

3. Существует тяготение фразеологических идеограмм к выражению через образы определенных тематических сфер. Таким образом, можно говорить о грамматической и образной модельности, присущей фразеологии общенародного языка и диалектной фразеологии в силу преемственности традиции употребления.

4. Факторами, влияющими на закрепление фразеологической единицы в узусе, служат востребованность обозначаемой единицей идеограммы, а также актуальность используемого образа.

5. Дополнительным фактором закрепления выражения в диалектной фразеологии и фразеологии социальной микрогруппы служит чувство корпоративной идентичности участников данного микросоциума. В социолекте такое чувство формируется за счет фразеологизации высказываний значимых для группы людей, в диалекте – путем включения в состав фразеологизма обозначений местно значимых реалий.

6. Основной тенденцией, наблюдаемой в процессе вхождения образного неоднословного сочетания в узус, является его сокращение, способствующее абстрагизации и развитию способности обозначать большее количество ситуаций. При этом фразеология социолекта «неохотно» расстаётся с многословной формой, поскольку это препятствует узнаванию фразы-первоисточника.

Степень достоверности результатов определяется объемом собранного и проанализированного материала: 455 диалектных единиц, 862 единицы общенародного фонда, 61 устойчивая единица, используемая малой социальной группой.

Апробация результатов исследования прошла на международных и всероссийских научных конференциях, среди которых: Международная научно-практическая конференция «Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах» (Кострома, 2016), XLV Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 2016 г.), Международная конференция молодых филологов (Тарту, 2016), III международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»

(Екатеринбург, 2015), всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 80-летию доцента кафедры русского языка Клавдии Николаевны Прокошевой (Пермь, 2014 г.), всероссийская научная конференция с международным участием Вторые Громовские чтения «Русские народные говоры: прошлое и настоящее» (Кострома, 2014 г.), а также на заседаниях проблемной группы кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации «Язык и мир». По теме диссертации опубликовано 12 работ, 4 из них – в журналах, рецензируемых ВАК.

Цель и задачи исследования обусловили **структуру** работы.

Первая глава («Фразеологические единицы: состав и взаимодействие в системе языка») посвящена рассмотрению основных параметров фразеологической единицы и выделению на основании этих параметров ядерной и периферической зон фразеологии. Описывается взаимодействие фразеологических классов между собой, а также фразеологии с лексикой, текстом и внеязыковой действительностью. Выявляется область фразеологии, подлежащая рассмотрению в рамках данной работы.

Вторая глава («Тематико-идеографическая систематизация диалектного и общенародного фразеологического материала») содержит результаты разработки тематико-идеографической классификации фразеологии общенародного языка и диалекта. Определяются основные тематические сферы, подверженные фразеологической номинации, и особенности их разработки диалектной фразеологией и фразеологией общенародного языка; выявляются некоторые корреляции между планом выражения и планом содержания фразеологических единиц.

В *третьей главе* («Формирование плана выражения фразеологических единиц (на примере диалектных ФЕ)») внимание сосредоточено на плане выражения фразеологизма как одном из факторов закрепления выражения. Рассматриваются основные типы образов ситуаций, являющихся базой для фразеологической номинации, а также локальные и темпоральные особенности образности.

Четвертая глава («Особенности фразеологизации единиц, используемых малой социальной группой») посвящена анализу функционирования устойчивых выражений в речи социальных микрогрупп. Описывается набор таких единиц, осуществляется сравнение идеографической сетки, заполняемой фразеологизмами узкого социального использования, с полученными в первой главе данными общенародного языка, анализируются источники формирования набора и особенности функционирования единиц в речи участников микрогрупп.

Глава 1. Фразеологические единицы: состав и взаимодействие в системе языка

§ 1. Параметры фразеологической единицы и состав фразеологии

Исследование фразеологии (как и любой иной составляющей языковой системы) может происходить в двух направлениях. Первое из них, «горизонтальное», представляет собой изучение набора единиц, объединяемых в фразеонимикон; другое же, «вертикальное», связано с наблюдениями за процессом формирования этого набора.

Хотя появление отечественной фразеологии как отдельной отрасли лингвистики принято относить к 1940-м гг. (в связи с работами В. В. Виноградова [см.: Виноградов 1977а, б]), ряд вопросов остаются актуальными и все еще не получившими однозначного решения. На «горизонтальном» уровне изучения фразеологического состава языка существует проблема определения объема фразеологии и групп единиц, относимых к ней. На «вертикальном» же уровне мы сталкиваемся с вопросом происхождения фразеологических единиц, того, какими путями они возникают, какие модификации проходит словосочетание для того, чтобы стать ФЕ, и может ли быть установлена некая граница, четко разделяющая словосочетание и фразеологизм, некий рубеж, при прохождении которого можно уверенно констатировать, что данная единица является уже фразеологической, а не свободной по своей сути.

Проблема определения объема фразеологии связана с выявлением дифференциальных признаков ФЕ, отличающих ее от лексем, свободных словосочетаний и речений. Большинство исследователей вслед за В. Г. Гаком склонно выделять три таких признака: неоднословность (структурный признак), идиоматичность (семантический признак) и устойчивость (функциональный признак) [см.: Гак 1977: 205]. Однако ни какой-либо из признаков, ни их сочетание не позволяет четко определить состав фразеологии.

Неоднословность, являясь максимально формальным параметром, ставит проблему минимальной и максимальной границы фразеологизма. «Нижняя планка» связана с вопросом, считать ли неоднословным только сочетание

двух знаменательных слов, или также сочетание знаменательного слова со служебным (напр., диал. *в лапу, в охрёмку, по один раз* и др.). На вопрос о включении последних в разряд фразеологизмов нет однозначного ответа. Положительное решение его отражено, в частности, у Ю. Ю. Авалиани и А. М. Эмировой: «фразеологическая природа таких сочетаний обнаруживается достаточно отчетливо. Они воспроизводимы в речи, притом с высокой степенью частотности, обладают закрепленным целостным, как правило, переносным значением, которое лежит в основе идиоматичности их лексического и грамматического значений» [Авалиани, Эмирова 1972: 121–122]. А. И. Молотков предлагает одни единицы считать предложно-именными выражениями наречного типа (*в обтяжку, на дому, на ощупь* и т. п.), а другие – фразеологизмами (*на глаз, под замком, под мышкой, до упаду* и т. п.) на основании того, что фразеологизм подразумевает переосмысление сочетания при сохранении его раздельнооформленности [см.: Молотков 1977: 15–16]. Однако представляется, что этот критерий не может быть признан «рабочим» для всех ситуаций. Так, например, при раздельнооформленном *под мышкой* (и других формах косвенных падежей), существует слитное написание *подмышка*² и *подмышки*. С другой стороны, в сочетании *в обтяжку* представляется возможным говорить о переосмыслении, поскольку значение лексемы в сочетаниях типа *обтяжка мебели, обтяжка колёс, производить обтяжку* и т. п. – и в сочетании *в обтяжку* явно различается.

Отрицательное отношение к расширению области фразеологии за счет подобных единиц, представленное, в частности, в работах А. В. Жукова [см.: Жуков 2008: 10; Жуков 2009], видится более целесообразным. В семантическом плане конструкции такого рода оказываются довольно близки наречиям [см. об этом также Жуков 2009: 58]. Возможно, раздельность оформления яв-

² ПОДМЫШКА, -и; *мн. род.* -шек, *дат.* -шкам; *ж. 1.* (в косвенных падежах пишется раздельно: под мышкой, под мышки и т.п.). Внутренняя часть плечевого сгиба. *2. Разг.* Часть одежды, приходящая на это место. *П. лопнула по шву. Не жмёт в подмышках.* [Кузнецов: 872].

ляется промежуточным этапом либо результатом непоследовательности орфографии, закрепившей одни единицы в однословном виде, иные же – в раздельнооформленном (ср., напр., *на слуху*, но *навек*). Метафоричность таких сочетаний представляется не синтетической, как у ФЕ (которым присуще переносное значение всей неоднословной конструкции в целом). Скорее в данном случае можно говорить о переносном значении знаменательного слова (напр., диал. *в лапу*, *в чашу* и т. п., где *лапа* и *чаща* представляют собой образные обозначения формы конца бревна для соединения в угле дома). Если обратиться к диалектному дискурсу, становится очевидным, что ряд подобных сочетаний представляет собой результат иного по сравнению с общенародным языком падежно-предложного управления. Так, например, влг. *по балалайке*, *по гармошке* (*плясать*) представляет собой аналог общенародной нефразеологической конструкции с предлогом *под* (*под гармошку*, *под балалайку*), допустимый в диалектной речи и распространенный на данной территории.

Другую проблемную зону представляют сравнительные обороты с союзом *как*. В. М. Мокиенко считает их особым разрядом фразеологии, обладающим структурной и семантической спецификой: «во фразеологической системе они выделяются большей прозрачностью внутренней формы, эксплицированной сравнительным союзом *как*» [Мокиенко 2016: 41]. В. Высочанский также относит к фразеологическим выражениям «лексикализованные» устойчивые сравнения [см. Wysoczański 2006: 29–32], однако включая в состав оборота основание сравнения (напр., *красный, как рак*; *ноги, как бочки*)³. М. Л. Ковшова, отмечая тот факт, что «одни фразеологические компаративы в речи используются исключительно с выраженным признаком сравнения и без признака не употребляются, другие же способны употребляться не только без выраженного признака сравнения, но и без компаративной связки» [Ковшова

³ При этом если сделать шаг в сторону от формального параметра неоднословности, следует отметить обязательность параметра образности для устойчивых сравнений, при его факультативности как категориального свойства для ФЕ в целом [см.: Мокиенко 2016: 41].

2016: 51], выделяет ряд модификаций, возникающих на базе устойчивых сравнений, среди которых есть конструкции косвенного сравнения с творительным падежом (*белкой крутиться*) и метафоры с функцией предикативной квалификации или эмотивной адресации (*коза тупая*) [Ковшова 2016: 58].

В дискурсивном использовании сравнительные обороты получают реализацию в двух вариантах: либо утрачивая союз и становясь словом (см., напр. в речи одного человека: костр. шар. *Черемша бежит, мелкие маленькие ребятки, по лужам вот бегают босиком <...> вот они бегают, как черемисы, грязные, вот с этим и связано, но Вахлам, это слово к этому же относится, к черемису да грязнуле*), либо напротив, требуя постоянного контекстного партнера, который может быть рассмотрен как элемент оборота, а с самого оборота соответственно снимается вопрос о его принадлежности к числу ФЕ (напр. *толстая, как баржа*). Причем данный контекстный партнер может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно (напр., *идти <грузно, неповоротливо>, как баржа*), однако даже при эксплицитном проявлении в ряде случаев он допускает ряд вариаций (ср.: *пыхтеть/дышать, как паровоз; спокойный/довольный, как удав*⁴ и др.), демонстрирующих комплексность семантики таких сравнений.

Необходимость включения основания сравнения в состав таких оборотов обуславливается также комплексностью свойств объекта, на базе которых может строиться сравнение. Актуализация разных аспектов объекта, с которым происходит сопоставление, приводит к возникновению разных образов и разных сравнительных оборотов (ср.: *пыхтеть, как паровоз – дымить / курить, как паровоз; спокойный, как слон – сильный, как слон – неповоротливый, как слон*). На невозможность выделения единой универсальной группы компаративных оборотов и определения ее статуса по отношению к фразеологической системе указывает М. В. Боброва [см. Боброва 2012]. Таким образом, в

⁴ Здесь и в следующем абзаце примеры даны по Национальному корпусу русского языка www.ruscorpora.ru (основной корпус).

число рассматриваемых в данной работе единиц будут включаться сравнительные обороты с выраженным основанием сравнения и не подвергающиеся лексикализации (напр. костр. вохом. *схватиться, как утопленник* 'сильно сжать, схватиться за что-л.', где *схватиться* – основание сравнения и не фиксируется **утопленник* 'сильно схватишийся за что-л. человек').

Проблема «верхней границы» состава ФЕ связана с включением / не-включением в их состав паремий, а также крылатых слов, представляющих собой высказывания (типа *счастливые часов не наблюдают*). На структурном уровне они выделяются тем, что не входят в состав предложения в функции одного из его членов, а соответствуют ему, представляя собой законченное и целостное по форме речение. С учетом данной грамматической особенности, в рамках данной работы такие единицы остаются за пределами фразеологии.

Под **устойчивостью** фразеологической единицы принято понимать ее статичность как в формальном, так и в смысловом плане. В. М. Мокиенко предлагает обозначать данным термином «относительно стабильное употребление сочетания слов», поскольку вариативность является одной из характерных черт данной части словарного запаса. При этом соотношение вариативности и устойчивости является и синхронным, и диахронным явлением. «Диалектическое единство этих двух противоположных характеристик фразеологических единиц обеспечивает и функционирование, и постоянное развитие фразеологии» [Мокиенко 1980: 8]. Схожей позиции придерживается и В. Н. Телия, понимая под устойчивостью «абсолютную или относительную воспроизводимость сочетаний слов «в готовом виде» [Телия 1996: 56].

Выделение данного признака проявляет следующие проблемные области фразеологического запаса. Первую из них составляют серийные образования (типа *зло / тоска / досада берет*). В сочетаниях такого рода отчетливо выделяется метафоричность в употреблении устойчивого компонента при прямом значении вариативных. Вероятно, можно рассматривать их как промежуточный класс между свободными сочетаниями и единицами типа *закадычный*

друг, где у одного из элементов существует единственная «степень свободы», предусматривающая наличие лишь одного слова-партнера.

Другая область, выделяемая не всеми исследователями, представляет собой фразеосхемы (термин используется по: [Баранов, Добровольский 2008]). Это устойчивые высказывания, в которых основной элемент может быть любым, а устойчивость значения задается фиксированной синтаксической конструкцией (напр.: *X – он и в Африке X*). Данный класс единиц не удовлетворяет определению *устойчивости* ФЕ, указанному В. Н. Телия в Лингвистическом энциклопедическом словаре, согласно которому устойчивость предусматривает «ограничение разнообразия трансформаций, допустимых в соответствии с множественностью регулярных способов выражения одного и того же смысла» [ЛЭС: 559], поскольку в случае фразеосхем разнообразие трансформаций неограниченно. Так, если во фразеосхеме *Ну не N1<ли>! (ну, не дурак ли! ну, не паразит!)*, выделенной О. В. Акбаевой [см.: Акбаева 2016] можно говорить об экспрессивной общности заменяемого компонента (как правило, это имя существительное со значением экспрессивной оценки человека), в случае *всем X-ам X* (напр., *всем яблокам яблоко*) семантика *X* ограничена частеречной принадлежностью, то в случае *X (он/она/оно) и есть X* компонент вообще может быть любым.

В данном случае под вопросом оказывается семантическая устойчивость: высказывание такого рода не обладает четко формулируемым единым целостным значением (так, например, вряд ли следует считать, что обладают схожим значением выражения из классической литературы *чтоб завтра же ружье на месте было и чтоб твоего праха не осталось*, объединяемые Д. В. Вакуленко [см.: Вакуленко 2014]). Представляется, что такие единицы скорее имеют доминантой характеристику отношения говорящего к объекту или ситуации, таким образом, происходит смещение фокуса обозначаемого

понятия от объекта к номинирующему субъекту⁵. На этом основании фразеосхемы сближаются с паремическими единицами, также дающими описание ситуации в целом, а не ее элемента. Сходство данных двух классов заключается также и в условиях функционирования: как паремии, так и фразеосхемы не включены в состав предложения, а существуют в речи как самостоятельные высказывания, обладая скорее коммуникативной, а не номинативной установкой (об этом см., напр., Меликян 2016: 123).

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров указывают на **идиоматичность** как необходимый параметр для отнесения словосочетания к классу фразеологизмов, понимая под данным термином немотивированный итоговый смысл всего высказывания (т. е. невыводимость его семантики из значений слов его состава)» [Верещагин, Костомаров 2005: 175].

О. С. Ахмановой данный термин представляется слишком общим и неопределенным: «Как известно, термины “идиоматичный”, “идиоматичность” нередко употребляются без необходимой научной точности вообще для обозначения “неравенства значения целого сумме значения частей”, почему идиоматичными могут быть и сложные слова, и фразеологические единицы, и аналитические формы» [Ахманова 1957: 168].

Представляется целесообразным следовать за А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским, которые выделяют три основных фактора идиоматичности: переинтерпретация, непрозрачность и усложнение способа указания на денотат. Под переинтерпретацией понимается восприятие выражения в переносном значении, причем данное переносное значение связано с прямым неким отношением, правилом. Непрозрачностью является такое свойство выражения, которое препятствует «вычислению» значения вследствие переинтерпретации, которую невозможно восстановить на синхронном уровне или из-за отсутствия одного или нескольких компонентов значения на современном этапе существования языка. Усложнение способа указания на денотат

⁵ Удачным для единиц такого рода представляется термин *предложения фразеологизированной структуры*, предложенный А. В. Величко [Величко 2019].

определяется наличием любого другого выражения, которое существует в языке наряду с более простым и стандартным наименованием той же сущности. Данные факторы могут выступать в комплексе [см.: Баранов, Добровольский 2008].

Хотя идиоматичность в таком понимании присуща в той или иной степени всем неоднословным устойчивым единицам, степень ее и характер проявления различны.

В качестве частных проявлений более общего свойства идиоматичности можно выделить *экспрессивность*, отмечаемую В. М. Мокиенко как категориальное свойство фразеологизма [см.: Мокиенко 2012: 102], и *образность*. Экспрессивность ФЕ «гипертрофирована, возведена в абсолют и как бы оправдывает существование фразеологии как особого уровня» [Мокиенко 1996: 45]. Данное свойство соотносится с идиоматичностью в понимании А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, поскольку также представляет собой способ усложненного выражения значения при наличии более простого (нейтрального): ср. Денег осталось *мало* – Денег осталось *кот наплакал*; Он живет *далеко* – Он живет *у черта на куличках*. Говоря о причинах экспрессивности фразеологизмов, Р. А. Сафина выделяет такие параметры, как оценочность, образность, эмотивность, компонентный состав, структурно-синтаксические особенности [см. Сафина 2003], среди которых ключевым является образность.

Образность как неотъемлемое свойство ФЕ отмечает Э. Пиирайнен. Данное свойство подразумевает, что у неоднословного выражения существует два значения – буквальное и фигуральное, метафорическое – которые актуализируются при восприятии ФЕ вместе; при этом фигуральное значение конвенционно и вводит ФЕ в ряд единиц ментального лексикона [см. Piirainen 2015: 18]. Однако признание образности как неотъемлемого атрибута ставит знак равенства между понятием ФЕ и «ядерной» зоной фразеологии – идиомами (на образность как свойство именно этого разряда фразеологии указывает, в частности, И. Ю. Третьякова [см. Третьякова 2010: 202], а В. Н. Телия говорит об образности и экспрессивности как черте идиом, выделяющей их среди других

видов ФЕ [см. Телия 1996: 61]). Семантический подход к ФЕ и, как следствие, внимание к образности отмечается Г. Гречиано, которая говорит об идиоматических выражениях как результате символического мышления [см. Gréciano 1983: 274]. При таком понимании к фразеологии относятся и поговорки, поскольку, как отмечает П. Славин, они соответствуют основным параметрам – устойчивости и идиоматичности, а также обладают образностью и ценностью символического пласта [см.: Slavin 2010: 65].

В связи с этим выделяется дополнительный параметр фразеологичности – **целостность значения** и **эквивалентность ФЕ слову** в функциональном и семантическом аспектах.

В. Л. Архангельский, считая целостность значения дифференциальным признаком, отличающим фразеологизм от нефразеологизма, отказывает в статусе ФЕ шаблонным словесным комплексам (типа *проверка исполнения, трудовые успехи, текущий момент, сигнал бедствия* и т. д. – примеры В. Л. Архангельского). «Каждое из слов, входящих в данные сочетания, сохраняет свое значение и самостоятельную парадигматическую противопоставленность другим словам» [Архангельский 1972: 15]. Эта же позиция представлена у О. С. Ахмановой, подчеркивающей, что «во фразеологической единице “целостность номинации” довлеет над структурной раздельностью: выделение признаков, характеризующих обозначаемый предмет, оказывается подчиненным его целостному обозначению» [Ахманова 1957: 169]. В. Н. Телия, включая единицы такого рода в область широкой фразеологии (в терминологии В. Н. Телия – «Фразеология-4»), отмечает, тем не менее, что они должны относиться скорее к области лингвистики текста, нежели к собственно языковому составу.

Крылатые слова, с точки зрения В. Л. Архангельского, также не обладают целостным значением⁶. Следует говорить скорее о повторяемости ситуаций, в которых они употребляются. «Для отграничения же иносказательного смысла пословиц от целостного значения фразеологизмов следует использовать одно из свойств последнего: несмотря на комплексность, фразеологическое значение является элементарной единицей семантики, дальнейшее членение которого допустимо только на семантические компоненты как части целого и только как метод исследования. <...> Пословица же в своем иносказании содержит законченный отрезок информации, соотносящийся с суждением. Строение этой информации целиком соответствует грамматической структуре прямого высказывания и в каждом элементе иносказания соотносимо с последним» [Архангельский 1972: 15]. Схожей позиции придерживаются Ю. Ю. Авалиани и А. М. Эмирова, добавляя параметр синтаксической включенности: собственно ФЕ включены в синтаксический контекст, функционируя в качестве того или иного члена предложения, в то время как паремии и крылатые слова «проявляют полную синтаксическую индифферентность к элементам контекста, проходя по отношению к ним как бы по касательной и не вступая с ними в живые синтаксические связи» [Авалиани, Эмирова 1972: 122–123]. Данные критерии отмечают В. Н. Телия [Телия 1996: 75] и Н. Ф. Алефиренко («Если подлинные фразеологические словосочетания могут быть и семантически, и синтаксически равнозначны словам, то о пословицах и большинстве “крылатых слов” этого сказать нельзя» [Алефиренко 2009: 16]), включающим, однако, в разряд ФЕ крылатые слова, по структуре соответствующие словосочетаниям, типа *темное царство*. Н. М. Шанский ставит при выделении ФЕ параметр воспроизводимости в готовом виде выше эквивалентности слову: «отнесение тех или иных образований к фразеологическим явлениям

⁶ С. Г. Шулежкова отмечает также возможность отсутствия переносного значения у крылатых выражений типа *Мечтам и годам нет возврата; Привычка свыше нам дана* [Шулежкова 2001: 29], хотя представляется, что единицы такого рода все же обладают экспрессивностью и определенной степенью идиоматичности по сравнению с не-фразеологическим способом описания ситуации.

или, напротив, выведение их за пределы фразеологических оборотов обуславливается не тем, номинативные это единицы или коммуникативные, а тем, извлекаются ли они из памяти целиком или творятся в процессе общения» [Шанский 2010: 3].

Противником идеи семантической эквивалентности фразеологизма слову является А. В. Кунин. Говоря, что данная теория изжила себя, он предлагает заменить идею эквивалентности теорией «соотнесенности некоторых типов фразеологизмов и слов» [Кунин 1996]. С его точки зрения, включение паремий в область исследования фразеологической наукой (при признании их также и объектом фольклористики) связано с тем, что они являются источником фразеологической деривации, а также используются в речи с той же целью, что и «общепризнанные» ФЕ, для образного, экспрессивного и более яркого выражения мысли [Там же].

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский определяют пословицы как «фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своем значении идею всеобщности, иллюкутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [Баранов, Добровольский 2008: 69]. При этом авторы характеризуют идиомы как иллюкутивно зависимые сочетания, т. е. вынужденные либо предыдущей репликой, либо определенными аспектами ситуации общения, не обязательно отражающимися в языковых формах; паремии же они относят к дискурсивно независимым высказываниям. Однако представляется важным обратить внимание на речевое употребление паремий: как правило, они произносятся с целью определенного подведения итога сказанному, для общей характеристики ситуации. Таким образом, паремии, в отличие от идиом, обладают синтаксической независимостью, поскольку не включены в состав предложения, а сами собой представляют по сути отдельное предложение, однако употребление их всегда обусловлено предшествующим текстом либо ситуацией, о которой идет речь.

Крылатыми словами принято называть «различные в структурном отношении устойчивые сочетания слов, в большинстве случаев афористического характера, источник возникновения которых (литературный, фольклорный, публицистический и т. п.) мыслится как общеизвестный» [Баранов, Добровольский 2008: 70]. Крылатые слова, таким образом, не являются отдельным лингвистическим классом, а входят в состав либо идиом, либо паремий, выделяясь среди них по параметру известности источника происхождения. При этом статус данных высказываний весьма шаток, поскольку для человека, владеющего информацией об источнике происхождения высказывания, оно будет являться крылатым словом, однако если говорящий / слушающий не знает этого источника, данное выражение для него ничем не будет отличаться от собственно идиом или паремий. Одни выражения, заимствованные из конкретных источников, воспринимаются и используются скорее как цитаты, у других же связь с прецедентным текстом практически стерлась. К последним можно отнести, например, такие выражения, как *принести на блюдечке с голубой камочкой* («Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова), *жребий брошен* (слова, приписываемые Юлию Цезарю), а также многочисленные микроцитации библейского текста, прочно входящие в фонд устойчивых выражений практически всех европейских языков.

«Эвристическая ценность понятия крылатых слов проявляется в том, что в ряде случаев предположения о существовании общего фонда знаний о происхождении того или иного устойчивого идиоматизированного выражения позволяют “упаковать” в план его содержания много дополнительной информации, которая не может быть расшифрована без активизации соответствующих знаний» [Баранов, Добровольский 2008: 71–72]. Т. е. экстралингвистическая информация (знание автора, ситуации употребления фразы в произведении или реальной ситуации-источника), являются более значимыми, нежели собственно семантика выражения. На уникальности семантики крылатых слов, хранящей память об авторе или историческом событии, породившем

единицу, настаивает и С. Г. Шулежкова, противопоставляя на этом основании ФЕ и крылатые слова [Шулежкова 2010: 25].

Некоторые из данных выражений продолжают восприниматься как явные цитаты на всем протяжении своего существования, другие же теряют соотнесенность с конкретным произведением (ситуацией) и переходят для носителей языка в статус идиом либо поговорок. Основной причиной данного перехода является, по-видимому, незнание носителями выражения текста-источника, а следовательно, отсутствие восприятия его как цитаты.

При утрате связи единицы с прецедентным текстом теряется «считывание» ситуации, но актуализируется образность, т. е. происходит переключение с метатекстового на языковой уровень. В литературном языке примерами такого процесса могут послужить фразеологизмы *камень преткновения*, *камня на камне не оставить*, *замечать сучок в глазу* и многие другие, изначально являющиеся цитатами библейского текста.

Оппозиционная концепция представлена у В. Хлебды, конституирующего крылатые слова как не-цитаты, поскольку цитата является частью чужого текста, который говорящий использует с нужной ему целью. Крылатые же слова (однозначно относимые исследователем к фразеологизмам), представляют собой «не цитату из высказывания представителя ряда, не фрагмент его единичной наррации, но выделенный из нее <...> дистиллят, вербализатор определенной совокупности смыслов, ставшей уже нашим общим достоянием» [Chlebdá 2010: 11].

Представляется, что доминанта общекультурной информации (знание источника, ситуации употребления фразы в исходном тексте и т. д.), отмечаемая А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским, характерна для начального этапа вхождения устойчивого выражения в узус. Дальнейшее же его существование и функционирование характеризуется скорее уходом этой информации на второй план и соотнесением выражения в большей степени с внеязыковой, нежели с текстовой действительностью, что согласуется с позицией В. Хлебды. Учитывая тот факт, что говорящий не всегда знает изначально

атрибуцию высказывания (как это происходит в случае с библейскими цитатами), следует, как кажется, причислять крылатые слова, соответствующие по структуре словосочетаниям, к разряду ФЕ.

На основании удовлетворения условию номинативной цельности к разряду фразеологизмов В. Н. Телия и О. С. Ахмановой причисляются неословные термины и номинативные конструкции (типа *железная дорога*, *грудная клетка*, *белый гриб* и т. п.). Однако в функциональном аспекте единицы такого рода оказываются отличными от слова: если слово выполняет номинативную функцию (и, следовательно, ФЕ должна выполнять ее же), то для неословных терминов ведущей функцией является классифицирующая. Кроме того, ни термины, ни номинативные конструкции не удовлетворяют определению идиоматичности, данному А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским, которое подразумевает существование в языке более простого способа указания на денотат, поскольку являются единственным способом номинации. Таким образом, представляется нецелесообразным относить данные словосочетания к ФЕ.

§ 2. Динамика фразеологических единиц

Фразеология в широком понимании, представляя собой сложную структуру, между классами которой наблюдается взаимодействие, включена также в межуровневые языковые отношения, а также, безусловно, в особые отношения с внеязыковой действительностью. Взаимодействие разрядов фразеологии, изменения и переходы единиц из одного разряда в другой отмечает В. Н. Телия [см. Телия 1996: 76–77]. Говоря о путях формирования фразеологии, Л. И. Ройзензон выделяет три основных типа фразеологизации: а) собственно лингвистический; б) логико-синтаксический; в) экстралингвистический [Ройзензон 1973: 93].

К. Клосиńska предлагает следующую классификацию источников фразеологизмов, а также механизмов фразеобразования (объединено К. Клосиńskiej [см. Kłosińska 2016]):

Источники фразеологизмов:

1.1. Языковые тексты культуры⁷.

1.1.1. Универсальные языковые тексты культуры (Библия и мифология).

1.1.2. Другие языковые тексты культуры (произведения литературы, публицистические тексты, фильмы, интернет-мемы и т. д.).

1.2. Внеязыковые явления.

1.3. Другие языковые системы.

1.3.1. Иностранные языки.

1.3.2. Другие формы существования языка⁸.

Механизмы фразеобразования:

2.1. Ограничение сочетаемости лексем до единичной.

2.2. Деривации.

2.2.1. Формальная деривация (образование фразеологизма из другого фразеологизма, паремии или лексемы).

2.2.2. Семантическая деривация (образование переносного значения у свободного словосочетания).

2.3. Семантические переносы (метафорический, метонимический, метафорически-метонимический):

2.3.1. Из фразеологизмов либо устойчивого синтаксического комплекса.

2.3.2. Из лексем.

2.4. Использование несемантических особенностей лексем (этот способ предполагает возникновение фразеологизмов, основанных на созвучиях, типа *снова здорово*, *поехать в Ригу* 'о рвоте'⁹ (пример К. Клосиньской) и т. п.

В. И. Мокиенко выделяет следующие пути становления фразеологической единицы:

1. Движение от меньшего контекста к большему:

1.1. Слово > ФЕ.

⁷ Т. е. выраженные посредством языка, а не носящие воплощение, например, визуальное, виртуальное и т. д.

⁸ У К. Клосиньской буквально «Другие виды польского» («Inne odmiany polszczyzny»).

⁹ Подразумевается созвучие *Рига* – *рыгать*.

1.2. Меньшая ФЕ > большая ФЕ (*смотрит как баран > смотрит как баран на новые ворота, попала возжжа под хвост > попала возжжа под мантию* [Е. Шварц, «Обыкновенное чудо»] > *попала возжжа под царственную мантию* – в данном случае совмещаются авторская переработка исходного образа и распространение словосочетания дополнительными членами).

Также возможно развитие ФЕ в пословицу и даже литературный текст¹⁰.

2. Движение от большего контекста к меньшему:

2.1. Большая ФЕ единица / пословица > меньшая единица (*как собака на сене лежит: и сама не ест, и другим не дает > собака на сене; и вся недолга песня > и вся недолга*).

2.2. ФЕ > слово (*тянуть волынку > волынить*). Представляется возможным рассмотреть лексикализацию как фазу становления ФЕ, поскольку в данном случае лексема и ФЕ, послужившая ее источником, существуют в языке параллельно; кроме того, лексикализация возможна в том случае, если неоднословный «прототип» хорошо известен, возникшее на его базе слово будет узнаваемым, а сам «прототип» – прочитываемым во внутренней форме слова.

Существуют следующие способы эксплицирования ФЕ:

1. Нарращивание исходного фразеологизма или слова (пск. *змей сипатый / шелудивый / рогатый, чурка с глазами < чурка* – примеры В. М.).

2. Соединение слов с «равноправными значениями» (*ни богу свечка ни черту кочерга, ни рыба ни мясо, ни слуху ни духу* и т. п.).

3. «Разложение» слова во фразеологизм (*войти в ум* ‘поумнеть’).

Для имплицирования же можно выделить такие способы:

1. Эллипсис (*пойти на попятный двор > пойти на попятный*).

2. Словосложение (*щелкающий пером > щелкопер*).

3. Аффиксальное словообразование (*ломать /играть / корчить комедию > пск. комедить*).

¹⁰ См., напр., текст песни М. Щербакова «Нет, нет!.. Твое ли дело - облака...» [<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=12082>], построенный на игре с ФЕ *строить воздушные замки*.

Если рассматривать бытование устойчивой единицы в языке, то представляется возможным выделить несколько стадий: 1) многословное сочетание; 2) немногословное сочетание; 3) лексикализация. При переходе от первой стадии ко второй происходит расширение значения. Сокращение плана выражения приводит к большему удобству использования фразеологизма в речи, к разнообразным вариантам его сочетаемости, и, соответственно, увеличению семантических оттенков. Так же, как и слово, ФЕ может варьировать значение в сторону большей или меньшей абстрактности в зависимости от контекста [см.: Бабкин 1970] и может описывать большее количество ситуаций, нежели это было заложено и было возможно в соответствии с внутренней формой изначально. А. Н. Баранов приводит историю выражения *снимать пенки*, которое изначально существовало в форме *снимать пенки с грязи / с беспробного золота*, затем утратило элемент косвенного дополнения (как правило, являющийся эвфемизмом) и приобрело наиболее известный вид, после чего окказионально компрессировалось до лексем *пенкоснимательство*, *пенкосниматель* и др. Как отмечает Б. А. Ларин, нередко образование нового метафорического значения фразы сопровождается утратой компонентов, наиболее сопряженных с конкретным содержанием.

Другой путь дальнейшего существования фразеологизма – «деформация идиомы» (термин О. С. Ахмановой [см.: Ахманова 1957: 170]), которая заключается в своеобразной игре с используемым во фразеологическом выражении образом. При этом возможен ряд путей обработки исходной ФЕ:

А. Использование конкретных образов выражения для обозначения отдельных отвлеченных понятий: *Если всех мух уничтожим, то из чего же слонов делать будем?* (пример О. С. Ахмановой). В данном случае фразеологизм способствует выработке у слова нового переносного значения, которое изначально не было в нем заложено. А. М. Мелерович предлагает методику семантического анализа фразеологизма, при котором развернутое толкование выбранной единицы сравнивается с ее структурной схемой. При этом каждому

компоненту фразеологизма начинает соответствовать определенный семантический фрагмент. Так, например, вышеприведенное выражение *делать из мухи слона* растолковывается посредством развернутого сочетания структуры ‘считать, представлять что-либо незначительное значительным, особо важным’, где компоненту *делать* приписывается значение ‘считать, представлять’, компоненту *муха* – ‘что-либо незначительное, несущественное’, а компоненту *слон* – ‘что-либо важное, значительное, существенное’ [см. Мелерович 1979].

Б. Замена компонента фразеологизма, вызванная игрой с образом реальности: *Что ты мне лапшу на уши вешаешь? Да там уже не лапша – спагетти!*

В. Перифраз фразеологизма: «*Напиши ей текст этой песни, скажи, что ты сам написал. – Ага. «Дорогая, я тут тебе песню написал... Кстати, дорогая, ты лапшу, случайно, не любишь?»*; «*Лапшу у меня с ушей сними, да?»*» (как требование прекратить обман-розыгрыш).

Ср. в тексте песни Г. Васильева:

Уже не для меня звучит ваш голос хрупкий,
Какой-нибудь злодей, ловкач и рифмоплет
Просунет вам лапшу сквозь дырочки на трубке
И строго куда надо попадет.
Вы станете умней, вы разберетесь сами,
Кто прав, кто виноват, кто плут, кто рифмоплет.
Поймете, что лапша с моими кренделями
В сравнение ни в какое не идет, –

где в первой строфе мы наблюдаем перифраз ФЕ *вешать лапшу на уши*, а во второй – развитие у слова *лапша* переносного значения ‘обман, ложь’.

§ 3. Специфика отношений между образом и семантикой ФЕ и фразеологическая идеография

ФЕ в большинстве своем¹¹ представляют собой один из видов образной номинации, т. е. такой, в которой «мотивация свойствами объекта осуществляется через ассоциативное отождествление образа называемого объекта и образа предмета, знание о котором уже закреплено вербально» [Рут 2008: 50]. В их структуре присутствуют две ситуации, одна из которых является номинируемой и составляет значение (план содержания – ПС) единицы, другая же лежит в основе номинации, представляя собой «видимый» образ (т. е. план выражения – ПВ). А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, определяя эти две составляющие как актуальное значение и внутреннюю форму, отмечают, что «актуальное значение лишено образа, и в этом смысле оно близко значениям слов обычной (неметафорической) лексики» [Баранов, Добровольский 2009], внутренняя форма же – «это образный компонент плана содержания, который часто проявляется в нестандартных употреблениях, формируя игровой слой семантики» [Там же].

Представляется, что каждый из указанных компонентов является значимым для закрепления единицы в узусе. С одной стороны, для представителей того или иного социума (и шире – носителей той или иной формы существования языка) определенный фрагмент действительности должен быть важен и экспрессивно оцениваем, чтобы получить фразеологическую номинацию. С другой же – ситуация, при помощи которой происходит такая номинация, должна быть понятна и легко прочитываема.

В этом случае видится целесообразность анализа идеографической системы ФЕ и, следовательно, разработки и построения их тематико-идеографической классификации.

¹¹ Говоря «в большинстве своем», мы признаем точку зрения исследователей, относящих к ФЕ устойчивые номинативные комплексы типа *белый гриб*, *железная дорога* и т.п., хотя в данной работе такие единицы не включаются в разряд фразеологических.

Стремление к идеографическому осознанию языка имеет богатую историческую традицию (см. описания идеографических словарей в [Морковкин 1970]), а также широкое применение в настоящее время. Для современного русского языка имеется опыт разработки таких классификаций как лексики, так и фразеологии, на материале различных форм существования языка, в полном или частичном освещении (см. [Шведова 2011]; [Бабенко 2005]; [Бабенко 2007]; [Бабенко 2008]; [Козлова 2001]; [Словарь-Тезаурус]; [Раков 1988]; [Грязнова 2012]; [Сергеева 2004]; [Алексеев 2004]; [Леонтьева 2018]; [Земичева 2019] и др.). Идеографическое описание может идти двумя путями: дедуктивным (при котором система классификации является предзаданной материалу и разработанной на логическом основании) и индуктивной (проистекающей из свойств материала, выработанной вследствие анализа и систематизации имеющихся единиц). При этом, как отмечает В. В. Липина, «имея в виду существующее разнообразие языковых систем, народов и внеязыковой деятельности, трудно предполагать существование не только универсальной идеографической схемы для многих языков, но и схемы, однозначно трактующей какой-либо один язык» [Липина 2000: 28].

Поскольку фразеологические единицы являются семантически сложными образованиями, описывающими, как правило¹², не какой-либо объект, а ситуацию в комплексе, а также содержащие коннотативный фон эмоционально-экспрессивной ее характеристики, фразеологическая идеографическая сетка *a priori* не может отражать весь набор понятий, которыми пользуется человек¹³. Такая сетка является выборочной, охватывая те ситуации, с которыми человек имеет дело непосредственно, в ходе повседневного взаимодействия, и представляя, таким образом, фразеологическую картину мира [см.: Никитина 1995: 72]. Как отмечает В. М. Мокиенко, «учет идеографической из-

¹² См. оговорку в предыдущем примечании.

¹³ При этом интересной и важной – хотя и весьма сложной – представляется задача сравнить идеографические сетки, заполняемые лексикой и фразеологией, чтобы выявить лакуны фразеологического обозначения.

бирательности фразеологической системы обеспечивает ее более концентрированное описание, создает основу для выявления изосемантических рядов, характерных для ФЕ» [Мокиенко 1995: 5].

Такие свойства объекта приводят к тому, что идеографическая сетка понятий, выражаемых при помощи ФЕ, должна составляться не предписательно, на основе предшествующих логических умозаключений о структуре мира, а описательно, исходя из языкового фразеологического материала. Данный подход «дает возможность представить фразеологический материал, выводя на первый план “ментальную карту”, совокупность отраженных в языке фрагментов действительности, имеющих настолько важное значение для носителей языка, что они были закреплены в устойчивых образных выражениях» [Семёнова 2006: 8]. На индуктивном подходе настаивают также А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, отмечая при этом, что возникающая при этом структура фразеологии «с формальной точки зрения больше напоминает семантическую сеть. Это отражает естественное устройство семантики фразеологии, которая в общем случае организована не по иерархическому, а по сетевому принципу» [Баранов, Добровольский 25].

Под понятием, согласно Философскому энциклопедическому словарю, подразумевается «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними» [ФЭС: 513]

Идеограмма в рамках данной работы понимается как «нейтральный эквивалент фразеологической единицы, представляющий собой слово или словосочетание, содержащее классему и основные элементарные смыслы (семы) фразеологизма» [Кириллова 2003: 167]. Как отмечают И. И. Синельникова и С. А. Андросова, идеограмма является необходимым элементом при описании фразеологии, поскольку именно она не только помогает переводить ФЕ с одного языка на другой, но и обеспечивает их понимание в рамках одного языка,

«переводя» фразеологическое экспрессивное значение в нейтральное [см. Синельникова, Андросова 2014: 123]

Идеографическое содержание фразеологии предстает как сеть идеограмм, заполненных ФЕ и организованных по тематическому или полемому принципу. Под термином «фразеосемантическое поле» понимается совокупность фразеологических единиц, объединенных общим семантическим признаком [Сабурова 2002: 82; см. также Синельникова, Андросова 2014: 123]. Иерархические отношения, обычно подразумеваемые как неотъемлемая принадлежность идеографической системы, в данном случае не имеют реализации на собственно фразеологическом уровне: поскольку ФЕ не вступают в родовые отношения (невозможно, к примеру, найти фразеологизм со значением ‘пространство’ или ‘социальный статус’, однако существует множество единиц со значением конкретных характеристик пространства или обозначающих определенный социальный статус и т. п.), идеограмма, обозначающая определенную тематическую сферу или ее подраздел будет выражена лексически. Таким образом, все элементы (выраженные ФЕ) обладают равным статусом, однако объединение их в подгруппы группы и более крупные таксономические единицы происходит путем выделения и лексического (не-фразеологического) обозначения идеограмм.

Выводы по первой главе

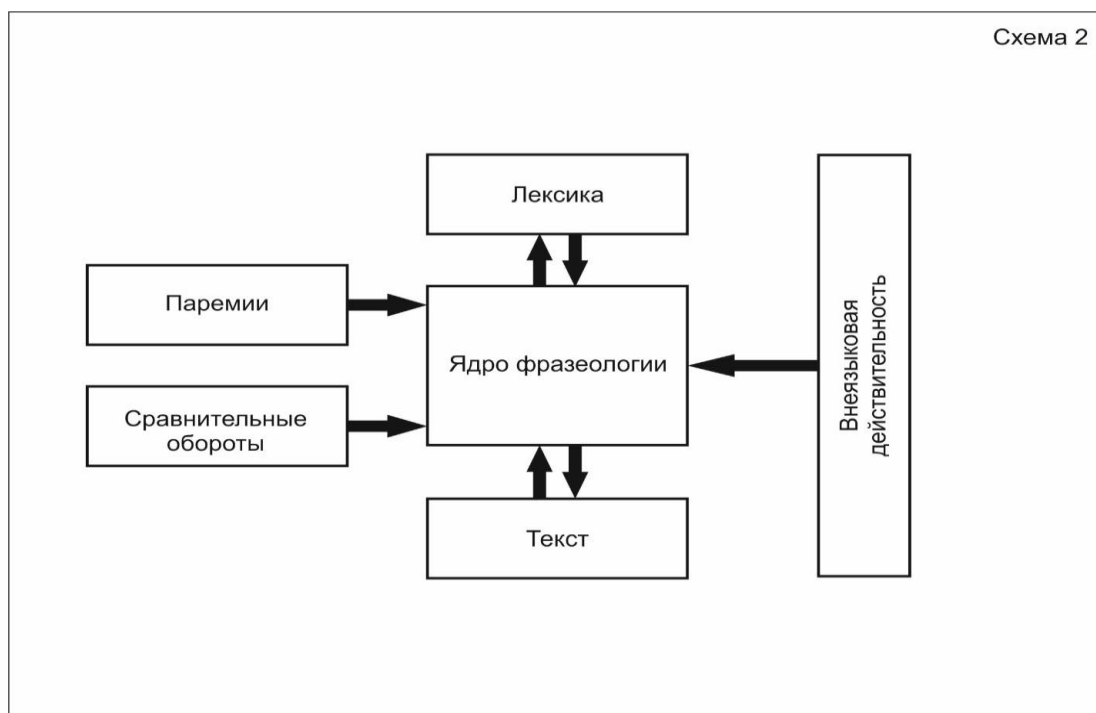
Таким образом, для ФЕ в целом основными дифференциальными признаками являются неоднословность, устойчивость и идиоматичность, ядерная же зона фразеологии обладает, помимо вышеперечисленных, дополнительными признаками образности, эквивалентности слову в функциональном и семантическом аспектах, номинирующей, а не классифицирующей функции. Ядерно-периферийное деление фразеологии схематически можно представить следующим образом (см. схему 1):

В данной работе ведущим параметром фразеологизма признается идиоматичность, дополнительными – образность и экспрессивность. Таким образом, в поле внимания попадают единицы «ядерной» зоны фразеологии – идиомы и фразеологические обороты¹⁴, крылатые слова, соответствующие словосочетанию, а также устойчивые сравнения, не допускающие лексикализации. Выделение именно таких ведущих параметров обусловлено сосредоточением на особой связи между планом выражения и планом содержания ФЕ, при которой образ конкретной ситуации может становиться выразителем абстрактного свойства множества ситуаций. Такой особенности нет у паремий, обладающих оценочно-морализаторской функцией, нет ее и у серийных образований, неоднословных союзов, сочетаний со служебным словом и иных видов единиц. Включение же в состав исследуемых фразеологических единиц крылатых слов, соответствующих словосочетанию, обусловлено их использованием в речи независимо от известности говорящему прецедентного текста.

¹⁴ Под фразеологическими оборотами вслед за В. Н. Телия и А. В. Жуковым понимаются «обороты с остаточными или приобретенными лексико-семантическими свойствами отдельных компонентов» [Жуков 1984: 39; Телия 1996: 62], типа *между двух огней*; *смотреть сквозь пальцы* (примеры В. Н. Телия).

Взаимодействие ядра фразеологического состава с периферийными зонами, а также другими уровнями языковой системы и внеязыковой действительностью представлено на схеме 2:

Паремии и сравнительные обороты рассматриваются как источник фразеологии в том случае, когда происходит сокращение паремии, а сравнительный оборот несет в себе обязательное и устойчивое основание сравнения. В случае взаимодействия фразеологии с лексикой возможны противоположные процессы лексикализации фразеологизма (*баклушничать*; *небокоптител* и т. п.) и разворачивания лексемы в устойчивую неоднословную единицу (*молоть* > диал. *молоть как мельница*). На уровне текста взаимодействие также может быть направлено в обе стороны. С одной стороны, может происходить компрессия смысла текста в одно высказывание, становящееся крылатым выражением и являющееся как бы репрезентантом всего текста или значимой его части. С другой стороны, фразеологизм может становиться основой для создания текста либо его части (как это происходит, например, в случае авторских модификаций, когда текст представляет собой языковую игру, создающую своего рода намек на ФЕ) [см. Архангельская 2012; Божко 2007; Ваба 2009 и др.].

В рамках данной работы основной интерес исследования сосредоточен в области «внеязыковая действительность → фразеологизм». Единицей презентации внеязыковой действительности в работе принята *идеограмма*, т. е. вербализуемое (в данном случае посредством ФЕ) знание о реалии [см.: Тихомирова 2013; Борисова 2016].

Очевиден тот факт, что ситуации окружающего мира, как природного, так и социального, становятся образной базой для фразеологической номинации. Однако представляется интересным рассмотреть, каковы факторы, влияющие на закрепление таких образных неоднословных описаний для тех или иных типичных ситуаций.

В качестве двух базовых факторов представляются «удобство» плана выражения ФЕ и важность идеогаммы, заполняемой ею. Представляется, что их можно выявить путем индуктивного создания тематико-идеографической классификации. При этом выделяемые макроклассы будут едиными и для номинируемой (ПС), и для номинирующей (ПВ) ситуаций. В ходе работы на базе диалектного материала выделяются такие сферы, далее разработанная классификация рассматривается в применении к общенародной фразеологии и устойчивым единицам, используемым малой социальной группой, что позволяет выявить специфику тематического заполнения и выбираемой образности для каждой из форм существования языка.

Глава 2. Тематико-идеографическая систематизация диалектного и общенародного фразеологического материала

В данной главе предлагается тематико-идеографическая систематизация диалектного и общенародного фразеологического материала, целью которой служит выявление активно заполняемых фразеологией семантических полей для каждого из фразеонимиконов.

Основным материалом классификации послужили ФЕ, зафиксированные в говорах Костромской области. Материал извлекался методом фронтального просмотра электронной базы данных ЛК ТЭ, основу составляют полевые исследования, проводившиеся в Вохомском, Октябрьском, Павинском и Шарьинском районах (также точечно включены факты, собранные в Солигаличском, Кадыйском, Макарьевском, Нейском районах) Костромской области.

Диалектный материал подается на фоне фразеологии общенародного языка. Целью такой подачи является выявление наиболее значимых идеограмм, заполняемых как диалектной фразеологией (не имеющей изначально установки на наличие нормы), так и единицами общенародного языка (закрепленными нормой по своей природе), а также поиск уникальных идеограмм и способов выражения, присущих той или иной форме существования языка.

Основой для тематико-идеографической характеристики фразеологии общенародного языка является «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Выбор данного источника материала обусловлен намерением сопоставить две «живые» фразеологические системы. Диалектная фразеология является «живой» и подвижной в силу своей незакрепленности строгой нормой. В основе же «Словаря-тезауруса», как отмечают авторы, «лежало стремление представить современный русский язык в реальном употреблении» [Словарь-тезаурус: 10]. Используются как материалы данного словаря (относящиеся к разным сферам функционирования – книжной, публицистической, разговорной), так и разработанная авторами классификация семантических полей, заложенная в основу тезауруса. Однако представленная классификация не берется нами в неизменном

виде, хотя и служит существенным ориентиром при выделении тематических сфер. В частности, ряд семантических полей, предложенных авторами «Словаря-тезауруса», в рамках данной работы получает переосмысление и перераспределение по иным группам. Принимая многозначность ФЕ, обусловленную ее идиоматичностью, и уважая стремление авторов словаря учесть все аспекты значения фразеологизма, в рамках собственной классификации мы стремимся ориентироваться скорее на более общее значение и относим одну единицу к одной идеограмме.

Учет «двуситуативности» ФЕ (при которой одна ситуация является номинируемой, а другая представляет собой образ, посредством которого происходит номинация) приводит к возможности классифицировать материал, выделяя единое основание образности как для ПВ, так и для ПС. Такая концепция классификации, как представляется, позволяет выделить, с одной стороны, наиболее важные для фразеологической номинации идеограммы, с другой – образы и ситуации, посредством которых происходит номинация.

Разработка классификации производилась не предписательно (на основании заведомо разработанной идеографической сетки, в которую подставлялись бы зафиксированные ФЕ), а на основании имеющегося материала. Из ЛК ТЭ путем фронтального просмотра были выбраны 455 ФЕ, составившие базу классификации.

На основании анализа диалектной фразеологии выделены 4 тематические макросферы, присутствующие как в номинируемых объектах и ситуациях, так и в образном плане ФЕ:

1. Пространство. 2. Время. 3. Социум. 4. Материя. Таким образом, каждый план содержания потенциально может быть выражен через четыре образные группы плана выражения. Например, семантика пространства может получать выражение через пространственные же образы (костр. пав. *объехать Юг и Ёмтал* ‘побывать везде’), а также через образы сфер «Время» (костр.

окт., пав. *суббота долгие воскресенья* 'об одежде, выступающей из-под другой) и «Материя» (костр. шар. *заяц разбежится да перескочит* 'о чем-либо небольшом по размеру').

В отличие от большинства классификаций сфера «Человек» не выделяется нами как отдельный макроклас, поскольку образные ФЕ представляют собой «знаки антропоцентрические по своей идеографической ориентации и антропометрические – по основаниям классификации» [Телия 1996: 176], и, как минимум, в диалектной фразеологии «от-человечная» точка отсчета выявляется во всех тематических сферах¹⁵. Представляется целесообразным рассматривать человека с точки зрения физиологии и интеллекта – т. е. человека как «единичный» объект – в сфере «Материя», поскольку телесные и умственные особенности являются по сути своей материальными. Сложная же совокупность надматериальных характеристик и связей человека, составляющая его взаимодействие с другими людьми, относится к сфере «Социум». Макросферы «Пространство» и «Время» включают в себя категории и маркеры довольно абстрактных мыслительных классов. Следует подчеркнуть возникающие при сравнении «сеток» общенародной и диалектной фразеологии несовпадения полей: так, например, мы осознаем целесообразность выделения для общенародной фразеологии поля «Количество» и, вероятно, объединения его с полями «Время» и «Пространство» в макросферу «Абстрактные категории». Однако для диалекта это представляется не оптимальным решением, поскольку в проанализированном нами материале количественные характеристики являются не универсальными, а «привязанными» к тому или иному объекту (количество людей, количество мусора и т. д.).

Обратимся к тематическим сферам в плане содержания ФЕ.

¹⁵ Подобный подход представлен также в «Материалах для идеографического словаря новгородских фразеологизмов» [Сергеева 2004], где выделяются макросферы «Эмоции человека»; «Свойства, качества, наклонности человека»; «Характеристика явлений и ситуаций».

§ 1. Тематическая сфера «Пространство»

Диалектная фразеология

В диалектной фразеологии сфера «Пространство» в плане содержания выделяет следующие идеограммы:

– аномально большое или малое расстояние в горизонтальной или вертикальной плоскости (т. е. оппозиционные характеристики ‘далеко’ / ‘близко’, ‘высокий’ / ‘низкий’, ‘глубоко’ / ‘мелко’ и т. п., напр. костр. кад. *кура перебрёдет* ‘о мелком водоеме’: «Да это не река, ручеёк, там кура перебрёдет»; костр. окт. *шапка на голове не усидит* ‘о высоком лесе’: «Там лес был – шапка валится, глянешь – шапка на голове не усидит»);

– перевернутое положение (напр. костр. шар. *вверх / кверху бардой*¹⁶ ‘об упавшем и перевернувшемся предмете или человеке’: «Телега лежит кверху бардой», «Кверху бардой – это вниз головой упасть»);

– ровность / неровность поверхности (костр. вохом. *хоть яичко кати* ‘о ровной поверхности’: «Дорога сейчас с Вохмы хорошая, ровная, хоть яичко кати»; костр. пыщ. *стыки на мотыке* ‘о неровной дороге’ «Едешь на быке, стыки на мотыке»);

– «незавершенность» направления (костр. вохом. *татарская дорога* ‘глухая, никуда не ведущая дорога; дорога без «конечного пункта»’ «Там сейчас татарская дорога, всё заросло, да куда она, я и не знаю»; «После Быстрыны татарская дорога, ничего уж нет, ни одной деревни»);

– «разнотерриториальность» в аспекте различного по территории происхождения (костр. пыщ. *один с Борку другой с Дорку*; костр. окт. *одна с Борку другая с веретий* ‘о людях из разных мест’: «Раньше женились-то в Погорелке в одной, из семьи в семью переходят. Ведут в церкву, обвенчаются по-хорошему, и свадьбу сделают. Не то что нынче один с Дорку, а другой с Борку»;

¹⁶ *Барда* как лексема не зафиксирована в этом же районе; в других районах Костромской области имеет наиболее частое значение ‘осадок в пиве, квасе, браге и т.п.’. Т. е. задается образ такого пространственного положения, при котором вверху оказывается то, что должно быть внизу, «на дне».

«Одна, говорит, с Борку, другая с веретий, из разных мест, все перемешались»), а также в аспекте пространственной всеохватности (костр. пав. *объехать Юг и Ёмтал* ‘о том, кто везде побывал’: «Я объехал Юг и Ёмтал – круг свету белого всё объехал»).

В социальном аспекте маркируется также аномальное пространственное положение одежды (костр. окт., пав. *суббота дольше воскресенья* ‘об одежде, выступающей из-под другой, «из-под пятницы суббота»’: «Суббота дольше воскресенья, выставилась поднизовая рубаха из-под юбки»).

Таким образом, с точки зрения плана выражения наиболее активно сфера «Пространство» воплощается через пространственные же образы, а также через образы, связанные со сферой «Материя». Наиболее активными пространственными маркерами становятся топонимы, имеющие как повсеместную (костр. вохом. *шире до Москвы дале до Костромы* ‘о быстро распространяющейся сплетне’: «Я ещё не подумала, а уж разнеслось шире до Москвы, дале до Костромы»), так и узколокальную значимость (костр. вохом. *на Якунино* ‘о чем-либо, находящемся очень далеко’: «Я без тебя не уберу что ли? Нечего помогать – мне ровно это на Якунино нести!»); костр. пыщ. *один с Дорку, другой с Борку*; костр. пав. *объехать Юг и Ёмтал*). При этом использование местных топонимических образов характеризуется большей активностью. В качестве своеобразной меры пространства могут выступать также объекты окружающего мира, в соотношении с которыми оценивается характеризуемый объект (костр. парф. *вырасти с ёлку* ‘о высоком росте’: «Бабушка всё говорила: с ёлку вырос, большой, а ума нет»; костр. шар. *курице по холку* ‘мелко, не глубоко (о реке)’: «По ней сплавляли лес, а сейчас иди – курице по холку»).

В качестве образов сферы «Материя» для ФЕ с пространственной семантикой используются ситуации, связанные с действиями животных и бытовыми действиями, в которых проявляются характеристики пространства – близость расположения объектов, ровность поверхности, компактность и малое количество (костр. кад. *лаптем мерить* ‘о малом количестве земли’: «Раньше-то ведь

не хватало земли, землю-то прежде лаптем мерили»; костр. шар. *заяц разбежится да перескочит* 'о чем-либо небольшом по размеру (зд.: компактно расположенном)': «Тут место-то – заяц разбежится да перескочит. Мало места-то»; костр. кад. *кура перебредёт* 'о мелком водоеме': «Да это не река, ручеёк, там кура перебредёт»; костр. вохом. *хоть яичко кати* 'о ровной поверхности': «Дорога сейчас с Вохмы хорошая, ровная, хоть яичко кати»).

Социальные и темпоральные образы слабо задействованы сферой «Пространство». Отэтнонимическое прилагательное *татарский* используется для обозначения неправильного объекта как чужого (костр. вохом. *татарская дорога*) – ксенообозначение передает идею неправильности, несоответствия норме [см. Березович 2014: 182–199]. Антропоним (костр. парф. *полтора Ивана* 'высокий человек' «Вон у нас сын высокий, так всё полтора Ивана») можно рассмотреть как социальный образ с долей условности, поскольку в данном случае он обозначает не известного участника сообщества, коллектива либо известную личность, а человека-мужчину вообще [см.: Спиридонов, Феоктистова 2016: 78–79; Феоктистова 2016: 94]¹⁷. Темпоральный образ фиксируется однократно, в единице, обозначающей неправильно надетую одежду (костр. окт., пав. *суббота дольше воскресенья*).

Фразеология общенародного языка

Фразеология современного общенародного языка в тематико-идеографической сфере «Пространство» выделяет следующие частные идеограммы:

- большое расстояние в горизонтальной или вертикальной плоскости (*семь вёрст до небес [и все лесом]* (народн.); *за тридевять земель* (народн.); *куда Макар телят не гонял* (народн.); *у черта на куличках* (народн.) и др.);
- близость пространственного расположения, теснота (*голова к голове; дверь в дверь; дышать в затылок; рукой подать; яблоку негде упасть; как сельди в бочке* и др.);

¹⁷ Возможной представляется и другая интерпретация, соотносящая ВФ данной единицы с образом храма-колокольни Ивана Великого: ср. сиб. *выше Великого Ивана* (Вани 'очень высокий' «В Москве есть церковь, дак он выше Великого Ивана» [Алексеев: 29]. В таком случае, следует рассматривать мотивировочный образ как относящийся к сфере «Материя».

– фразеологические номинации конкретных локусов (стран, континентов, городов) представлены почти исключительно в книжной и публицистической сферах употребления и представляют собой, в большинстве случаев, перифразы, а не собственно ФЕ (*мать городов русских; страна восходящего солнца; окно в Европу* и др.). Отсутствие подобных номинаций в диалектной фразеологии можно, вероятно, связать с двумя причинами: а) существенно меньший и более локальный набор актуальной топонимии, функционирующий в диалектном дискурсе; восприятие даже региональных центров как маркеров далекого пространства, что приводит к отсутствию потребности «осваивать» топонимию фразеологически, экспрессивно; б) более прагматический подход к самой топонимии, при котором существенно более важен ее функционал – служить пространственным ориентиром, а не идеологическая наполненность.

Большую часть ФЕ тематической подгруппы «большое расстояние» относят к функционирующим в народном дискурсе, на основании апелляции в образной сфере к фольклорным сюжетам.

Семантика близости пространственного положения передается, как правило, через образность сферы «Материя» с акцентом на «человеческой» ее части: в ПВ таких фразеологизмов задействованы наименования частей тела и элементов дома человека, при этом скорее городской квартиры, нежели деревенского дома (*дверь в дверь; висеть на люстрах*).

§ 2. Тематическая сфера «Время»

Диалектная фразеология

Сфера «Время» оказывается минимально заполненной как в отношении образов плана выражения, так и в отношении идеограмм плана содержания. Основными фиксируемыми при помощи ФЕ характеристиками времени являются:

– чрезмерная длительность (костр. шар. *через Шпердиху ходить* ‘о долгом отсутствии того, кого ждут’: «У нас деревня была далеко-далеко – Шпердиха. И вот пошлѣшь кого в магазин – и нет, и нет, и нет. Придѣт – спрашиваешь: «Через Шпердиху что ли ходил?»»¹⁸;

– темпоральная отдаленность (костр. кад. *когда грибы воевали* ‘очень давно’ «В старину было, когда грибы воевали»; костр. вохом., пыщ., с-гал., шар. *при царе косаре*, костр. вохом. *при царе Кесаре* ‘очень давно’: «Это тоже при царе косаре ещё было, я ещё маленькая была», «Всѣ у меня по-старушечьи. Всѣ старушечье, всѣ из прошлого века, всѣ было при царе Кесаре. В далеком прошлом был царь Кесарь. Всѣ старое было при царе Кесаре»);

– ирреальность; «никогда» (костр. парф. *когда рак на Акуловой горе свистнет* ‘никогда’: «– Отдай книжку! – Отдам, когда рак на Акуловой Горе свистнет», «Говорят “когда рак на горе свистнет”, а у нас “когда рак на Акуловой Горе свистнет”»¹⁹; костр. окт. *потом, когда кошка будет котом* ‘никогда’ «Потом найду фотографию, когда кошка будет котом»);

– возраст как «человеческий» аспект времени (костр. окт. *ехать с дальней пожни*; *ехать с веселой горы* ‘жить вторую половину жизни (обычно о женщине)’: «Она уж едет с дальней пожни, немолодая баба»; костр. окт. *ехать в зорьку* ‘вступать в юность, встречать рассвет жизни’: «Молодая – едет в зорьку. После сорока едет с весёлой горы»).

Характерно, что близкие, вероятно, по восприятию для народного сознания идеограммы ирреальности и темпоральной отдаленности выражаются через описания ситуаций. Идеограммы, связанные с возрастом человека, чаще всего получают воплощение при помощи пространственных образов (костр.

¹⁸ ФЕ со значением темпоральной краткости в данных материалах не зафиксированы; своеобразной парой *длительности* выступает идеограмма *внезапности* (костр. вохом. *как шти пролить* ‘внезапно, неожиданно случиться чему-нибудь с человеком’ «Шти пролил – это значит больно быстро что-то случилось. Это если что-то сделал человек, не природа, а человек – как шти пролил. Нет, про природу этак не говорят. Если человек внезапно заболел – ой, говорят, как шти пролил, что-то у него случилось такое»).

¹⁹ *Акулова гора* – гора в окрестностях деревни, в которой была записана ФЕ.

окт. *ехать с дальней пожни, ехать с веселой горы*). При этом выделяется активная модель обозначения преклонного возраста человека, близости его к смерти. ФЕ с такой семантикой строятся по модели «уходить / собираться / отправиться / пора + указание локуса» ‘умирать / быть близким к смерти’. Такая модель (однако с указанием не места, а цели) встречается и в литературном языке²⁰, однако в говорах она получает конкретную географическую привязку, где локус является обозначением местного кладбища. Е. Л. Березович указывает на данный тип модели как специфичный для говоров [см. Березович 2012: 38]. Может использоваться как собственно название кладбища (костр. шар. *пора на Каравай* ‘о близости смерти; о старом человеке’ «Говорят: “Старый совсем стал, пора на Каравай уж”», где Каравай – неофициальное название местного кладбища), так и «смежные» объекты – река, рядом/за которой оно расположено (костр. окт. *одна нога за Ефремовку* ‘о близости смерти’ «Одна нога за Ефремовку – ко кладбищу, уж, значит, близко»; костр. вохом. *отправиться на Хорошавку* ‘умереть’ «У нас есть выражение “отправиться на Хорошавку”. Это значит на кладбище»; костр. вохом. *уехать за Шевелиху* ‘умереть’ «Шевелиха в Макарятах, в Вочь впадает ниже Кортюга. Помереть – значит, уехать за Шевелиху, говорят»), или объект, бывший на том же месте или неподалеку (*собираться в Ермолиху* шутл. ‘быть близким к смерти, «собираться» на местное кладбище Ермолиха (на месте бывшей деревни Ермолиха)’ «О, он уже в Ермолиху собирается»; костр. шар. *на Петух пора* ‘о глубокой старости’ «Там кладбище было рядом, вот и говорят: “Тебе уже на Петух пора!”»; «Мельница Петух была, там же кладбище было. Говорят: пора на Петух – умирать пора»)²¹.

²⁰ Напр., *уйти в мир иной, отправиться к праотцам, отправиться в царствие небесное* [Вальтер и др., 2015: 147]

²¹ Отметим, что такая модель является довольно распространенной для говоров. Ср. новг. *на Петропавловку пора* ‘о близости к смерти’ (*Петропавловка* – название местного кладбища) [Сергеева, 2004: 192]

Фразеология общенародного языка

В общенародном языке план содержания тематической сферы «Время» представлен следующими идеограммами:

– так же, как в диалектной фразеологии, прежде всего отражена темпоральная отдаленность: *при царе Горохе (народн.), много воды утекло, уходит своими корнями, зарости травой*, однако представлено и настоящее время (*злоба дня*) и будущее (*не за горами, на носу*). Недостаточность темпоральной парадигмы в диалектной фразеологии объясняется, вероятно, ситуацией сбора полевого материала, при которой информанты ориентированы, как правило, более на воспоминания о прошлом, нежели на рефлексия, относящуюся к настоящему и будущему;

– ирреальность (*на морковкино заговенье устар. народн., после дождичка в четверг, когда рак [на горе] свистнет*);

– «человеческое» время представлено более детальным, по сравнению с диалектом, делением на разные периоды жизни: детство и молодость (*со школьной скамьи; под стол пешком ходить; молоко на губах не обсохло*), хотя идеограмма преклонного возраста задействована весьма широко (*до седых волос; на краю могилы; на том свете с фонарями ищут* и т. д.);

– идеограмма чрезмерной длительности воплощается весьма активно в общенародном языке, как и в диалекте (*тянуть kota за хвост; топтаться на месте; ждать у моря погоды; тянуть резину; до второго пришествия; с черепашьей скоростью; в час по чайной ложке* и т. д.), однако существенно активнее, чем в диалекте, проявлена идеограмма внезапности и скорости совершения чего-либо, причем следует отметить своеобразную «специализацию» ФЕ, отнесенность их к различным ситуациям и отсутствие полной синонимии (*с быстротой молнии; одним движением руки; по мановению волшебной палочки (книжн.); в мгновение ока; не успеть и рта раскрыть; не успеть и пикнуть* и др.). Сюда же примыкает идеограмма ‘сразу’ (*на одном дыхании; не отходя от кассы*);

– точно представлена идеограмма преждевременности (*бежать впереди паровоза*).

Образность ФЕ с общим значением «Время» весьма разнообразна. Используются как природные образы (*много воды утекло*), так и те, что связаны с «человеческим» и скорее «городским» пространством (*не отходя от кассы; бежать впереди паровоза*). Природные образы связаны скорее со сферой членения времени на прошлое-настоящее-будущее; субъективное же, «человеческое» время выражается, как правило, через типичные для того или иного возраста ситуации (*под стол пешком ходить*). Идеограмма длительности наиболее часто представлена через описание ситуаций, в которых она (длительность) наиболее ярко проявляется.

§ 3. Тематическая сфера «Материя»

Сфера «Материя» в плане содержания представляет собой описание состояний объектов мира. В этой группе выделяются две подгруппы, первая из которых связана с характеристиками человека как «изолированного» объекта, вне его социальных отношений, а другая – описания предметов, их характеристик, отношений между ними.

3.1. Человек

Диалектная фразеология

Характеристиками человека, описываемыми при помощи ФЕ, в диалекте являются следующие:

1. Здоровье, а также физиологические процессы

– наличие хорошего / плохого аппетита. При этом если идеограмма *хороший аппетит* является семантически «чистой» (костр. вохом. *за ушами верещать* ‘о хорошем, здоровом аппетите’: «А что было – хлебали только так, аж за ушами верешшит»; костр. шар. *как за себя бросать* ‘о хорошем аппетите, быстрой еде’: «Он привезёт сена тележку – так они всё съедают, как за себя бросают»), то обозначение *плохого аппетита* связано также с характеристикой *худобы* (костр. вохом., пав. *хоть в солоно корыто посади* ‘о невозможности откормить кого-л.; о прирожденной худобе (о человеке, животном); о

том, кто мало и плохо ест': «Есть такие, хоть в солоно корыто посади, всё равно не откормить»; «Которая жоркая корова – хорошо доится, а измора и есть измора. Её хоть в солоно корыто посади – всё равно»);

– головная боль (костр. шар. *бахмур в голове ходит / возится* 'о головной боли': «В голове горит, в голове бахмур ходит, значит, с головой неладно, болит»; «Башка-то у меня болит; бахмур возится в голове-то»²²; костр. окт. *как на мельнице шумит* 'о боли в голове, шуме в ушах': «В голове, скажет, как на мельнице шумит»);

– боль в плечах (костр. пав. *чёрт сел* 'о боли в плечах': «Чёрт сел; плечи болят, усталость, ой, опять чёрт сел»);

– боль в спине (костр. окт. *Антон в спине закуривает* 'о стреляющей боли в пояснице': «Копаем картошку – ну, Антон в спине опять закуривает»; «Спина болит, дикулит-то, ну, Антон в спине закуривает»);

– слепота (костр. окт. *тёмная вода разлилась* 'о слепоте': «Тёмная вода разлилась у ёй, не выходит из дому»);

– хромота (костр. мак. *идти как рубль пять* 'прихрамывать': «Что идёшь как рубль пять!»; костр. шар. *идти как рубль пять два десять* 'о хромающем человеке': «Посмеивались, так скажем: ну, идёт как рубль пять два десять. Кто хромает идёт»; костр. шар. *как Вера Ломота идти* 'идти неровным шагом': «Вера Ломота прозвали, её ломало всяко-всяко, больная была. Так теперь кто ломается – идёт как Вера Ломота»), проблемы с хождением (костр. шар. *то ли я на бадого*²³, *то ли бадог на мне* 'о плохо передвигающемся человеке': «То ли я на бадого, то ли бадог на мне. Так говорят о старом, плохо ходящем человеке»);

– дефекты речи (костр. пав. *мятый язык* 'о непонятно говорящем человеке': «В деревне языки у всех мятые. Скажут слово, а другой не может понять»; костр. вохом., окт., пав., шар. *шубный язык* 'о невнятной речи, произношении; о человеке, который невнятно говорит' «Дак и у меня шубный язык,

²² Ср. костр. шар. *бахмур* 'о головной боли' «Ой, у меня сегодня голова тяжёлая, бахмур».

²³ *Бадог* – палка.

не ворочается», «Шубный язык – не выговаривает слова который», «Шубный язык – нечисто кто говорил, там пришепётывал, значит нечистый говор, дефект речи», «Не пойми, чего и лопочет шубным языком своим»; костр. шар. *шерстяной язык* ‘невнятная, непонятная речь’ «У его тряпошный язык, чего говорит-то, шерстяной язык», «Шерстяной язык – это криво, криво говорю, зубов-то нет, шубный язычок тожо, это только старыё люди»);

– умственная неполноценность (костр. вохом. *семь на восемь в голове* ‘о состоянии забывчивости, умственной неполноценности’: «Скажи, скажи её ещё чего – у тебя ж семь на восемь в голове! Семь на восемь в голове – это непорядок тута, забывчивость стала»; костр. вохом. *как Федя Парюгской* ‘о сумасшедшем человеке’: «У нас Федя был такой, немножко вот такой парень. У нас был такой дурачок и из-за этого все говорят: «Ну, как Федя». «Ой, – говорят, – как Федя Парюгской». На Парюге он был-то»; костр. вохом. *как Дуня Касимовская* ‘о ненормальном человеке’: «Была Дуня Касимовская, это ненормальная, у людей как что-то с головой. Она с Касимова. Говорят и теперь: “Ну, как Дуня Касимовская!” Молодежь не скажет, а старые-то»); костр. шар. *благое пасмо* ‘бестолковый человек, недотепа; человек с психическими отклонениями’ «Если человек психованный какой-то, его обзывают: благое пасмо»; «Ну ты, благое пасмо! Дурачок-то. Само пасмо – это лён обделанный».

– трещины кожи (костр. вохом., пав., окт. *сорока сапоги/сапожки дала/подарила* ‘о потрескавшейся коже ног (обычно у детей)’: «Потрескаются ноги, дак – сорока сапожки дала; у меня было так; я реву, мама поколотила меня, а потом сметаной помазала»; костр. вохом. *сорока варежки подарила* ‘о трещинах на коже рук’: «Расколело да и всё, ребята бегали называли «сорока варежки подарила»; костр. вохом. *как ворона походила* ‘о цыпках’: «Ворона сапоги дала, раньше обуви-то не было, тут тебе и грязь, тут тебе и снег, всё истрескается, как ворона походила, иссекает кожу»);

– гусиная кожа (костр. кад. *куричье тело* ‘гусиная кожа’: «Вон гляди-ко куричье тело, пошли мурашки как прышшички»; «Покрылся куричьим телом, мальчишки купаются: Куды лезешь, весь куричьим телом покрылся?»);

– дрожь (костр. вохом. *дрожать* как *езовый кол* ‘о сильной дрожи’: «Всё дрожит во мне – дрожу, как езовый кол. Ез – это делают через речку, оставят дирку и тут ставят нароту – кто верша назовёт, кто нарота. А этот кол-то всё трясётся в воде-то, пока не застынет»);

– менструации (костр. пав. *красноармейцы приехали, красные приехали*; костр. окт. *красноармейцы пришли* ‘о менструациях’: «На себе-то, красноармейцы приехали»; «Про месячные спрашивали: “Моешься ли?” А смехом говорили “красноармейцы пришли” – но это уже про любые»; «“Красные приехали, ветчана приехали”, – скажем»);

– секс (костр. пав., окт. *семерики сплести* ‘7 раз совершить coitus за одну ночь’: «Свадьба прошла, молодые ушли на подклет. Потом мужики интересуются: «Ну что, Ванька, семерики-те сплёл – нет?» Семь раз сделал молодицу за одну ночь»; «Я сегодня семерики сплёл – бабу семь раз за одну ночь трахнул»);

– роды (костр. кад. *в Кострому / Москву съездить* ‘родить’: «В Москву съездила – родила, а кто скажет – в Кострому съездила»).

2. Состояния

– усталость (костр. шар. *хоть кожу на бадог / падог* ‘о состоянии сильной физической усталости’: «Надо делать, а ты не можешь – хоть кожу на бадог», «Пойдёмте домой, что ли нам здесь кожу на падог? Что ли сдохнуть на этом месте?», «Много работала так – ну, хоть кожу на падог, все силы оставила»);

– опьянение, которое в легкой степени и применительно к самому себе маркируется как положительное (костр. шар. *ангел в лапотках прокатился* ‘приказка, которая говорится тогда, когда кто-л. выпил спиртного’: «Выпил – ну, ангел в лапотках прокатился, по желудку, видать, прокатился», «Тепло стало – ну, ангел в лапотках прокатился»; костр. шар. *как Христос прокатился* ‘о состоянии после выпитого спиртного’: «Ой как хорошо, как Христос прока-

тился!»), в чрезмерной же оценивается как негативное (костр. шар. *в дугу пьяный* ‘о крайней степени алкогольного опьянения’; костр. вохом. *до положения рук* ‘до положения риз’: «Жрал до рук положения – алкоголик дак»);

– голод (костр. вохом. *съел бы и кошку с шерстью* ‘о сильном чувстве голода’: «Мы ездили косить к Высогорцам, покосишь и думаешь: «Ой, пришёл бы домой так съел бы и кошку с шерстью!»);

– дремота (костр. окт. *рыбу заловить носом* ‘клевать носом’: «Ой, опять рыбу заловила носом, дремлёт»)

– проблемы с памятью (костр. галич. *запеклось и не глотаётся* ‘не могу вспомнить’; костр. кад. *загородить память* (безл.) ‘о состоянии забывчивости’: «Уж как загородит память, память не так работает»);

– слабость (костр. вохом. *быть накануне киселя* ‘быть слабым, немощным, больным’: «Они и в то-то время были накануне киселя, а теперь уж и нет вовсе»; костр. вохом. *трёх собак не выкормить* ‘о состоянии физической немощи’: «Дожила – трёх собак не выкормлю»).

3. Внешний вид

– общий внешний вид (крепость, здоровье / их отсутствие) (костр. вохом. *крепкий как молотками избит* ‘о здоровом, крепком человеке: «О столчённом человеке говорили: крепкий, как молотками избит»;

– сходство внешнего вида (костр. шар. *как из одного яйца вылезли* ‘о внешне похожих людях’: «Так они как из одного яйца вылезли. Это внешне похожие очень»);

– растрепанные волосы (костр. шар. *хохотово гнездо* ‘о непричесанной, растрепанной голове’: «На голове-то хохотово гнездо. Ну, хохочет сова, сыч. Вот как у их гнездо»; «Ну, хохотово гнездо у тебя, нерасчёсанный»; костр. окт. *неопелёженный овин* ‘растрепанный человек’ «Неопелёженный овин, волосы не прибрала, ходит растрёпанная», «Во все стороны волосья торчат: ну, неопелёженный овин!»).

4. Ситуативное поведение

– медленно идти / быстро побежать (костр. окт. *как сытая вошь* ‘о медленно идущем человеке’: «Как сытая вошь – еле ползёт»; костр. парф. *только пятки брякают* ‘очень быстро’: «А другие бегут, только пятки брякают»; костр. вохом. *только пятки звяели* ‘о стремительном начале бега’: «Как побегал быстро – скажут “только пятки звяели”»); костр. шар. *ходить, как стинь* ‘о шатающемся при ходьбе или медленно идущем человеке’: «Ходить, как стинь – это шатающа походка, такая какая-то или медленная. Как пьяный. И сейчас мы употребляем это слово иногда»);

– крепко схватиться (костр. окт. *как покойник (ухватиться)*; костр. вохом. *схватиться, как утопленник* ‘сильно сжать, схватиться за что-л.’: «Ну, чего, как покойник, ухватила? Разожми пальцы-те»; «Знаешь, сцепится как, так и не отпустит! Бывает, выташат утопленника, а ты уходишься. Вот если кто схватится за тебя с силой и отпускать не хочет, так говорят: Что ты схватился за меня как утопленник»);

– сморщиться (костр. пав. *изморакаться*²⁴, *как Лаврухина Пеструха* ‘сморщиться’: «Изморакалась, сделала кислую мину: изморакалась, как Лаврухина Пеструха: Лавр – мужик, а Пеструха – его корова некрасивая»);

– беспокойно сидеть (костр. окт. *как Саня Таганская сидеть* ‘не сидеть на месте, ерзать’: «Ты что, как Саня Таганская, сидишь, выгибаешься»)

– громко кричать (костр. вохом. *во всю голову* (в сочетании с глаголами крика, плача) ‘очень громко, истошно’: «Она ж смотрит на меня, во всю голову ревёт»; костр. окт. *как жёлня*²⁵ *в лесу орать* ‘о громко кричащем человеке’ «Жёлня в лесу птица, ну, скажут, как жёлня в лесу орёт»);

– быть неловким, уронить что-л. (костр. шар. *квашня неуквашенная* ‘о неловком человеке, у которого «руки дырявые»’: «Рохля, квашня неуквашенная, человек немастеровой»; костр. парф. *как у Куленеты* ‘о человеке, уронив-

²⁴ *Изморакаться* – сморщиться.

²⁵ В других районах Костромской области *желня* / *желна* – черный дятел.

шем что-либо' «Там, в Задорино какой-то был Кулепета, Кулепета Задоринский. Он был небольшого роста и ногами так ходил, загребал. Может, что-то и с руками было, как уронишь что-нибудь, говорят: «Ну что как у Кулепеты, в руках ничего не держится!»; костр. вохом. *как Глашка Гурихина* 'о неловкой женщине, плохой хозяйке': «У нас была женщина, такая неаккуратная, хлеб вынимает – и под шесток. Дак говорили: «Ой, как Глашка Гурихина»);

– быть огорошенным, застигнутым врасплох (костр. парф. *стоять как боженька*²⁶ 'о человеке, застигнутом врасплох': «Медведица на меня вышла, а я вот перед ней как Боженька стою, в защиту вот может она утрепнуть, ударить, значит»).

Фразеология общенародного языка

В общенародном языке обнаруживаются следующие идеограммы данной тематической группы:

1. Здоровье и физиологические процессы:

– здоровье как постоянная характеристика общей крепости телосложения, физической силы (см. оценку внешности) (*воду возить можно; кровь с молоком; здоровый как бык/лошадь*) либо как ситуация выздоровления после болезни²⁷ (*как заново родился; встать на ноги; зажить как на собаке; [болезнь/боль] как рукой сняло* и др.);

– из физических недугов или недомоганий отмечаются физическая боль (*глаза вылезают из орбит; глаза на лоб полезли; искры из глаз посыпались; света [белого] невзвидеть; лезть на стенку/стену* и др.), глухота и слепота (последние передаются, в основном, через устойчивые сравнения (*слеп / слепой как крот; глух / глухой как пробка; глухая тетеря / глух / глухой как тетерев*);

²⁶ Вероятно, в данном случае речь идет об иконе, которая в говорах довольно часто получает номинацию *бог* (о распространенности такого обозначения см.: [Успенский 1982]), ср. также костр. парф. *бог* 'икона' «Передний угол, где божницы, богов ставят».

²⁷ Наличие этого второго, динамического аспекта *здоровья* заставляет перенести идеограмму в данную подгруппу, а не относить ее, как в диалекте, к подгруппе «Внешний вид», хотя статический аспект позволяет такую трактовку и для литературного языка.

– смерть, будучи темой, подвергаемой эвфемизации²⁸, описывается либо в высоких, либо в сниженных выражениях, имея не так много стилистически нейтральных фразеологических обозначений (*закрыть глаза навеки* (высок.); *кончить свои дни* (высок.); *уснуть вечным сном* (высок.); *пробил последний час* (высок.); *уйти в лучший мир* (высок.); *дать/врезать дуба* (снижен.); *вынести вперёд ногами* (снижен.); *червей кормить* (снижен.); *сыграть в ящик* (снижен.); *проститься с жизнью; отправиться на тот свет*). В некоторых случаях отмечается способ или обстоятельства смерти (*рыб кормить* (снижен.); *хватила кондрашка / хватил кондратий* (снижен.); [*получить*] *девять граммов; умереть под забором; наложить на себя руки; свести/покончить счёты с жизнью*). Отмечается также состояние «при смерти» (*смотреть в могилу; не жилец [на этом свете]; одной ногой в могиле; на тот свет собраться; дышать на ладан* и др.);

2. Особого выделения заслуживает сфера характеристик интеллектуальных способностей человека. По сравнению с диалектом, где активно отмечается интеллектуальная неполноценность, в литературном языке эта область подвергается детальной разработке:

– безумие, сумасшествие, глупость. Выделяются следующие идеогаммы, имеющие фразеологическое воплощение: ситуативное проявление глупости (*как баран на новые ворота; с дуба рухнуть*), безумия (*башню/крышу сорвало*) или непонимания (*каша в голове; ум за разум зашел; шарики заскакивают/заходят за ролики*); глупость, безумие как постоянное свойство (*винтиков не хватает; опилки в голове; с левой резьбой; сдвиг по фазе*); информация, которая представляется глупой (*бред сивой кобылы*). С этой категорией связано и фразеологическое описание некомпетентности, непонимания (*за деревьями не видеть леса; не знать откуда дети родятся; ни в зуб ногой; лыка не*

²⁸ Следует предположить эвфемизацию и для идеогаммы «секс», однако имеющую совсем иной механизм: эвфемистические фразеологические выражения, описывающие данную идеогамму, обычно принадлежат области жаргона и просторечия (напр.: *взять на болт; двигать мебель; играть в буюк* и др. [БСЖ]).

вязать; видеть не дальше своего носа; разбираться как свинья в апельсинах и др.)

– ум, сообразительность (*не голова, а дом/дворец советов; голова / башка варит; иметь голову на плечах; на кривой козе не объедешь; на мякине не проведешь; палец в рот не клади; семь пядей во лбу; ходячая энциклопедия; видеть на три метра в землю и др.*). Сюда же примыкает умение разбираться в чем-либо, понимать что-либо (*знать всю подноготную; знать как свои пять пальцев*);

– хитрость (*ложку мимо рта не пронесет; рвать на ходу подметки*);

– легкомысленность (*ветер в голове; без царя в голове*);

– интуитивное знание (*чуять за версту; как в воду смотрел/глядел*);

– получение знаний. Эту подгруппу можно условно разделить на две части, характеризующие процессы активного получения знаний, при котором человек сам получает опыт (*на собственном горбу испытать / узнать; на своей/собственной шкуре испытать/узнать; пробовать на зуб*), и пассивного, когда информация сообщается, передается ему кем-либо (*объяснить на пальцах; разложить по полочкам; разжевать и в рот положить*). Последняя подгруппа имеет связь с макроблоком «Социум», поскольку подразумевает процесс коммуникации и взаимодействие людей друг с другом при наличии некоторых социальных статусов. Также точно представлена идеограмма естественного и непроизвольного усвоения знаний (*всосать / впитать с молоком матери*);

– опытность (*пройти все круги ада; стреляный воробей; тертый калач; не лыком шит; пройти огонь и воду [и медные трубы]; понюхать пороха; собаку съесть; набить шишки/шишек и др.*).

3. Состояния:

– пьянство и состояние опьянения (*банку держать; закладывать/заливать за воротник; принять на грудь; трубы залить/прочистить и др.*); отме-

чается также интенсивность, высокая степень проявления состояния (*до поросячьего визга; глаза залить; лыка не вязать* (простореч.); *до положения риз* (книжн.) и др.);

– усталость (*на последнем издыхании; ни рук ни ног не чуют/чувствовать; валиться/падать с ног; ноги заплетаются/отваливаются/подкашиваются; язык на плечо*).

– слабость (*ветром качает; еле\едва волочить ноги; по стенке/стеночке ходить* и др.).

К этой же подгруппе можно отнести и общие эмоциональные состояния, не находящие проявления в диалектной фразеологии, но представленные во фразеологии общенародного языка:

– сильные эмоции вообще (*потрясти / поразить до глубины души; за душу/сердце берет; всеми фибрами души* (книжн.); *потемнело/померкло в глазах; дыхание захватило/перехватило/сперло* и др.);

– позитивные эмоции (*бальзам на душу / сердце; греть душу; маслом по сердцу; на седьмом небе [от счастья] быть; прыгать до потолка* и др.);

– негативные эмоции (*глаза на мокром месте; как в воду опущенный; поникнуть головой / повесить голову; посыпать голову/главу пеплом* (высок.); *рвать [на себе] волосы; разрывать [на себе] одежды* (высок.); *сердце кровью обливается* и др.);

4. Внешний вид:

– красота вообще (*глаз не оторвать*);

– крепкое телосложение, здоровый внешний вид также получают скорее положительную фразеологическую оценку, хотя иногда и с оттенком иронического отношения (*коня на скаку остановит; кровь с молоком; неладно скроен, да крепко сшит; косая сажень в плечах* и др.);

– общая некрасивость, непривлекательность (*страшнее атомной войны; страшна как третья мировая / как смертный грех*);

– как непривлекательная внешняя характеристика воспринимается худоба и бледность, вероятно, как показатели болезненности (*выходец с того*

света; гвоздь беременный и др.). Таким образом, отраженные во фразеологии литературного языка представления о красоте и привлекательном внешнем виде отображают картину более деревенского, а не городского и аристократического сознания (для которого как раз изящество сложения и бледность являются привлекательными чертами);

– высокий рост (*коломенская верста*) отмечается во фразеологии литературного языка, как и в диалектной фразеологии, хотя низкий рост и тщедушное телосложение в целом, не получают в ней активной номинации, в отличие от народных ФЕ;

– кожные изъяны (*черти на лице горох молотили*);

– внешнее сходство (*похож, как две капли воды*).

5. Ситуативное поведение:

– медленное/быстрое перемещение (*бежать, сломя/очертя голову; лететь, как на крыльях; мчаться на всех парах/парусах; мчаться, как на пожар; бежать, задрав штаны; бегать/носиться с высунутым языком; еле/едва волоочь ноги; с черепашьей скоростью / ползти, как черепаха*);

– остановка, прекращение движения (*остановиться/стоять, как вкопанный; прирасти к месту; превратиться в соляной столб* (книжн.) и др.). Данная идеограмма косвенно фиксируется в костромских говорах²⁹, что, конечно, не свидетельствует об ее отсутствии в картине мира диалектоносителей, но все же указывает на меньшую значимость;

– преследование³⁰ (*дышать в затылок; наступать на пятки; висеть на хвосте* и др.).

– речевые особенности характеризуются во фразеологии общенародного языка довольно подробно. Выделяются громкость речи, сопряженная с

²⁹ Значение ФЕ костр. парф. *стоять как боженька* собиратель определяет как 'о человеке, застигнутом врасплох', хотя представляется, что в семантический комплекс данной единицы может входить также именно неподвижность.

³⁰ Представляющие эту идеограмму словосочетания могут иметь прямое и переносное значение. Прямое связано с непосредственно физическим преследованием, переносное же относится к ситуации социальной конкуренции и, таким образом, относится к макрогруппе «Социум».

напрасностью произносимого (*драть глотку / горло; сотрясать воздух; луженая глотка; кричать на всю ивановскую; кричать как оглашенный; вопить/орать как резаный*); тихость и неразборчивость (*бормотать себе под нос*); полное молчание (*как воды в рот набрал; играть в молчанку; помалкивать/молчать в тряпочку; молчать как убитый; язык проглотить*); несвязность речи (*перескакивать с пятого на десятое; двух слов связать не мочь; язык заплетается /не ворочается; каша во рту*); красноречивость (*бойкий на язык; язык без костей; язык хорошо подвешен*).

Фразеология общенародного языка выделяет также еще одну весомую группу, практически не представленную (либо не зафиксированную) в диалектной фразеологии. Сюда относятся ФЕ, описывающие взаимодействие человека с внешними обстоятельствами. Поскольку такие обстоятельства не всегда носят конкретно-социальный характер, а воспринимаются скорее как обобщенно-абстрактные, носящие совокупный, а не конкретный характер, а также в силу того, что в рассматриваемых единицах акцент делается на восприятии и поведении человека, представляется возможным относить данные ФЕ именно к сфере «Материя: человек», а не к сфере «Социум»:

– трудности, неприятности могут восприниматься как последствия собственных действий (*выйти боком; ударить бумерангом; наломать дров; расхлёбывать кашу; загнать себя в угол; огород городить* и др.) либо как внешние неприятные обстоятельства (*жизнь бьёт по голове; попасть как кур во щи; попасть в переплёт* и др.). Отражение во фразеологии находят и *заботы*, воспринимаемые как то, что постоянно отвлекает человека и мешает нормальной жизни (*голова болит; лежит на плечах* и др. Ср. также фразеологические номинации собственно проблемы: *головная боль; камень на душе; ярмо на шее* и др.);

– разрешение проблемной ситуации обозначено во фразеологии также многоаспектно. Отмечается отсутствие беспокойства при наличии проблемы (*голова не болит; и горя мало* и др.), избавление от проблемы (*как гора/камень с плеч; с легкой душой* и др.), внешнее внезапное разрешение трудной ситуации

(по щучьему велению; по мановению руки / волшебной палочки и др.), легкость решения проблемы (как дважды два четыре; одним движением руки; одной левой; одним мизинцем; как нечего делать; проще пареной репы и др.), решение проблемы при помощи несущественных затрат (отделаться малой кровью; отделаться легким испугом);

– непредусмотрительность (гусей дразнить; жить сегодняшним / одним днём; раскачивать лодку (журн.); рыть себе могилу; пустить козла в огород; шутить / играть с огнём; лезть / совать голову в петлю; рубить сук, на котором сидишь; рыть под собой яму и др.);

– успех, победа – как удачное разрешение какой-либо ситуации либо как победа в ситуации соперничества. В данной тематической группе выделяются собственно успех (чувствовать ветер в своих парусах; в гору пойти; убить двух зайцев одним выстрелом; въехать на белом коне; ход конем; попасть в дамки и др.); победа-выигрыш (утереть нос; щелкнуть по носу; уложить на обе лопатки; за пояс заткнуть; дать прикурить и др.); обретение устойчивого благополучного положения (выйти в люди; стать на обе ноги; держаться на плаву; удержаться в седле; восстать/возродиться как феникс [из пепла] (книжн.) и др.);

– неудача, поражение могут проявляться как неудачный результат (выйти боком), исключенность из процесса, бытие «вне успеха» (оказаться за бортом; остаться в дураках; остаться при пиковом интересе; сойти с круга; остаться с носом и др.), неудачное течение обстоятельств (идти вкривь и вкось), ошибка (наступить на грабли; обломать зубы; сесть в галошу/лужу; провалиться с треском и др.), поражение и связанное с ним ухудшение жизни (идти ко дну; свернуть шею);

– напрасные усилия (метать бисер перед свиньями (книжн.); носить воду решетом; толочь воду [в ступе]; биться головой о стену; пытаться прыгнуть выше головы; искать иголку в стоге сена; бороться с ветряными мельницами (книжн.); переливать из пустого в порожнее; как об стенку горох; мартышкин труд; сизифов труд (книжн.); менять шило на мыло и др.

– опасность, риск имеют несколько подаспектов проявления. Это может быть предупреждение об опасности (*бить в барабаны; запахло жареным; бить / ударить в набат* (книжн.); *запахло / пахнет порохом* и др.), отложенная по времени или скрытая опасность (*бомба / мина замедленного действия; сидеть на пороховой бочке* (журн.); *подводные камни / течения*), собственно ситуация опасности (*между жизнью и смертью; висеть на волоске; земля горит под ногами; земля уходит из-под ног; меж двух огней; между Сциллой и Харибдой* (книжн.));

– везение (*получить на блюдечке с голубой каёмочкой; поймать жар-птицу / синюю птицу* (книжн.); *родиться под счастливой звездой* (книжн.); *родиться в рубашке* и др.);

– осторожность, предусмотрительность (*дуть на воду / молоко; на всякий пожарный [случай]; держать порох сухим* (журн.); *держат ухо востро* и др.);

– непредусмотрительность (*гусей дразнить; жить сегодняшним / одним днём; раскачивать лодку* (журн.); *рыть себе могилу; пустить козла в огород; шутить / играть с огнём; лезть / совать голову в петлю; рубить сук, на котором сидишь; рыть под собой яму* и др.)

3.2. Материальный мир

Диалектная фразеология

Во фразеологии костромских говоров характеристики материального мира, не связанные с человеком, разделяются на две подгруппы. К первой относятся фразеологические обозначения конкретных объектов, а также явлений природы, ко второй – более общие состояния и ситуации, получающие идиоматические номинации.

1. Объекты:

1.1. Еда

– чай: некрепкий (костр. кад. *Кострому видать* ‘о слабо заваренном чае’: «Чего за чай себе налила – Кострому видать»; костр. пав. *Москву видать*

‘о плохо заваренном чае’: «Если чай не очень заваренный – ой, Москву видать!» костр. окт. *Москва и Ленинград* ‘о жидком чае’: «Жидкий чай – Москва и Ленинград, ничего в их нет, пусто в чае, как в городе»; костр. вохом. *Москва из чайника видна* ‘о плохо заваренном чае’: «Долей ещё заварки, а то вон у тебя Москва из чайника видна!»); остывший (костр. шар. *как покойника целуешь* ‘об остывшем чае’: «Чай холодный уж – как покойника целуешь»); без сахара (костр. окт. *чай с языком* ‘чай без сахара’: «Чего простой чай пьёшь? Чай с языком-от не пьют у нас. Чай с языком – только своим языком приправляешь»);

– суп: пустой (костр. вохом. *крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой*, костр. окт. *крупина за крупинкой гоняется с дубиной* ‘о пустом супе’: «Ну, голжопицу сварила! Крупина за крупинкой гоняется с дубиной»; костр. окт. *ни блёздки*³¹ *ни звёздочки* ‘о ненаваристом, невкусном супе: «А из глухаря ни блёздки, ни звёздочки – пустой суп»; костр. парф. *хоть через край ложкой ешь* ‘о пустом супе’: «Если там гущи нет – тогда баланда. Хоть через край ложкой ешь»); прокисший (костр. пав. *Афанасий понюхал* ‘о прокисшем супе’: «Ой, Афанасий понюхал – суп прокис»; костр. кад. *Афонас пришел* ‘о прокисшем супе’: «У меня всё ели, а коли чё осталось, да Афонас пришёл, суп и прокис», *Афонька завалился* ‘о прокисшем супе’ «Афонька ужо завалился, выливай суп-от», *Афонька побыл* ‘о прокисшем супе’ «Суп прокис – Афонька побыл», *Афоня ногу опустил* ‘о прокисшем супе’ «Афоня ногу опустил - говорят о прокисшем супе, Афонька пришёл», *Афонька ступил* ‘о прокисшем супе’ «Афонька ступил, не можно ести», *Афонька был* ‘о прокисшем супе’: «Думали хоть на ужин съесть, а там Афонька был», *Афонька прошёл* ‘о прокисшей пище’ «Афонька прошёл; суп кислый», *Афонька свистнул в супе* ‘о прокисшем супе»; костр. с-гал. *Афонька был* ‘о прокисшем супе’: «Мясной суп прокиснет. Говорят: “Афонька был”»; костр. вох. *Афонька лаптем проехал* ‘о скисшей, испортившейся пище’: «Афонька лаптем проехал – так ещё и скотина-то не

³¹ *Блёзdochка* – снежинка, чешуйка

будет, да и кошки нынче не хлебают», *Афонька приходил* ‘о прокисшем супе’: «Ну, сегодня, верно, Афонька в суп приходил»; костр. буй. *Афонька набздел* ‘о прокисших щах’: «Вот когда щи прокиснут у кого, мы называем третьегод-нишние, а кто говорит, что Афонька набздел», *Афонька пальцем ткнул* ‘о про-кисшем супе’: «Афонька пальцем ткнул, то есть суп испортился»; костр. пав. *Афонька бзнул* ‘об испортившейся еде’: «Ой, в суп-то - в суп или чего ещё – Афонька бзнул. Значит испортилось»);

– хлеб с отошедшей коркой (костр. окт. *боженька ночевал* ‘о хлебе с ото-шедшей коркой’: «В хлебе дырочка или что-то такое, это боженька ночевал»; костр. окт. *хоть ложки суй / хоть ложку пехай* ‘о хлебе со вздувшейся верхней коркой’: «Мяконик плохо подойдёт, корка верхняя отпрыгнет от мякиша – хоть ложки суй»; «Корка отделилась – хоть ложку пехай. Всегда так старики говорили. А дедушко раз взял и спрятал ложки в хлеб, молодка найти не могла»); с трещинами на корке (костр. вохом. *цыган с вичиком*³² *был*, костр. окт. *цыган исхлестал* ‘о хлебе с трещинами на корке’: «А если вот хлеб треска-ется, сверху-то корка лопнула – вот цыган исхлестал», «Всё истрескает, может цыган с вичиком был в пеце»); хороший (костр. шар. *как с Волги (хлеб)* ‘о хо-рошем, пышном хлебе из белой муки’: «Хорошо испекла – ну, скажот, как с Волги, хороший, белый хлеб, пышный каравай»);

– молоко (костр. окт. *дочку взамуж выдать* ‘развести молоко водой’: «Нынче в городах-то какое молоко? Всё дочку взамуж выдадут, в бутылки нальют).

1.2. Предметы быта:

– непротопленная печь в доме или бане (костр. пав. *Устинья выпарилась* ‘о холодной выставшей бане’: «Как остыло в ей [бане] устинья выпарилась»; костр. шар. *сусуй ночевал/набздел* ‘о плохо протопленной печи’: «Пирог-то будут печь, а жару-то нет. скажут: «В печке-то сусуй ночевал» или «сусуй

³² Вичик – кнут.

набздел». Сусуй – это кто-то вроде домового», «Суп варили в горшках. Горшок с утра до вечера стоит, томится. Выташат горшок, а он не горячий. Печку плохо протопили. Ну, скажут, сусуй ночевАл. Сусуй – как холод. Буди с сосульками связано»);

– угар (костр. кад. *Домна зашла* ‘о дыме, угаре в каком-либо помещении’: «Сожгала кастрюльку, Домна-то зашла»; «Домна ступила – открой двери-те»);

– беспорядок в доме (костр. вохом. *как свиное гайно* ‘о беспорядке, грязи в доме’: «У него тут как свиное гайно тут, не прибрано ничего. Где свинья спит, у её тут гайно»);

– тупой нож (костр. вохом. *как татар казнить* ‘о тупом ноже’: «Всё не тем режу ножом! Ножик-от татар казнить! Тупой – дак как татар казнить. Пошло – эдак говорится»);

– брак при прядении, ткачестве (костр. вохом. *где холм где яма* ‘о плохо спряденной нити’: «Ну, напряла! Где холм, где яма!»; костр. вохом. *через палец не перевернёшь* ‘грубом, домотканом полотне’ «Наткош, так через палец не перевернёшь, грубое оно»)

– одежда (костр. кад. *и в пир, и в мир, и в добры люди* ‘о нарядной одежде’: «Вылюдная одежда – и в пир, и в мир, и в добры люди»);

– дорога (костр. шар. *советская власть* ‘асфальтированная дорога’: «Едешь, где советская-то власть, где баня, дом построен двухэтажный», «Советская власть кончилась, – так всегда говорили на полдороге из Одоевского в Конёво. Хорошая дорога кончилась, началась плохая»).

1.3. Природные явления

– темнота (костр. пав. *глазу уколоть не видно* ‘о темноте’: «Темно тут, глазу уколоть не видно»);

– туман (костр. окт. *зайцы печи/печку топят*, пав. *зайцы печки топят* ‘о тумане’: «Туман в лугу стелется – зайцы печи топят»; «Туман над лесом – зайцы печки топят, грибы растут»; «Когда едешь вот вечерами после дождя, вот в низинах как туман – вот говорят, зайцы печку топят»; костр. вохом.,

парф. *зайцы пиво варят* ‘о тумане’: «Туман расстилается – ну, скажем, зайцы пиво варят»; «На днях туман такой выпал – так, сказать можно, что зайцы пиво варят»; костр. окт. *зайцы табак курят* ‘о стелющемся по земле тумане’: «Туман по земле стелется – говорят, зайцы табак курят»);

– снег (костр. окт. *дедушка за внуком/внучеком пришёл* ‘о весеннем снеге, выпадающем, когда уже всё растаяло’: «Отзимок, говорят, когда уже всё растает, а дождь со снегом летит. Когда вот отзимок бывает, дедушка за внуком пришёл», «Весной растает, а потом ещё выпадет, говорят: дедушка за внучеком пришёл»);

– изморозь (костр. галич. *зайцы выскочили* ‘изморозь, появляющаяся в углах дома’: «Зайцы выскочили, побегают по стенам: плохо законопатили»; костр. пав. *зайцы прибежали из лесу* ‘о появлении инея в углах избы’ «Плохо проконопачено – ну, скажет, зайцы прибежали из лесу»);

– дождь и солнце (костр. с-гал. *покойники лапты сушат*; костр. пав. *покойники сушатся на солнце* ‘о дожде при солнце’: «Солнышко с дождиком вместе, говорят, покойники лапти сушат»; «Покойники сушатся на солнце, когда дождь-то идёт и солнце тоже»; костр. вохом. *утопленника сушит*, пав., окт. *сушатся утопленники* ‘о дожде при солнце’: «Дождь и солнце – сушатся утопленники», «Утопленника сушит – летом, когда то дождь, то солнышко. Нет, нет, да дождь брызнет, солнышко светит»).

2. Состояния и ситуации:

2.1. Наличие / отсутствие.

– отсутствие можно выделить как состояние – отсутствие (чего-л.) (костр. кад. *бабы на губах унесли* ‘об отсутствии чего-л.’: «У нас бабы на губах унесли, пол красить нечем»), так и как ситуацию – пропажу (костр. окт. *провалиться в камский мох* ‘пропасть, исчезнуть’: «Ну, провалился в камский мох, не найдёшь его»; костр. шар. *бес украл / бес хвостом прикрыл* ‘о пропаже’: «Бес украл, бес хвостом прикрыл – пропало чего. Вот и говорили: «Бес, бес, поиграй да подай!»; костр. вохом. *как вихрем берёт* ‘о быстром бесследном исчезновении чего-л.’: «Придут – и как вихрем берёт – ничего не остаётся

на столе»; костр. вохом. *уйти с ногами* 'потеряться, пропасть насовсем': «Ушёл крестик с ногами: как пришёл, так и ушёл»; костр. шар. *как кутька пряла* 'о быстром исчезновении кого-л. или чего-л.': «Ну, убежал, как кутька пряла», «Кутька пряла, нету ручки: Чёрт-чёрт, поиграй да отдай!»);

– наличие связано с количественными характеристиками его проявления. Здесь можно выделить ряд идеограмм.

Большое / малое количество довольно редко обладает абстрактной привязкой, соотносясь в народном сознании с конкретными ситуациями проявления. Так, фразеологическую номинацию получает большое количество речи (костр. вохом. *борону и чужую сторону* 'много (о речи)': «Встретимся, всё перебирали: борону и чужую сторону»; костр. шар. *четвергов с неделю* (наговорить, намолоть) 'много наговорить': «Я намелю четвергов с неделю – с дурака какой спрос!»; костр. кад. *в коробе не унести* 'о большом количестве чего-либо': «Он тебе наговорит, в коробе не унести»; костр. вохом. *(целую) Библию написать / списать* 'много написать': «Сколько написала – так целую Библию напишет», «Да ты и так уже целую Библию написала», «Целую Библию списала! Больше ничего не скажу»; костр. парф. *целый кузов новостей* (наговорить) 'рассказать очень много': «Ну, целый кузов новостей наговорили»; костр. кад., с-гал., парф. *как из кобыльей головы* 'много (о речи, песнях и пр.)': «Ой, да из тебя как из кобыльей головы, всё помнишь, сиди вот говори с ней»; «Из кобыльей головы вылетали частушки, у кобылы голова умная», «Врать начнёшь, говоришь, ну, у тебя и взялось, как из кобыльей головы», «Кто больно умный – дак из него как из кобыльей головы»; костр. вохом. *как из падьей головы* 'обильно, много (о речи)': «Когда надо, ничего не вспомнишь, а когда не надо, дак как из падьей головы лезет», «Лезет как из падьей головы. Падина-то большая, лошадиная голова»), дел (костр. вохом. *работы до субботы* 'о большом количестве дел, хлопот': «От, дрянь, наделала делов – так работы до субботы»), людей (костр. вохом. *как вшей на гаснике*³³ 'много': «В

³³ Гасник – 1. шнурок для нательного креста; 2. шейный платок.

городе-от людей как вшей на гаснике, все туда едут»; костр. вохом. *тюха да понтюха* 'о небольшом количестве людей' «Тюха да Понтюха в колхозе осталось, всё развалилось, все разбежались»; костр. вохом. *Шоша да Матоша да Колупай с братом* 'о небольшом количестве людей': «Людей-то было – шоша да матоша да колупай с братом – мало людей, значит, собралось, например, в гостях», «У них на свадьбе были шоша да матоша да колупай с братом», «Что нас осталось-то, Шоша, да Матоша, да Колупай с братом, молодые повыехали, а старые повымирали, три дома стоит»); грибов (костр. парф., шар. *хоть косой коси* 'о множестве грибов, грибном месте': «Там грибов – хоть косой коси!», «Мостами растут грибы-то – сплошь это. Ещё говорят «хоть косой коси»), еды (костр. вохом. *как у Маланьи на свадьбе / как Маланьина свадьба / как на Маланьину свадьбу* 'об излишне богатом столе, обильном угощении': «Как говорят, как у Маланьи на свадьбе на столе наготовлено – приготовлено много на столе»; «На стол много принесёшь всего – говорят, как Маланьина свадьба»; «Много наносят на стол, как, говорят, на маланьину свадьбу. Была тут Маланья, вот и прозвали. Я даже её немножко помню»);хлама, ненужных вещей (костр. вохом. *как у Евлоги* 'о большом количестве хлама': «Евлогий был у нас нищий, его Евлога звали. Он был такой человек, с мешком ходил. У него всё сложено там, и куски, и всё. И вот говорят «как у Евлоги» – много дряни всякой»; костр. окт. *как у Евлоги* 'много (~ разг. как у дурака стекляшек)': «Видишь, сколько бумаг – как у Евлоги. Это мужик у нас был «не все дома» – Евлога»).

При этом в ряде случаев характеристика большого количества выступает не в чистом виде, а является комплексной, объединяясь с характеристикой беспорядочности, перепутанности, неправильности или избыточности (*как у Маланьи на свадьбе* и под.).

Противоположная идеограмма малого количества представлена реже и не обладает развернутой комплексной семантикой, как в случае описания большого количества.

В качестве антитезы идее отсутствия фразеологически заполняется идеограмма всеохватности (костр. вохом., окт. *черно и бело* ‘все в совокупности, все, что есть’: «И черно и бело – всё бы увезли», «Зорили когда, кулачили-то, всё увезли, черно и бело»).

2.2. Неправильность также обладает способностью проявления как свойства, проявляющегося довольно продолжительное время (костр. пыщ. *через Дор на Плаксино* ‘делать что-либо неправильно, не в той последовательности’: «В Никольском районе есть пословица “Через Дор на Плаксино”. Это когда человек идёт не туда, куда надо и вообще делает не так, как надо. Вот, говорят, через Дор на Плаксино, это сикоси-накоси»), так и ситуации. В последнем случае речь идет о ситуации порчи, поломки чего-л. (костр. вохом. *голову завёрнуть* ‘испортить, порвать, сломать что-либо’: «Спортсменочки на шнуровочках, такой портяной верх, а низ-то такой – тонкая-тонкая подошва, они такие лёгкие, но их носить-то долго, берегли. А нынешним ребятам дай – так они им голову завёрнут»; «Прибегут – бабушка, дай мне то-то. Ну, не дам, ты голову завёрнешь, то есть сломаешь»). Как частный случай *неправильности* можно рассмотреть и *перепутанность*, смешение (костр. вохом. *смешать в кучу кислое и пресное* ‘смешать всё без разбору’: «Раньше у каждого своё полё было, а потом смешали в кучу кислое и пресное. Это говорят, когда всё вместе – и плохое, и хорошее»).

2.3. Изменения ситуаций:

– улучшение (костр. окт. *бог свету дал* ‘об улучшении какой-либо ситуации, разрешении проблемы’: «Обурочили телёнка у нас, три раза к нему (Онисиму) съездила – вроде Бог свету дал»; «Покусала бабушка каждый пальчик – ровно бог свету дал, руки-те зашевелились»)

– ухудшение/неприятность (костр. шар. *Касьяндохнул* ‘о какой-л. неприятности, в том числе – о дурной погоде’: «Ну какая-нибудь вот такая неприятность – говорят, Касьяндохнул, могут и про погоду»; «Касьяндохнул – ожидают холода. Ветер холодный задул – Касьяндохнул»; костр. кад. *в патереб*

пойти ‘пойти прахом’: «В патереб пошло, всё испортилось, нарушилось да; кто скажет в патереб пошло, а кто дак патриной ушло»)

2.4. Характеристики с точки зрения трудозатратности

– бесполезность (костр. вохом. *крути море бадогом* ‘о чем-л. бесполезном’: «А сейчас крути море бадогом – а море бадогом не закрутишь», «Сейчас молодёжь – она крути море бадогом»)

– легкость выполнения (костр. окт. *как ручки вымыть* ‘о каком-либо деле, удачно, легко и быстро прошедшем’: «Мы с ней за день съездили – как ручки вымыли. Это удачно, хорошо. Картошку посадила – как ручки вымыла, а выкопала – если в хорошую погоду – так точно так скажешь»; костр. окт. *на босу ногу* ‘быстро, без особых забот’: «Вот нахлопала на босу ногу – так просто, без хлеба»).

Фразеология общенародного языка

В общенародном языке сфера быта находит довольно скудное фразеологическое описание.

Отмечаются погодные явления: сильный дождь (*лить как из ведра/крана*); мороз (*пробирать до костей*); снег (*белые мухи полетели*); жара (*мозги плавятся*). И «состояний» окружающей среды – качество воздуха (*хоть топор веший*) и темнота (*хоть глаз выколи; ни зги не видно*).

Из артефактов наиболее богато представлена сфера одежды: соответствие или несоответствие человеку (*сидеть как с иголки – <идти> как корове седло*); некачественность и испорченность (*просить каши; на рыбьем меху*).

В поле «Еда» фразеологические номинации получает вкусная еда (*пальчики оближешь; праздник живота; в рот просится; во рту / на языке тает; язык проглотил/съел*) – и напротив, невкусная (*собачья радость*); а также большое или малое количество еды (*пир на весь мир; стол ломится – питаться воздухом; маковой росинки во рту не было*).

Однако весьма разработанными являются, наоборот, довольно абстрактные, понятийные сферы.

2.1. Количество:

– большое количество (*вагон/воз и маленькая тележка; за глаза/с головой хватит; выше головы; выше крыши; хоть лопатой гребь; как собак нерезанных; хоть пруд пруди* и т. д.); малое количество (*на один зуб; капля в море; кот заплакал; можно сосчитать/пересчитать/перечесать по пальцам [одной руки]* и др.); изменение количества (*расти/вырастать как грибы после дождя; расти/подниматься как на дрожжах; расти/увеличиваться как снежный ком; набирать обороты; сбавлять обороты*). Фразеологизмов со значением малого количества либо уменьшения количества фиксируется меньше, чем единиц, обозначающих большое количество и увеличение количества. Это справедливо и для общенародного языка, и для диалекта;

– отсутствие; «ничего» (*дырка от бублика; от жилетки рукава; кукиш/фиг/шиси с маслом; ни ложки, ни плошки* (народн.); *шаром покати*);

– полный объем, всеохватность, «полностью» (*с головы до пят; душой и телом; сверху донизу; со всеми потрохами; от корки до корки* и др.). В данной идеографической сфере, как и в ряде других, в литературном языке наблюдается ситуативная «специализация» ФЕ, лишь частичная их синонимия;

2.2. Интенсивность находит воплощение в неоднословных единицах, как правило, через околофразеологические конструкции с предлогом с общей семантикой предела, верхней границы (*по самые уши; до смерти; до чертиков; до небес; до неприличия; до мозга костей* и др.), а также через сравнительные конструкции, в основном, при описании интенсивности действий человека (*как заведенный; как сумасшедший; как ошалелый*).

2.3. Общая оценка:

– хорошо / плохо (*все в ажуре; бог не обидел; без сучка и задоринки; любо-дорого смотреть; врагу не пожелаешь; хромать на обе ноги; в дурном сне не приснится* и др.);

– «никак», средне (*с грехом пополам; серединка на половинку; ни рыба ни мясо* и др.) – идеограмма, не представленная в диалектах;

– важность / неважность (*альфа и омега* (книжн.); *на вес золота*; *гвоздь программы* (журн.); *на дороге не валяется*; *не жук на палочке*; *грош цена* (в базарный день); *в гробу видать/видеть* [*и в белых тапочках*]; *гроша ломаного не стоит*; *выеденного яйца не стоит*; *ни в грош / копейку не ставит*; *чепуха на постном масле* и др.); также в литературном языке представлена идеограмма ложной ценности ([*носиться*] как *курица с яйцом*; [*носиться*] как *дурак с писаной торбой* (народн.) и некоторые др.);

– нужность / ненужность ([*хоть*] *кровь из носу/носа*; *как без рук*; *лежать мертвым грузом*; [*нужен*] как *зайцу стоп-сигнал / бубен / колокольчик* и т. д.; [*нужен*] как *козе баян*; *толку/проку как от / с козла молока*; [*нужен*] как *пятое колесо в телеге*; [*нужен*] как *попу гармонь*; [*нужен*] как *собаке пятая нога*; [*нужен*] как *рыбе зонтик* и др.).

2.4. Бытие, процессуальность:

– стадии процесса: отсутствие начала какой-либо деятельности (*конь не валялся*); начало процесса (*плясать/танцевать от печки*); завершение процесса (*до последней капли крови* (высок.); *выйти на финишную прямую*; *поставить [последнюю] точку* и др.); неправильная последовательность действий (*ставить телегу впереди лошади*; *бежать впереди паровоза*);

– отсутствие, исчезновение (*как ветром сдуло*; *как в воду канул*; *как сквозь землю провалиться*; [*как*] *корова языком слизнула*; *глаз/носа не казать/показывать*; *с собаками не сыщешь*; *днем с огнем/фонарем не найдешь* и др.);

– уничтожение, разрушение ([*вбить*] *последний гвоздь в гроб / в крышку гроба*; *сровнять с землей*; *камня на камне не оставить*; *разнести в клочья*; [*как*] *Мамай прошел*; *оставить рожки да ножки* и др.);

– прекращение существования (*кануть в вечность*; *кануть в Лету*; *исчезнуть с лица земли*; *уйти как в песок*; *накрыться медным тазом* и др.).

2.5. Сопоставление:

– несходство (*и близко не лежал*; *отделить зерна от плевел* (высок.); *отделить мух от котлет*; *из другой оперы*);

– безосновательное смешение (*под одну гребенку [стричь]; ставить на одну доску; ставить знак равенства; валить в [одну/общую] кучу; мерить на одну мерку; смесь французского с нижегородским; притянуть за уши* и др.).

2.6. Внезапное появление, возникновение (*свалиться на голову; по мановению волшебной палочки; по мановению руки; с неба свалиться; не успеть и рта раскрыть; не успеть и глазом моргнуть; не успеть и пикнуть/ахнуть; [свалиться] как снег на голову; как чертик из табакерки; окатить холодной водой; как гром среди ясного неба; как обухом по голове; черт дернул/принес* и др.)

2.7. Знание.

– общеизвестное знание (*открыть Америку; изобрести велосипед; старо как мир; как пить дать*)

– ясное, легко выводимое знание (*видно невооруженным глазом; как дважды два; и ежу / козе / младенцу понятно; черным по белому [написано]* и др.).

Рассмотрение единиц данной тематической группы показывает, что в говорах Костромской области идея «испорченности», ненормального состояния материальных объектов (как предметов, так и человеческого тела) имеет тенденцию выражения через своеобразную «антропоморфизацию» причины: костр. окт. *Антон в спине закуривает* ‘о стреляющей боли в пояснице’; костр. пав. *Устинья выпарилась* ‘о холодной выставшей бане’; костр. шар. *сусуй ночевал* ‘о плохо протопленной печи’; костр. пав. *Афанасий понюхал* ‘о прокисшем супе’; костр. кад. *домна зашла* ‘о дыме, угаре в каком-либо помещении’; костр. окт. *боженька ночевал* ‘о хлебе с отошедшей коркой’; костр. пав. *чёрт сел* ‘о боли в плечах’ и др. О персонификации как довольно распространенной семантической модели описания объектов см. [Феоктистова, 2016: 94–95]. Она предусматривает возможность «олицетворения» как в образе вымышленного человека, обладающего именем, так и в образе сверхъестественной сущности. Включенный в состав ФЕ антропоним может обладать ярким коннотативным

спектром (*Афоня, Сусуй / Сысой*), что способствует экспрессивной выразительности, либо фоносемантической, при которой выбор имени обусловлен созвучностью с описываемым явлением (*Устинья – остыть, Домна – дымный*), что работает на понятность фразеологического образа.

Пропаж в диалектной фразеологической номинации имеет тенденцию к реализации через образы, связанные с действиями нечистой силы. Очевидным образом это проявляется в единице костр. шар. *бес украл / бес хвостом прикрыл*. В выражении костр. шар. *как кутька прял/пряла* возможна трактовка субъекта действия как сверхъестественного существа на основании последующих контекстов: «Ну, убежал, как кутька пряла», «Кутька пряла, нету ручки: Чёрт-чёрт, поиграй да отдай!» [см. Феоктистова 2019а: 98]. Можно предположить также «не-метеорологическую» природу явления в костр. вохом. *как вихрем берёт*, учитывая довольно частое народное восприятие его как «вместилища» для антагонистичных человеку сил [см.: СД, 1: 379–382].

Идеограммы умственной неполноценности и дефектов, связанных с двигательными способностями человека (хромота и неловкость движений) имеют тенденцию к выражению путем сравнения с местноизвестными людьми, являющимися носителями таких не вполне позитивных свойств (костр. шар. *как Вера Ломота (идти)* ‘идти неровным шагом’; костр. вохом. *как Федя Парюгской* ‘о сумасшедшем человеке’ и т. п. (см. об этом также [Кривошапова, Феоктистова, 2018])).

Идеограмма «дефекты» речи на территории Костромской области имеет тенденцию к выражению исключительно при помощи модели *свойство+язык* (костр. пав. *мятый язык*, костр. шар. *шерстяной язык*, костр. вохом., окт., пав. *шубный язык*)³⁴.

В тематическом поле «большое количество» ФЕ со значением «большое количество сказанного» тяготеют к выражению через образы мер: пространства (костр. вох. (*наговорить*) *борону и чужую сторону*), времени (костр. шар.

³⁴ О метафоре *шерсти* как помехи для нормальной речи см. [Березович 2014: 324–340].

(наговорить) четвергов с неделю), объема (костр. кад. *в коробе не унести*, костр. парф. *целый кузов новостей* (наговорить)). При этом следует отметить использование образов плетеных изделий как мер объема речи, что связано с просторечным значением глагола *наплетать* 'говорить много чего-л. вздорного; лгать' [БАС, 11: 282] и общей метафорой плетения как пустословия, запутывания и т. п. (см. [Березович 2016: 310]). В качестве своеобразной меры количества речи можно рассмотреть и *кобылью голову* (костр. кад., с-гал., парф. *как из кобылей головы*, костр. вох. *как из падьей головы*), на что указывает контекст: «Лезет как из падьей головы. Падина-то большая, лошадиная голова».

Во фразеологии общенародного языка отмечаются следующие тенденции: идеограмма быстрого / медленного перемещения выражается, как правило через сравнение, соответственно, с быстро или медленно движущимся объектом (механизмом либо животным), а также через образ внешнего вида, сопутствующего данному перемещению (*бегать с высунутым языком; бежать, задрав штаны* и т. д.).

Идеограмма преследования реализуется во фразеологии за счет материально-телесных образов, связанных с ситуацией и обозначающих заднюю часть тела животного или человека, видимую непосредственно при преследовании: затылок, пятки, хвост.

Идеограмма сходства-различия в литературном языке получает дифференциацию сочетаемости в своих микротемах: фразеологизмы с семантикой сходства относятся в большинстве своем к описанию человека и делятся на фразеологизмы со значением внешнего сходства (*на одно лицо*) либо сходства поведенческого (*одним миром мазаны*). Единицы же с семантикой различия охватывают, в основном, сферу материальных объектов и абстрактных идей (*из другой оперы*). ФЕ, описывающие идею смешения, нежелательного, необоснованного сопоставления, объединяют все эти сферы (*ставить на одну доску*).

Идеограмма физического здоровья обращается к образной сфере домашних животных. При описании крепости телосложения происходит сравнение с сельскохозяйственными животными (*здоровый как бык / лошадь; воду возить можно*), живучесть же использует образы наиболее близких человеку животных – кошки и собаки (*живучий как кошка; зажить как на собаке*).

Состояние слабости и боли передается через описание манеры движения и мимики (*по стенке ходить; глаза на лоб полезли* и др.).

Семантическое поле «эмоции» связано, как правило, с двумя способами образного выражения. Один из них отсылает к душе и сердцу как средоточию эмоций; ПВ таких единиц представляет собой ирреальную ситуацию физического воздействия на душу или сердце (*за душу / сердце берет; бальзам на душу / сердце; сердце кровью обливается*). Другой же способ представления данной семантики заключается в описании наиболее характерного поведенческого проявления той или иной эмоции (*в глазах померкло* [здесь речь идет скорее о субъективных ощущениях самого человека, переживающего эмоцию]; *прыгать до потолка; повесить голову; рвать на себе волосы*)

По сравнению с диалектами, идеограмма количества обладает в литературном языке большей степенью абстрактности. Степени количества не соотносятся настолько с конкретными объектами (речь, работа и т. д.), обладая более широкой сферой применимости. Однако в соотношении между ПВ и ПС наблюдается ряд сходных моментов для обеих форм существования языка. Как и в диалекте, в литературном языке семантика большого количества реализуется через образы меры (*вагон и маленькая тележка; три короба* и др.). В литературном языке, помимо этого, используется образ вертикальной границы (*выше крыши; за глаза хватит; выше головы*). Также семантика большого количества связывается с представлениями о сыпучих или жидких веществах (*хоть лопатой гребь; хоть залейся/завались; море разливанное; течь рекой; хоть пруд пруди* и т. д.). Отсутствие получает воплощение в образах несуществующих объектов (*дырка от бублика; от жилетки рукава*) и за счет

расширения просторечных экспрессивов с семантикой отсутствия (*ку-киш/физ/иши с маслом*)

Идеограмма «полный объем, всеохватность» в плане выражения проявляет связь с пространственной сферой: используются образы границ, крайних точек (*от пяток до макушки; от корки до корки*). Также идеограмма реализуется и через образы «мелких составляющих», которые также представляют собой своего рода границу объема (*до нитки* (промокнуть), *со всеми потрохами*).

Семантическое поле оценки тяготеет к выражению через образы ситуаций, в которых проявляется положительное или отрицательное отношение к объекту.

В области оценки негативные суждения по сравнению с позитивными отличаются многочисленностью, а также большим многообразием в образной сфере, связанной с тем, что данная идеограмма описывается, по большей части, через ситуации, в которых проявляется негативная оценка реалий (напр., *врагу не пожелаешь; грош цена в базарный день*). Идеограмма ненужности получает доминантное выражение через ирреальные образы несоответствия, несовместимости объектов в рамках одной ситуации (*нужен, как рыбе зонтик, как попу гармонь* и т. п.).

Семантическая группа бытия, процессуальности в общенародном языке несколько отличается от диалекта. Различия проявляются как в большей семантической дробности группы в литературном языке, так и в сочетаемости единиц, возможности соотнесения их с теми или иными объектами. Оущенародный язык в этом отношении предлагает более широкую сочетаемость, связанную с возможностью фразеологического описания абстрактных понятий наряду с описаниями человека, что в меньшей степени присуще диалекту (напр.: «Мюзиклов не делали лет пятнадцать. Казалось, что громоздкий и вялый «Кордебалет» Ричарда Эттенборо в 1985 году вбил последний гвоздь в гроб угасшего жанра...» [Словарь-тезаурус: 308]; «Тех, кто все еще видит в

демократии панацею от всех неприятностей, теперь днем с огнем не сыщешь...» [Словарь-тезаурус: 306] – «Рядом с шипящим и пенящимся мейн-стримом почти не видно благородно струящегося высокохудожественного притока, эдакого «сайдстрима» – его искать приходится днем с огнем. Для параллельного развития архитектуры как искусства нужна как минимум художественная среда – журналы, общества, относительно честные реальные конкурсы» [Там же]. В то же время общенародный язык демонстрирует и большую специализированность сочетаемости фразеологических единиц: так, например, в группе единиц с общим базовым значением «отсутствие, исчезновение» одни единицы описывают данное состояние скорее лишь для человека (*как в воду кануть; с собаками не сыщешь*), другие же в основном для материальных объектов, вещей (*как корова языком слизнула*).

Идеограмма отсутствия, исчезновения имеет общий для литературного языка и диалекта способ описания – через образ причины (*как ветром сдуло; как корова языком слизнула*), а также через образную гиперболизацию ситуации (*с собаками не сыщешь; днем с огнем не найдешь*).

Идеограмма внезапного появления, возникновения имеет тенденцию к выражению через ситуации, описывающие якобы причину внезапности (*по мановению волшебной палочки; как с неба свалиться* и т. п.), а также через ситуации, ярко демонстрирующие проявление свойства (*как гром среди ясного неба* и др.). ФЕ с данным значением имеют различие по акцентам: подчеркивается ли внезапность события либо восприятие события говорящим.

Идеограмма общеизвестного знания выражается, как правило, через этапы. Таковыми могут быть уже известные, сделанные вещи (*открыть Америку; изобрести велосипед*) либо действия, элементарные в своем выполнении (*как пить дать*).

Трудности, проблемы метафорически осмысляются во фразеологии как тяжесть, которую несет человек (*лежит на плечах; тащить на себе груз* (чего-л.); *ярмо на шее* и др.), избавление же от них получает образное воплощение

спавшей или сброшенной тяжести (*как гора / камень с плеч*). Невзгоды и проблемы воспринимаются как удары, преимущественно по голове (*жизнь бьет по голове; все шишки на чью-то голову валятся* и пр.). Вероятно, образ головы возникает в связи с ситуацией обдумывания решений, как избавиться от проблем. Попадание в проблемную, тяжелую ситуации передается через образы границы, предела (*дойти до ручки / до точки/ до предела* и др.). Легкость решения проблемы выражается через своего рода эталоны – образы минимальных физических усилий (*одной левой; одним движением руки; одним мизинцем*) и некоторых ситуаций (*как дважды два четыре; проще пареной репы*).

В тематической группе успеха и победы наиболее распространенными являются образы спорта и сфер, близких к нему (морское дело, верховая езда) как областей, где наиболее очевиден успех как выигрыш человека, и где он является целью (*чувствовать ветер в своих парусах; попасть в дамки; уложиться на обе лопатки* и др.). Также активно используется – самостоятельно или вместе с образами, указанными выше – метафора сохранения равновесия (*удержаться в седле; встать на обе ноги; держаться на плаву* и др.). Неудача, поражение продолжают в образном плане спортивную метафорику (*сойти с круга*), к которой добавляется образ проигрыша в карточных играх (*остаться в дураках; остаться при пиковом интересе*). Также для этой семантической области характерны образы, связанные с кривым движением или движением вниз (*идти вкривь и вкось; провалиться с треском; идти ко дну* и др.). Фразеологизмы со значением успеха/поражения в ряде случаев образуют образные пары: ср. *держаться на плаву – пойти ко дну; удержаться в седле – сойти с круга*.

Семантическая область *опасности* обращается преимущественно к метафоре военной сферы. Это могут быть военные сигналы (*бить в барабаны; бить/ударить в набат*), взрывы (*бомба замедленного действия сидеть на пороховой бочке; земля горит под ногами*). Также привлекается образное обозначение опасностей, связанных с морским делом как в реальных ситуациях (*подводные камни/течения*), так и мифологических (*между Сциллой и Харибдой*).

С образной сферой *неудачи* соотносится метафорика фразеологии со значением *непредусмотрительности*: также используется образ – но в данном случае потенциального – движения вниз, падения (*рубить сук, на котором сидишь; рыть под собой яму*), утопления (*раскачивать лодку*) и в целом – действий, приводящих к смерти (*совать голову в петлю*).

§ 4. Тематическая сфера «Социум»

Диалектная фразеология

Наиболее обширно представленной во фразеологической номинации является сфера «Социум». К данной сфере относятся обозначения различных социальных проявлений человека. Представляется возможным выделить следующие подгруппы:

1. Степень социализированности. В отличие от интеллекта как имманентно присущего человеку свойства ФЕ характеризуют также поведенческие, заметные в обществе проявления умственных способностей:

– малообразованность (костр. шар. *как в лесу расти* ‘о малообразованном, темном человеке’: «Как они [часы] пойдут на руке? Нам дивно было всё. Мы тёмные были, как в лесу росли»; костр. вохом. *тёмная бутылка* ‘мало знающий, неграмотный, необразованный человек’: «Тёмные бутылки, ничего не знали», «4 года только училась, как тёмная бутылка»; костр. пав. *пестерь нековырянный* ‘глупый, темный, отсталый человек’: «Ой ты, пестерь нековырянный, ничего не знаешь»);

– неумелость, бестолковость, неадекватность действий (костр. шар. *у тебя брат на Якшанге* ‘о бестолковом человеке’ «У тебя брат на Якшанге – это ты не в себе», *у тебя нет брата на Якшанге?* ‘шутливый вопрос, обозначающий, что адресат бестолков, ненормален, поступает предосудительно’ «У тебя нет брата на Якшанге? – ну, это кто-нибудь не во всём»; костр. окт. *ни нести ни трясти* ‘о бестолковом, ни к чему не пригодном человеке’ «Недотёпа – это такой человек, который ни нести ни трясти – ничего у него не спросить. Это такой дурак не дурак – недоразвитый»; костр. вохом., шар. *не дойти до людей* ‘быть ненормальным, неактивным, глупым, хуже других’ «Нинку и

сейчас ничевушкой зовут, она до людей-то не дошла немножко», «Соуразный до людей не дошёл, не как другие, шибко отличается»; костр. парф. *кобылья голова* ‘о непутевом человеке’ «Раз уж кобылья голова, дак конечно, что уж с него»; костр. шар. *один на фронте, второй на ремонте* ‘о глупом, ничего не понимающем человеке’: «Ну что ты не понимаешь? Али у тебя не все дома? Один на фронте, второй на ремонте!»; костр. шар. *девяносто девять как сто* ‘находящийся не в себе, недостаточно развитый умственно’: «Девяносто девять как сто говорят, если немного не в себе, немножко не хватает у него соображения»; костр. окт. *девяносто девять, ноль в уме* ‘о глупом человеке, человеке со странностями’ «Девяносто девять, ноль в уме – про евонных сыновей так и говорят»); в ситуативном аспекте данная семантика проявляется в обозначении умственно неадекватной ситуации (костр. вохом. *как баран на градусник* ‘как баран на новые ворота; о том, кто ничего не понимает’: «Я девчушка была, восемнадцать лет, а ему двадцать пять лет было, он-то уж во всей поре был. А я ничего не понимала, как баран на градусник. Теперь-то уж поняла бы. Это который человек ничего не понимает. Баран посмотрит на градусник: он ничё не разбирается. Я тоже эдак же, как баран на градусник»), непригодные знания (костр. вохом. *в мозгах на десятой полке лежат* ‘о непригодных знаниях’: «Я не все выражения помню, они у меня в мозгах на десятой полке лежат, пока не требуются»).

2. Трудовая деятельность.

2.1. О спорой работе, нерасторопности в труде:

– медленно работать (костр. вохом., окт. *браники*³⁵ *брать* ‘делать что-л. очень медленно’ «Чего-то тихо делается: «Как ты делаешь? Как браники берёшь!» Оно тихо делалось, но красиво»; «Ой, она не шевелится, как браники берёт. Браники берут – кропотливая работа»; костр. шар. *как не сегодня надо* ‘о медленно делающем что-либо человеке’ «Что киснешь? – скажут, да «чё как не сегодня надо», не спи на ходу-то, у тебя в руках всё гниёт – медленно делает

³⁵ *Браники* – 1. вышивка мережкой; 2. вытканый узор.

дак»; костр. вохом. *умер, а глядит / умер, да взглядывает* 'о нерасторопном, медлительном человеке' «Тихо делает чего – говорили «умер, а глядит», «умер, да взглядываешь». Это кто медленно делает, тихо, не поспевает с людям»; костр. шар. *как телёнок мокрый* 'медлительный человек': «Как тенето или как телёнок мокрый – это есть по Шарьинскому району такое выражение. У меня зять тенето, он медленно всё делает, тенётник»; костр. парф. *кошки с мышками играют* 'о медлительном человеке' «Кошки с мышками играют всю у медленного человека»; костр. вохом. *шима*³⁶ *ванеевская* 'медлительная, нерасторопная женщина': «Говорили, а это которая тихо делает, ну говорят – шима ванеевская. Деревня была Ванеево. А видно, там была женщина такая, тихонькая. Ну, говорят, как шима ванеевская. Это я слыхала и говаривала, грешна господу богу. Тихоня, тихо шеперится», «У нас еще говорят шима ванеевская. И вот как только говорят “Ой, шима ванеевская” – это неразворотливая, неповоротливая женщина»; костр. парф. *в руках мухи спят* 'о медлительном человеке': «Ну, это путо, как неживое, путо неживое. ну, у него еще в руках-то мухи спят»; костр. парф. *в руках мухи вась-вась* 'о неуклюжем человеке': «Когда в руках ничего не держится: «Что у тебя в руках-то мухи вась-вась»; костр. ней. *путо*³⁷ *в лапти обуто* 'о медлительном человеке': «Путо в лапти обуто, – скажут, если копошится еле-еле»);

– быстро работать (костр. шар. *в руках всё кипит (горит)* 'о быстро выполняющем какую-л. работу человеке' «В руках всё горит – значит, быстро. Али в руках всё кипит»; костр. пав. *как с огня рвёт* 'о расторопном человеке' «Тихобздой тихо делает, а работяшша как с огня рвет»; костр. окт. *и с камнем не положишь* 'о бойком, подвижном, расторопном человеке' «Ой, скажут, и с камнем не положишь. Это если бойкий он»).

2.2. О степени интенсивности работы:

³⁶ *Шима* – медлительный, нерасторопный человек.

³⁷ *Путо* – медлительный, нерасторопный человек.

– интенсивно, тяжело работать (костр. пыщ. *(работать)* как заводная лошадь ‘без отдыха, тяжело’: «В колхозе не работал, тяжело не работал. А мама – как заводна лошадь работала»).

– бездельничать (костр. пыщ., шар. *лежать как жох*³⁸ ‘о бездельнике’: «Неохота ему работать, лежит как жох», «Что лежишь как жох, ничё не делаешь?»; костр. вохом. *сидеть ручка на ручке* ‘сидеть без дела, ничего не делать’: «А у нас сидят на ручке... сидят ручка на ручке, ничего не делают»; костр. шар. *крутить собаке хвост* ‘бездельничать’: «Ничего не делает, хвост собаке крутит»). Вероятно, как разновидность безделья можно рассмотреть фразеологически номинируемое поведение праздное гуляние и хождение в гости (костр. окт. *беззапорная свинья* ‘о человеке, не сидящем дома, ходящем по соседям’ «Беззапорная свинья, только шатается»).

2.3. Опыт и мастерство работы:

– неумелый человек (костр. вохом. *руки не в ту сторону смотрят* ‘о неумелом человеке’: «Он и нерезко говорит, и гвоздя ему не заколотить, сделать чего – не мог-от, руки не в ту сторону смотрят»; костр. окт. *не пришей шубе рукав, не пришей кобыле хвост* ‘о неумелом человеке’: «”Не пришей кобыле хвост или не пришей шубе рукав” – у которого в руках все валится, не может ничего сделать»; костр. вохом. *ни в сноп ни в горсть* ‘о человеке, у которого ничего не получается’: «Ой, говорят, как шипунья. Потихоньку шипит и ни в сноп, ни в горсть»);

– человек, занимавшийся разной деятельностью (костр. вохом., пав. *во все бёрда переткать*, костр. шар. *во все бёрда*³⁹ *втыкать*, костр. парф. *во все бёрда тыкать* ‘езде побывать, работать на всех работах’ «Я во все бёрда втыкала, везде наработалась», «Во все бёрда тыкала: и на жнейках, и с лошадьми, и пахать, и всё. На тракторе только не работала», «Я во все бёрда переткала за девяносто лет»)

³⁸ Вне сравнений на территории Костромской области не зафиксировано. Возможна связь с костр. *жох* ‘одна из сторон игровой бабки’ [СРНГ 9: 217]

³⁹ *Бёрдо* – деталь ткацкого станка для подбивания нитей утка. От частоты расположения зубьев в бёрде зависит плотность ткани.

2.4. Сравнительная оценка труда:

– достичь тех же результатов, что и другой (костр. вохом. *на той же горке быть* ‘сделать то же самое, достигнуть тех же результатов’: «У меня два сына: один всё быстро делает, а другой – медленно. Такой человек. Я ему говорю, а он мне отвечает: «Я тихонько, да сделаю, на той же горке буду». Так и есть: тихонько, а сделает – вот на той же горке и будет»);

– сделать лучше (костр. парф. *дать очко* ‘переиграть, сделать что-л. лучше кого-л.’: «Наши-то на той свадьбе дали очко тчанниковским, веселее оказались гости невесты»).

2.5. Целесообразность (костр. кадый. *носиться как чёрт с репой* ‘суетиться’: «Если кто бегают, кричит попусту, скажут, чё носишься как чёрт с репой, сядь, успокойся»).

3. Социальные и бытовые условия:

– жить в деревне (костр. пав. *у пенька родился пеньку крестился* ‘о человеке, родившемся и выросшем в деревне’: «Я деревенская. Как говорят: у пенька родился, пеньку крестился»);

– жить бедно (костр. парф. *жить в большом нете* ‘жить в бедности’: «Мы в очень большом нете жили»; костр. шар. *вошь за гасником* ‘о бедном человеке’: «А кто плохо-то живёт, у неё одна вошь за гасником»; костр. окт. *как канюк на кочке* ‘о бедном, бесхозяйственном человеке’: «Еще говорят “как канюк на кочке” – ничего у него больше нету, бесхозяйственный»; костр. шар. *жить как Савва дорогой* ‘жить плохо, терпя лишения’: «Савва у нас в деревне жил, женат не был, детей не было у него, и он побирался. И вот кто у нас в армию уйдёт, а оттуда нельзя писать, что плохо там жить, дак парень напишет: “Хорошо живу, как Савва дорогой”»; *как у Саввушки* ‘о плохом, бедном хозяйстве’: «Вот у него как у Саввушки, хозяйство такое плохое, хозяин ходит милостыню собирает. Маруськин отец Савелий был»; костр. вохом. *жить как чуреки* ‘жить плохо, бедно’: «Ой, жили плохо, как чуреки. А кто такие люди чуреки? – Раньше сравнишь с нынешним – жили как чуреки. У нас (в России)

таджики живут как чуреки. В Москве работают, везде, в плохих условиях, антисанитарных»; костр. шар. *перебиваться с кости на камень* 'плохо жить': «Так и жили, с кости на камень перебивались»); нищенствовать (костр. окт. *как Евлога с котомкой*. 'просить милостыню': «Как Евлога ходит, с котомками, ничего нет, побирается. Евлога ходил нищий, имена были такие раньше»);

– жить в достатке, благополучии (костр. окт. *как кошка у плошки жить* 'не иметь нужды ни в чём': «Живу как кошка у плошки – не голодаю, всё-то у меня есть»; костр. окт. *и сыт, и пьян, и нос в табаке* 'о состоянии благополучия, довольства': «Сейчас и работают, и пенсию получают – и сыт, и пьян, и нос в табаке»; костр. шар. *как за Волгой* 'о богатой, сытной жизни': «На сплав ходили за Волгу, к чебоксарцам. Там жисть богатая была. Привезут оттуда связки баранков, яблоки. Ну, скажут, жизнь у нас стала, как за Волгой, – это если побогаче заживут. Себя с Волгой сравнивали, с той-то жизнью»; костр. шар. *как золотая рыбка* 'о человеке: живет в достатке, катается как сыр в масле': «Она ведь жила как золотая рыбка, а я всё своим трудом жила. Вера-то всё говорила: «Я кроме “Птичьего молока” никакие конфеты не ела», – а я до сих пор не знаю, что за птичье молоко!»);

– жить в бытовом дискомфорте (костр. парф. *как в бане жить* 'жить некомфортно, без уюта': «Как в бане живут. Нехорошо. Не пристроено. Не приделано»);

– жить на одном месте (костр. пав. *железной дороги не видать* 'жить на одном месте безвыездно': «Клавдий железной дороги не видал»);

– жить в одиночестве, изоляции (костр. шар. *жить как на хуторе* 'жить в одиночестве, в отдалении от деревни': «Если человек живёт один, далеко от деревни, то про него говорят, что он живёт как на хуторе»; костр. вохом. *как Саня Пеномская* 'о женщине, живущей вдали от других людей': «Аля Парюгская ещё у нас была, Саня Пеномская. Вот выражения-ти наши. Ну, говорят, как Аля Парюгская, как Саня Пеномская. А Саня Пеномская жила очень долго одна в деревне на Пеноме, в лесу, деревня уж стала зарастать, она всё жила.

Потом сюда выехала. Вот где чего одиноко живёт человек, вот я на самом конце деревни, мне Валя часто: «Ну, ты как Саня Пеномская! Живешь где-то на хуторе»);

– израсходовать имущество (костр. окт. *дойти до тюки*⁴⁰ ‘= «дойти до ручки»’; ‘все промотать, израсходовать’: «Дошёл до тюки, хоть и жить не надо»; «Дошёл до тюки, нет ни хлеба, ни муки»).

4. Социальный статус и отношения:

– жить дружно (костр. шар. *друг другу «нас**ть» не говаривать* ‘жить дружно, не ссориться’: «Мы с ней сорок лет прожили – и друг другу «нас**ть» не говаривали. Ни чердаки, ни подполы разгорожены не были (о соседке по двухквартирному дому)»; костр. окт. *из одного стола выходить* ‘жить дружно, коллективом’: «Из одного стола все выходили. Всей деревней собирались, никакого скандалу не было. Дружно жили – вот из одного стола выходили»; костр. окт. как с одного стола есть ‘о дружных людях’ «Нас в деревне пятеро с одного года – и мы как с одного стола ели. Дружные были, всё вместе делали»; костр. вохом. *есть с одной ложки* ‘хорошо ладить, крепко дружить’: «У нас только доморощенки на нас немножко землю копытом кидали, а мы с Ниной и сейчас с одной ложки едим, все к ней ходим»; костр. пав. *жить как бахар*⁴¹ *с лаптем* ‘о дружных муже с женой’: «Мы с маткой тоже жили неуписанные – как бахар с лаптем»);

– жить вместе, в одном коллективе (костр. вохом. *в своём котле вариться* ‘жить рядом, в одном коллективе’: «В своём котле варимся – так на диалектах друг к другу обращаемся»);

– жить самостоятельно (костр. шар. *из кожи выйти* ‘выйти из родительского контроля, опеки, начать жить самостоятельно’: «Нынче-то до тридцати лет из кожи выйти не могут, всё как маленький»);

– выйти замуж раньше старшей сестры (костр. шар. *через сноп (из)молотить* ‘выходить замуж / жениться раньше, чем старшая сестра или старший

⁴⁰ Вне устойчивого сочетания слово не фиксируется.

⁴¹ *Бахар* – берестяной лапоть.

брат': «Через сноп измолотила – младшая сестра раньше старшей замуж вышла», «Брат младший у меня раньше женился, я уж потом замуж вышла, вот и говорили – через сноп молотим»; костр. шар. *через голову выйти / скакать* 'выйти замуж раньше старшей сестры': «Старались так не делать, не надо через голову выходить», «Старались этого не допускать, не надо через голову-то скакать, старший сначала должен жениться или замуж выйти, а потом уже и младшие»; костр. окт. *через девятую жердь перескочить* 'выйти замуж раньше старшей сестры': «Больше девяти жердей в огороде не бывает, дак если младшая сестра через старшую замуж пошла, то она через девятую жердь перескочила, говорили, то есть будто высоко прыгнула, через самый высокий огород»; костр. вохом. *прыгать за огород* 'заводить семью раньше старшей сестры / старшего брата': «Это говорили – за огород не прыгают, это не только девочка: если брат старше, девочка младше, то брат должен сначала жениться», «Через огород прыгать, не положено замуж выходить раньше»; костр. вохом. *дорогу перейти*, костр. окт. *дорогу пересечь* 'о младшей сестре, вышедшей замуж прежде старшей': «Говорят дорогу перешла, что вперёд старшей вышла, а старшая ещё не женился»; «Дак разговор-от был, дорогу пересекла, старшая осталась, а младшая вышла, у меня у самой это было, она ждала своего друга из армии»; костр. вохом. *за огород перескочить*; костр. вохом., окт. *перепрыгнуть через огород* 'жениться или выйти замуж раньше старшего брата (сестры)': «Ой, за огород перескочил Серёга. Я говорю: “Дак не перескакивай, живи как этот, неженатый”»; «Перепрыгнула через огород – вышла замуж вперёд, надо было старшую выдать»; костр. шар. *овин перескочить* 'выйти замуж раньше старшей сестры': «Ну, овин перескочила. Младшая сестра вышла замуж вперёд старшей. Или ещё говорят: огород перескочила»; костр. шар. *перескакивать через колоду* 'выходить замуж раньше старшей сестры': «Надо поддерживаться, сначала старшие замуж выходят, потом младшие, не надо через колоду перескакивать»; костр. вохом. *прыгать через печку* 'о случае, когда младшая сестра выходит замуж раньше старшей': «Вне оче-

реди замуж выходили – нечего через печку прыгать»; костр. окт. *против солнышка идти* ‘вступать в брак раньше старшей сестры, брата (обычно о девушке)’; «Кто скажет, что ты через колоду прыгнула, кто скажет – против солнышка идёшь – это когда младшая – сын ли дочка – выходит вперёд старшей»; костр. шар. *дровни с кошёвкой спутать* ‘выйти замуж раньше старшей сестры’: «Дровни с кошёвкой спутала. На кошёвках-то свадьбы ездили»);

– старая дева (костр. вохом. как *Аля Парюгская* ‘о женщине, которая долго не выходит замуж’: «А Аля Парюгская на Парюге жила одна. Она замуж не выходила, ничего, эдак вот и скажут: «Как Аля Парюгская, замуж не можешь выйти»; костр. окт. как *Соня Берегочка* ‘о женщине, которая долго не выходит замуж’: «Она как Соня Берегочка. Старая дева. Была Соня Берегочка из деревни Бережок. Долго замуж не выходила»; костр. окт. *соломенная вдова* ‘о женщине, которая долго не может выйти замуж’ «Долго замуж не выходит – так соломенная вдова, никто не берет в общем»);

– вести распутный образ жизни (костр. окт. *соломенная вдова* ‘о гулящей жене’: «Гуляет, дак соломенная вдова. Это шутки такие»; костр. окт. *на солому ходить* ‘вести распутный образ жизни (о женщине)’; «Ну, баба, на солому ходит, бл...ует. Мало таких у нас-то»; костр. окт. *соломенная честь* ‘женщина, которая живет с чужими мужчинами в отсутствие мужа’ «Соломенна честь, с чужим мужиком живёт», «У ей, скажут, соломенная честь, соломенника принесла. Ненастоящая честь-то»; костр. окт. *тапки беспятые* ‘о женщинах, изменяющих мужьям’: «Бабы нынче, скажут, тапки беспятые, всё гуляют. Раньше за мужем были. Говорили-то: жена не лапоть, с ноги не сбросишь»), изменять (костр. шар. *красную шапку / шапочку надеть* ‘изменить в любви’: «Ну, красную шапку надел или надела – изменил мужик бабе или баба мужику», «Гуляет девка с парнем, а она ему изменяет, скажут: красну шапку надела. Я сама надевала красны шапки! Хожу-хожу, не понравится – пошла», «Муж жене изменил, она ёму – ну, скажут, красную шапочку надела»);

– внебрачный ребенок (костр. окт. *под суслоном найти* ‘о рождении внебрачного ребенка’: «В соломе нашла, под суслоном нашла – подсуслонник-

то»; костр. окт. *в соломе найти* ‘о рождении внебрачного ребенка’: «В соломе нашла, под суслонем нашла – подсуслонник-то», «Соломенная вдова родила без мужа, в соломе нашла»);

– женщина, родившая вне брака (костр. окт., шар. *соломенная вдова* ‘женщина, забеременевшая вне брака’: «Соломенная вдова – это которая выб***ка принесла, а жила одна»); костр. с-гал. *муж в Петров день об лёд убился* ‘об отсутствии законного отца ребёнка’: «Про незамужнюю, которая родила, говорят: муж в Петров день об лёд убился»);

– вдова после гражданского брака (костр. окт., шар. *соломенная вдова* ‘женщина, у которой умер гражданский муж’: «Соломенная вдова – это я слышала, называли. Жила она с мужем, но не уписаны были, да умер он»);

– «нечестная» невеста (костр. окт. *соломенная невеста* ‘невеста, которая имела половые связи до брака’: «Соломенная невеста нечестная. Свадьба – а она уже жила с мужиком-то»);

– молодая вдова (костр. шар. *соломенная вдова* ‘вдова, у которой очень рано умер муж’ «Мы-то старухи, просто вдовы, а молодые – соломенные»);

– дальний родственник (костр. пыщ. *седьмое колено от нашего плетня* ‘седьмая вода на киселе’: «Это всё равно, что я расскажу про человека, который мне не родственник, дальний знакомый. А он говорит мне, что он, типа, родня. Или седьмое колено от нашего плетня»; костр. шар. *девятый кол* ‘о дальнем родственнике’: «Он мне девятый кол, седьмая вода на киселе»; костр. пав. *от девятой сотоны сучок* ‘о дальнем родственнике’: «От девятой сотоны сучок – и не помню, кто он»);

– малознакомый человек (костр. вохом. *гостья из-под мостья* ‘о мало-знакомом человеке’: «Ну, проходи, садись, гостья из-под мостья», «Из-под мостья гостья, ну, значит, ни родственница, ни подруга»);

– сброд, никчемные люди (костр. вохом. *хлам да вывих*, костр. вохом., окт. *хлам да вытряски* ‘никчемные люди, пьяницы, немощные старики, сброд’: «А щас чё мы? Хлам да вывих остались. Худые все, старые, списанные», «Ой, сама люблю это слово: пьяница идёт по посёлку, все бомжи – это

всё ошошь; хорошее ещё выражение такое же – хлам да вытряски», «У нас-то только хлам да вытряски остались, бомжи, пьяницы, старухи»; костр. вохом. *от шайки ухо* ‘о никчемном человеке’ «Я не от шайки ухо – иди-ка так я тебе дам»; костр. шар. *тюха да матюха* ‘никудашные люди’ «Тюха да матюха живут тут, двор упал у их»; костр. шар. *тюха да пантюха* ‘сброд’: «Остались Тюха да Пантюха, кто откуда. Кто наврёт, кто сворует»; костр. вохом. *Шоша да Матоша / Барабоша* (да *Кашинский Алёша*), костр. окт. *Шоша да Барабоша* ‘сброд’: «Ну, собрались пьяные, делать нечего, ходят, шоша да матоша», «Шоша да Барабоша да Кашинский Алёша, вот бобыли-ти. А кто таков этот Алёша?», «Шоша да Барабоша там собрались, не очень порядочные. Живут бедно и плохо, скандальные», «Ну и напился! как Шоша да Матоша»).

5. Поведение в социуме.

– постоянно общаться (костр. шар. *пара казанская* ‘о странной, смешной паре людей’, ‘о неразлучных людях’: «Не, пара казанская! Двоё друзей. Смешные, странные. Оба пьяницы бродят по дороге», «Как пара казанская, всё время вместе ходят»; костр. вохом., пыщ., шар. *как два свясла* ‘о людях, которые всё время ходят парой’ «Как два свясла. А это в общем ты да она, ходите всё вместе, как два свясла. Или он да она – как два свясла. Еще говорят «не разлей вода», «Как два свясла ходят. Свясло-то – полоска, которыми сноп подвяжут»; костр. пыщ., шар. *как Ваня с Катей* ‘выражение, обозначающее дружных людей’: «А те, кто вместе ходят, как Ваня с Катей называются»; «Вот Колька Дурнев был, мы с ним как Катя с Ваней всё ходили, да всё угорами, зимой: он идёт первый по снегу, а я ступаю после него в ступаки», «У нас не Афоня с Марфой, а Катя с Ваней были. Катя слепая была, а Ваня простенькой такой, и вот он всё её за палочку водил по деревне, они собирали милостыньку. Вот Катя с Ваней были у нас. Ну ходят, говорят, как Катя с Ваней, всё вместе»; костр. шар. *как Ваня с Маней* ‘о двух людях, которые ходят все время вместе’: «Как Ваня с Маней – всё время вместе»; «Ну, пошли как Ваня с Маней – это кто пойдёт пара или обычно ходят вместе»; костр. окт. *как Кузя да Маря* ‘о людях, которые всюду вместе’: «Вместе ходят, как Кузя да Маря, были у нас

такие»; костр. вохом. *ходить* как *Ганя с Колей* ‘о неразлучно ходящих людях’: «Ходят как Ганя с Колей. Ганя – она ходила, дурочка была. Везде ходила. И вроде с мужчиной каким – Коля его звали»; Ходят как Коля с Ганей – это два человека нищих ходили. Она слепая была, а он её водил. Потом оказалось, он с войны сбежал. Говорят, если ходят вдвоём, друг за дружкой»; костр. окт. *как Оля да Назар* ‘о неразлучных людях, которые ходят вместе’: «Вот вместе кто ходит – ой, как Оля да Назар. Это нищие были. Они ходили – из избы в избу», «Оля да Назар идут. Вот нищие-то ходили. И тут у нас Валя да Миша вместе ходят, как Оля да Назар»; костр. окт. *Прохор да Мария* ‘о людях, которые всегда ходят вместе, «не разлей вода», по чужим дворам на угощение, просят милостыню’: «Прохор да Мария – у их ни дому, ни колу, они вот всю жизнь вдвоём ходят, побирают, парочкой. Где вот услышат – хозяин пиво варит – они уж придут обязательно, угостятся там. А хозяйева их не обижали никто, все пускали и угощали»);

– быть схожими по характеру, поведению (обычно негативному) (костр. вохом. *Шоша да Мотоша* ‘о похожих друг на друга людях, которые обладают отрицательными чертами характера, вредными привычками или физическими отклонениями’: «Шоша да Мотоша – два сапога пара. Оба похожи чем-то: оба ленивые, неумелые, глуповаты, не умеют что-то выполнить. Ну и собрались, Шоша да Мотоша», «Может два парня, оба никаковы развитием, мышлением, или с отклонением, они идут, говорят Шоша да Мотоша. Не совсем нормального психологического развития»);

– сильно увлечься чем-либо (костр. с-гал. *засесть, как младен в коноплѣ* ‘о том, кто слишком увлекся каким-л. занятием, уделяет ему много времени’ «Чего не слышишь, как зовут? Засел тут, как младен в коноплѣ»);

– угадать, предсказать что-л. (костр. окт. *как в руку положить* ‘угадать развитие событий, «как в воду глядеть»’: «Мы расписываемся стоим, она забежала, глянула: «О, эта пара жить будет!» – и ведь как в руку положила», «Парень этот вот дом строил, в окно высунулся: «Наталка, – говорит, – тебе дом строим!» – и как в руку положил»);

– приезжать с подарками (костр. шар. *как с Волги приехать* 'с подарками, с хорошим товаром': «Как с Волги приехал, столько подарков понавёз»);

– бояться сделать что-л. (костр. шар. *за ногой-то больно* 'о человеке, который боится сделать какие-то решительные шаги, противится новому': «Ну, спросят его: за ногой-то больно? Чего боишься? Крышу не хочет покрасить – за ногой-то больно. Будто перешагивать не хочет»);

– льстить, подхалимничать (костр. шар. *заползать под кожу* 'подлизываться, подольщаться к кому-либо': «Дружё всё норовят заползать под кожу бригадирам да председателям»);

– обманывать, быть бесстыжим (костр. пав. *вертеться как сатана* 'о хитром, предприимчивом, изворотливом, врущем человеке': «Всё делает и врёт – как сотона вертится!»; костр. вохом. *беса совать* 'осторожно обманывать' «Беса совать – это не то что обманывать, ну, врать, изворачиваться, чтоб тебя не подозревали, с тонким подколом»; костр. шар. *обрядиться в берёзовую рожу, надеть берестяную рожу, нарядиться в берестяную рожу* 'потерять стыд, лгать, совершить бессовестный поступок': «Берёзовая рожа это позор. Кто врёт, говорит неправду, говорят: обрядилась в берёзовую рожу», «Это такие вот наглые люди. Разругаются, скажут: «Нарядился в берестяну рожу» или «надел берестяну рожу»; костр. вохом. *берестяная рожа* 'бессовестный человек': «Это могут обозвать, берестяная рожа. Бессовестный человек называется»; костр. окт. *лутошные*⁴² глаза 'о бессовестном человеке; 'костр. окт. *как будто килограмм мыла съел* 'о лживом человеке': «Да я ему говорю, лутошные глаза, как будто килограмм мыла съел, врёт, мылит»);

– сплетничать (костр. пыщ. *сарафанная почта* 'сплетни, слухи' «Все знает сарафанная газета, ой да не газета, а почта. Сарафанная почта»; костр. окт. *сорока во рту* 'о вруне, болтуне, сплетнике': «У его сорока во рту, не знает, о чём говорит, лишь бы трешшеть. Всех оговариват»;

⁴² *Лутошка* – ствол липы, с которого сняли лыко.

– быть щедрым, самоотверженным (костр. пыщ. *елишинное*⁴³ *сердце* ‘о щедрым, самоотверженным человеке’: «Елшинное сердце» скажут. Всё своё отдаст, кто спросит и не спросит. Из ельшины-то <ольха> лучшие дрова, вот и называли так»);

– быть черствым, нечутким (костр. шар. *жимолостяное сердце* ‘о черством, бездушном человеке’: «Ну, скажут, жимолостяное твоё сердце, ни о ком не плачешь. Жимолость никуда не гнётся, вот и называли»);

– делать что-либо скрытно (костр. окт. *из-под полы да из-под буфета* ‘тайно, скрытно’: «Раньше всё из-под полы да из-под буфета, а теперь мешками деньги ссылают за границу»; костр. вохом. *делат как шима* ‘делать исподтишка’: «Шима – тихий человек, скрытный. Говорят: «Делает, как шима»»);

– быть скупым (костр. пав. *земли не выпросишь* ‘о скупом, жадном человеке’: «У него земли не выпросишь»; костр. окт. *тишан без покрывки* ‘о жадном, алчном человеке’: «Авошная баба какая! Ну, скажут, авошная, как тшан без покрывки»);

– усмирить кого-л. (костр. мак. *забить в лапотный носок* ‘укротить, усмирить’: «Парнишку-то забить в лапотный носок, будет тише воды, ниже травы»);

– подчиняться кому-л. (костр. пыщ. *не ступить с одной половочки на другую, ходить по одной половочке* ‘подчиняться, быть покорным’: «Никогда с одной половочки не ступит на другую», «По одной половочке будет ходить, а на другую вступишь – тузанёт»);

– быть непослушным, непокорным (костр. окт. *загибать в башку* ‘поступать по-своему, своевольно’: «Загибает в башку, ничего не слушает»; костр. окт. *загнёная башка* ‘о человеке, поступающем необдуманно’: «Бездумный это, загнёная башка. Загибает в башку, ничего не слушает»);

⁴³ *Елишина* – ольха.

– капризничать (костр. окт. *как Андронко Зануда* ‘о капризном человеке’: «Был раньше Андронко Зануда у нас, всё неладно ему. Если кто ноет, капризничает – ну, скажут, ты как Андронко Зануда»);

– обижаться (костр. парф. *бирюк григоровский* ‘об обиженном человеке’: «Если человек надулся – ну, бирюк григоровский!»⁴⁴);

– быть в дурном настроении (костр. шар. *дура / дурочка понюхала* ‘о дурном расположении духа’: «Ну, он расстроится, кричит – и говорят, что дура его понюхала», «Касьяндохнул – это не в настроении человек. Али дурочка понюхала ишшо»; костр. шар. *Касьяндохнул* ‘о дурном настроении’: «Касьяндохнул – это не в настроении человек. Али дурочка понюхала ишшо»);

– зазнаваться / быть простым в общении (костр. пав. *я ли нет ли* ‘о зазнавшемся человеке’: «Я ли, нет ли – ходит по деревне, нос – от задрала»; костр. окт. *не из Кремля, а из Катушёнков* ‘о простом, не зазнающемся человеке’: «Я ведь не из Кремля, а из Катушёнков. Проходи в валенках»);

– не обращать внимания (костр. окт. *ухом не турать* ‘не обращать внимания’: «Я ему и так кричу, и эдак, а он ухом не тураёт»);

– приставать, быть назойливым (костр. парф. *пристать как парфён с порошками* ‘о надоедливом человеке’: «Бабушка говорила: ну, пристал ко мне, как парфён с порошками!»⁴⁵; костр. шар. *как мушный совок* ‘о пристающем, навязчивом человеке’: «Ты что пристал, как мушный совок? Мушный совок – это значит, кто-то достаёт, пристаёт»; костр. шар. *стинь пустая / пристать как стинь пустая / пустой как стинь* ‘о назойливом, настырном человеке’: «Пристанет кто к тебе – ну, чего привязался, стинь пустая!»; «Чего ты пристаёшь как стинь пустая? Это если пристаёт если кто с распросами, скажут: чего ты пристал как стинь пустая?»; «Ну, пустой как стинь – привяжется и одно своё трындычит»);

– заигрывать (костр. пыщ. *бабки подбивать* ‘приставать, подбивать клинья’: «Я вот щас молодой человек, буду подходить к тебе, скажу: “Девушка,

⁴⁴ Ср.: *Бирюк Григоровский* – прозвище жителя д. Григорьево.

⁴⁵ *Парфёны* – именование жителей с. Парфеньево, которые занимались торговлей)

давайте познакомимся”. Буду не давать тебе дороги. Как это назвать? Бабки подбивают»);

– вспыльчивость, агрессивность (костр. вохом. *как Павла Годовская* ‘про человека, который кричит, ругается’: «Про человека говорят – Павла Годовская. Это если кричит громко человек. Это на Вятке в Годовке жила Павла. Вот про неё и тут говорят: “Ну, чего ты как Павла Годовская!”»; костр. парф. *разблажиться как Сидорка Тяпнинский* ‘о вспыльчивом по характеру человеке’: «Говорят: “Разблажился, как Сидорка Тяпнинский”. Он жил в этом Тяпневе, очень по характеру был горячий, а фамилия была Сидоров. Так говорят, когда горячий, когда вспыльчивый, из рамок человек»; костр. вох., пав. *Броситься / наброситься / кинуться / кидаться аспидом / ахидом* ‘наброситься с руганью, бранью’: «Или скажут: бросилась ашпидом, когда ругаться начинает. Аспидом называют плохого человека»; костр. вохом. *землю копытом кидать* ‘провоцировать ссору, вступать в конфликт’: «У нас только доморощенки на нас немножко землю копытом кидали, а мы с Ниной и сейчас с одной ложки едим, все к ней ходим»; костр. вохом. *как корова бодливая* ‘о человеке, плохо относящемся к кому-л., проявляющем свою нерасположенность’: «Человек, который плохо обращается или относится к кому – ну, как корова бодливая»; костр. окт. *собачью шкуру надеть* ‘стать злым, ворчливым, агрессивным’: «Собачью шкуру надел, чуть всех не искусал»);

– словоохотливость / молчаливость (костр. парф. *прошлый год копейку потеряла – нынче ищет* ‘о неразговорчивом человеке’: «Небаяная такая, как будто прошлый год копейку потеряла – нынче ищет»; костр. парф. *как корова жвачку потеряла* ‘о человеке, который ничего не отвечает’; костр. шар. *тянуть как из дуба масло* ‘вытягивать из человека по слову, заставлять отвечать на вопросы’: «О плохом ученике говорят: тянешь из него, как из дуба масло. Так и вы из нас»; костр. вохом. *как тукан стоять* ‘о медлительном, неразговорчивом человеке’: «Дак пословица есть: «как тукан стоит», ему говоришь, а он как тукан стоит, ничего не говорит и не движется, он не бойкий»).

Характеристики внешнего вида человека в социальном аспекте относятся к контролируемым, изменяемым параметрам. Если рост, телосложение относятся к имманентным качествам человека, то одежда и причёска зависят от его выбора и оцениваются с точки зрения социальной адекватности:

– одежда (костр. вохом. *как Дуня Касимовская* ‘о нелепо одетом человеке (женщине)’): «У нас тут ещё одна ходила, как блаженная. Дуня Касимовская. Вся юбка в пуговицах. Разные все и везде попашиты. Ну и когда одета так – не пойми чего – говорят: "Ну, чего ты как Дуня Касимовская!», «Ой и красивая была, богатая, умная – Дуня-то Касимовская, а как умом тронулась... совсем не та стала. Найдёт на неё что – оденется как капуста – одна из под одной одежды торчит, всё выставляется. Это как её семью раскулачили, она и с ума сошла. Сейчас кто так оденется как она, так скажут, что ты как Дуня Касимовская оделась»; костр. окт. *Павлиная Годовская / Павлинья Годовска(я)* ‘о неряшливой, неопрятной женщине’: «Ходишь как павлиная годоська. Распустишь волосы, ходишь непричёсанная, как росомаха», «Ну, павлинья годоска! Это выглядит плохо, неаккуратный. А уж какая была эта павлинья годоска – не знаю. На мужчину так не скажешь. “Павлин годоский” – так не говорили. А вот “павлинья годоска” – да, это про женщину говорили»; костр. парф. *Егарма Савинская* ‘неряшливая, плохо одетая женщина’: «Егармой Савинской неприбранную звали, которая за собой не следит»; костр. вохом., пав. *как шима одеться* ‘о плохо одетой женщине (обычно тихой, смирной)’): «Шима – это одет плохо. «Оделась как шима», – говорят. Про женщину это всё»; костр. парф. *как рязанская баба (нарядиться)* ‘о нелепо одетой женщине’: «Идёт какая-нибудь не в своей одежде или нарядилась как-то странно, так как рязанская баба нарядилась», «В чепан нарядилась как баба рязанская. Наверное, так бабы рязанские наряжались, видно, не больно надевались»);

– причёска (костр. вохом. *кочка с болота* ‘о растрепанном человеке’: «Ишь идёт как кочка с болота – лохматая»);

– неопрятность (костр. вохом. *как Перша Ипатьевский / как Перша* ‘о неопрятном, неухоженном человеке’: «У меня деверь Витька был, правда, стал

выпивать да... Но я пришла, он еще молодой был, плугарил ходил. Сейчас сами трактора-то ти пашут, а раньше плугарили. Дак он придёт весь грязный, мамаша и говорит: “Ну, как Перша Ипатьевский, пришел весь грязный”», «Его Перфил звали, Перфилий, а в деревне уж Перша да Перша. Помню, мамаша говорила, им потыкались всё: “Ну, как Перша”. Это и мамаша часто употребляла. Он и грязный, и неухоженный, он жил один, наверное. В деревне потыкались: “Как Перша”»; костр. окт. *нарядиться как Евлога* ‘о неопрятном человеке’: «Нарядился, говорят, как Евлога – неопрятный ходит»; костр. окт. *одеться как Евлога* ‘о неаккуратно одетом человеке’ «Ну, оделся как Евлога – неряшливо одет, с котомками, навешал на себя ерунды»; костр. окт. *как куль в отрепьях* ‘о неряшливом человеке’ «Чего эдак ходишь, как куль в отрепьях, поначе чего-нибудь надевай»).

Фразеология общенародного языка

В общенародном языке выделяются следующие идеограммы, связанные с социальной сферой существования человека:

1. Трудовая деятельность. В данной подгруппе выделяются такие аспекты, как тяжелый труд (*работать как зверь / как лошадь / как каторжный / как пчёлка / как проклятый; работать не покладая рук / засучив рукава* и др.), тяжелый труд с целью заработать, приобрести что-л. (*своим горбом заработать/нажить; потом и кровью*), упорство (*упираться рогом*). В подгруппе ленности выделяются собственно безделье (*бить баклуши; бока отлёживать; ворон/галок считать/ловить; гвоздя не вбить; ловить мух; не ловить мышей; палец о палец не ударить; плевать в потолок* и др.) и плохая работа (*левой ногой; через пень-колоду; спустя рукава* и др.).

2. Социальные и бытовые условия жизни:

– бедность (*негде преклонить голову; [нет] ни гроша [в кармане]; в карманах пусто; ни кола ни двора* (народн.); *еле концы с концами сводить; дрожать/трястись над каждой копейкой; ни ложки ни плошки* (народн.); *в холодильникемышь повесилась; сидеть на [чёрном] хлебе и воде* и др.);

– богатство (*златые / золотые горы; денег куры не клюют; купаться в золоте; толстый кошелёк; жить на широкую ногу; сыт, пьян и нос в табаке; как сыр в масле [кататься] и др.*)

– обеспеченность (*иметь за душой; иметь на хлеб с маслом; иметь крышу над головой и др.*)

– одиночество в общенародном языке предстает в несколько ином восприятии, нежели в диалекте. Для диалектной фразеологии и выраженных в ней идеограмм значимым является изоляция по большей мере территориальная, препятствующая нормальной коммуникации с остальными участниками социума. В идеографии общенародного языка следует говорить скорее об изоляции духовной и интеллектуальной. Это связано, вероятно, с бóльшим акцентированием на индивидуальности, ценности личности (и ее противопоставленности обществу), присущим городской и особенно высокой городской культуре. Об этом говорят и пометы «высок.» и «книжн.», сопровождающие ряд фразеологизмов данной подгруппы (*башня из слоновой кости (книжн.); глас вопиющего в пустыне (высок.); один как перст (высок.); в своей скорлупе и др.*);

– надежность, прочность (*крепко / прочно стоять на ногах; стоять на обеих ногах; обрести [твердую] почву под ногами; [жить] как за каменной стеной; жить, как у Христа за пазухой и др.*;

– ненадежность (*земля уходит из-под ног; оказаться между небом и землей; строить на песке; терять почву под ногами и др.*);

3. Социальный статус и отношения.

– близкие отношения представлены во фразеологии не активно, маркируются неформальные отношения (*быть на короткой / дружеской ноге*) и собственно крепкие дружеские отношения (*водой не разольешь*). Также отмечается общность идей, интересов (*дышать одним воздухом*) или жизненного опыта (*пуд соли съест*);

– низкий социальный статус (*черная кость; мальчик для битья; пустое место; ноль без палочки; на птичьих правах; последняя спица в колесе и др.*);

потеря статуса (*ползать на брюхе; заглядывать в глаза; ходить на задних лапках; потерять лицо; лизать пятки/сапоги; вилять хвостом*);

– несоответствие норме или статусу (*белая ворона; с суконным/свиным рылом в калашный ряд* (народн.); *с кирзовым рылом в хромовый ряд* (народн.); *сесть не в свои сани; не по Сеньке шапка* (народн.) и др.);

– равный статус (*ставить на одну доску; на равной ноге* и т. п.);

– согласие, взаимопомощь рассматриваются, как и многие другие семантические группы, в отношениях статика – динамика. Динамика представляет собой установление состояния согласия и взаимопонимания (*привести к общему / единому знаменателю; навести мосты; найти общий язык*). Статика же описывает ситуацию взаимопонимания как уже существующую, как факт действительности (*жить душа в душу; говорить на одном языке; в одной связке / упряжке* и др.).

– любовь практически не получает положительной оценки во фразеологии. Нейтральным является обозначение влюбленности (*неровно дышать* (к кому)), другие же идеограммы описывают более «неестественные» аспекты данного чувства и получают скорее ироническую оценку. Обольщение имеет фразеологические «пары», описывающие стороны субъекта и объекта процесса (*вскружить голову – потерять голову; свести с ума – сойти с ума* (по кому) и «однонаправленные» описания (*падать штабелями / пачками* (на кого)). Также фразеологическое обозначение – хоть и не очень активное – получает флирт (*стрелять глазами; глазами есть / пожирать*) и измена (*ходить налево*);

4. Поведение, поступки:

– сходство поведения (*два брата-акробата; не далеко ушел; одним миром мазаны; одного поля ягоды / ягодки; два сапога пара; одна сатана*);

– совместность поведения, действий (*в одном котле / в одной каше вариться; в одной лодке* (журн.); *шерочка с машерочкой*).

– ложь, обман в общенародном языке представляет собой широкое поле [см. Кучко 2017, 42–45], где выделяются сам обманщик и его типы (*волк в овечьей шкуре; засланный казачок; слуга двух господ* и др.); акцентирование ситуации обмана, получения выгоды нечестным путем (*торговать воздухом; вести двойную игру; играть в кошки-мышки / как кошка с мышкой; ободрать как липку; водить за нос; нагреть руки* и др.); акцентирование вербальной стороны обмана (*арапа заправлять* (устар.); *наговорить сорок бочек* [арестантов]; *заговаривать зубы; петь Лазаря; с три короба наврать/наобещать; вешать лапшу на уши; пудрить/канифолировать мозги; втирать очки* и др.); пристройство (*делать хорошую мину при плохой игре; прикинуться невинной овечкой; строить из себя казанскую сироту / прикинуться казанской сиротой; лить крокодиловы слезы* и др.); лицемерие, неискренность (*в мутной воде рыбу ловить; ходить вокруг да около; с двойным дном; вертеться как уж / угорь / карась на сковородке* и др.); ситуация самообмана (*смотреть через розовые очки / видеть в розовом цвете; строить замки на песке; строить воздушные замки; витать в облаках*);

– безнравственное, бессовестное поведение; предательство, подлость. Во фразеологии отмечаются данные качества как присущие человеку, составляющие его постоянное свойство (*Иван, не помнящий родства; мать родную / отца родного продаст; не иметь ничего святого; креста нет*) либо представляющие собой поведение человека в определенной ситуации (*плюнуть/наплевать в душу; держать камень за пазухой; удар в спину/ниже пояса; идти по трупам; продать за тридцать сребреников; продать за чечевичную похлебку* и др.);

– эксплуатация в корыстных интересах имеет два основных акцента. Возможно подчеркивание самого процесса использования одним человеком другого (*сесть на голову; на чужом горбу в рай въехать; таскать каштаны из огня* [чужими руками / для кого]; *на чужих костях; пить /сосать кровь;*

чужими руками жар загребать) либо интенсивность такой эксплуатации (*выжать как губку; выжимать/тянуть/сосать все соки; и в хвост и в гриву и др.*);

– поле враждебного, недоброжелательного отношения распадается на подполе «негативно настроенная социальная группа» (*банка с пауками; осиное/змеиное гнездо*) и на подполе, градуирующее степени проявления негативного отношения (*по разные стороны баррикад – не подавать руки – зуб точить; смотреть волком – на дух не переносить; любить, как собака палку – жить, как кошка с собакой; на ножах – перегрызть горло / глотку*). Кроме того, существует деление на потенциально однонаправленную неприязнь (*на дух не переносить*) и изначально взаимное отрицательное отношение (*жить, как кошка с собакой*);

– конфликт. Данное поле достаточно подробно и аспектно разрабатывается фразеологией литературного языка. Может иносказательно называться сам конфликт как таковой (*буря в стакане воды*); провокация конфликта (*лезть в бутылку; идти на вы [книжн.]; становиться поперек дороги; вбить клин (между кем-л. и кем-л.); бросить перчатку; выйти на тропу войны [книжн.] и др.*); катализация конфликта (*подливать масла в огонь*); снятие, избегание конфликта (*идти на попятный; спустить на тормозах; закурить трубку мира [книжн.]; дать задний ход и др.*). Также оценивается конфликт с точки зрения корректности поведения его участников (ср.: *копья ломать; скрестить копья / мечи / шпаги / клинки [книжн.] – и катить бочку; переть как бык; гнать волну; брать на горло; брызгать слюной; переть как танк; идти тараном и др.*)

– к полю конфликта примыкает идеограмма сопротивления, реакции на агрессию. Фразеологизмы с данной семантикой акцентируют как саму решимость к сопротивлению (*показывать зубы; показывать / выпускать когти / коготки; голыми руками не возьмешь; дать сдачи и др.*)), а также высокую степень сопротивления (*до последнего вздоха; не на жизнь, а на смерть*);

– физическое насилие является довольно широко представленным во фразеологии, но достаточно единообразным. Маркируется сам факт ситуации насилия, драки либо видимый результат (*разукрасить, как бог черепаху; всыпать / влупить горячих; сделать отбивную; дать / получить по рогам* и др.);

– если склонность человека к конфликтному поведению описывается чаще через обозначения ситуаций проявления такого поведения, то доброта и неконфликтность получают скорее оценку константно присущего человеку свойства (*ангел во плоти; воды не замутит; тише воды, ниже травы; мухи не обидит*);

– скрытность также разделяется на несколько подгрупп, акцентирующих в своей семантике либо саму тайну, либо речевое или неречевое поведение, ведущее к ее неразглашению (*за закрытыми дверями (журн.); серый кардинал; прятать концы в воду; не найти концов; молчать, как рыба; хранить/тайна за/под семью печатями/замками; молчать/нем как рыба; скелет в шкафу; тайны мадридского двора (журн.); замести следы; держать язык за зубами*). С другой стороны, идеограмма разглашения тайны также имеет акценты на факте (известном и напрасно скрываемом) (*секрет Полишинеля; шито/шитый белыми нитками*) либо на ситуации огласки секрета, как правило, вербальной (*раззвонить во все колокола; выносить сор из избы; трубить во все трубы; языком трепать / молоть / бить*);

– сплетничество (*копаться в чужом / грязном белье; вылить ведро помоев; облить грязью; перемывать косточки; попасть/попасться на зубок/язык*);

– внимательность / невнимательность, любопытство (*сверлить взглядом/оком; совать свой нос; делать стойку; держать уши на макушке; ворон считать; ушами хлопать* и др.);

– доверчивость (*попасться на крючок; принимать за чистую монету; клюнуть на приманку; попасться на удочку*)

– упорядоченность поведения: здесь выделяются такие идеограммы, как беспорядок (*ходить на головах; проходной двор; сумасшедший дом; перевернуть вверх дном; кто в лес, кто по дрова; без руля и ветрил* (книжн.); *сам черт ногу сломит* и др.); упорядочивание (*расставить по [своим] местам*); произвольность, немотивированность действий (*наобум Лазаря* (устар.); *рояль в кустах; [взять] с потолка*);

– неуместность поведения. Как таковое может восприниматься и слишком тихое, и слишком громкое, на грани с агрессивным, поведение (*как на базаре; на голове ходить; не от мира сего; лезть на рожон*; и др.). Как неуместные воспринимаются также излишние усилия (*ломиться в открытую дверь; палить из пушки по воробьям*) и действия в неправильном порядке, «наоборот» (*бежать впереди паровоза; ставить телегу вперёд лошади*);

– назойливость (*в каждой бочке затычка; в зубах навязнуть; пристать, как банный лист* и др.);

– занудство (*висеть / стоять над душой; вынуть всю душу/все жилы; капать на мозги; надоесть хуже горькой редьки* и др.);

– упорство, настойчивость (*до последнего вздоха* (высок.); *не жалея / щадя живота своего* (высок.); *стиснуть / сжать зубы; до последней капли крови; лезть из кожи вон; вывернуться наизнанку; прыгнуть выше головы* и др.);

– нерешительность (*ходить вокруг да около; переминаясь с ноги на ногу; стоять на перепутье/распутье; не хватает пороха* и др.);

– смелость / трусость. Каждая из черт характера данной диады имеет свое семантическое расслоение. В *смелости* выделяются позитивное ее проявление – отвага, бесстрашие (*не робкого десятка; драться / сражаться как лев; рыцарь без страха и упрека* (высок.); *сам черт не брат*) и негативное – безрассудство (*морю по колено; лезть / переть на рожон*). Страх, оцениваемый в целом как негативное свойство человека, имеет иное основание для подразделения: во фразеологической номинации находят отражение ситуативное про-

явление страха (*волосы встали дыбом; душа / сердце уходит в пятки; бояться, как черт ладана; отсиживаться в кустах / на печке / в окопах* и др.) и трусость как константная черта (*пуганая ворона; прятать голову [как страус] в песок / под крыло; бояться собственной тени; не хватает пороха* и др.);

– проявление желания / нежелания / равнодушия. В этом семантическом поле нейтральным членом ряда является не «нулевая» идеограмма равнодушия, а семантика заинтересованности, легкого желания. Фразеология с семантикой *желания* отображает как просто подчеркивание интенсивности, применимое и к позитивно, и к негативно оцениваемой ситуации (*глаза загорелись / разгорелись; руки чешутся; [черту / дьяволу] душу продать; медом / хлебом не корми, дай [только]* и др.), так и иронию, в случае, если оно оценивается говорящим как чрезмерное или неправомерное для того, о ком идет речь (*губы раскатать*). Негативно оценивается спонтанность желания (*как / что / чего левая нога пожелает / захочет*) и желание заведомо невыполнимого (*ждать / требовать / просить луну с неба*). Равнодушие, незаинтересованность получают активное фразеологическое воплощение и оцениваются говорящим негативно (*и бровью не вести; и глазом не моргнуть; как с гуся вода; ни жарко ни холодно; плевать с высокой колокольни; рыба кровь; что в лоб что по лбу; ноль внимания и фунт презрения; хоть трава не расти; в ус не дуть; ухом не вести* и др.). Количественно меньше проявлена во фразеологическом материале семантика *нежелания* (*на аркане не затащишь; душа / сердце не лежит; калачом не заманишь; скрепя сердце; рука не поднимается; и др.*);

– проявление неудовольствия (*как бес вселился; выйти из себя; довести до белого каления; как с катушек/резьбы/цепи сорвался; не с той ноги / с левой ноги встать; заводиться с пол-оборота; возжжа/иля под хвост попала* и др.);

– проявление беспокойства, тревоги (*душа/сердце не на месте; кошки скребутся на душе / на сердце; места себе не находить; [чувствовать себя] не в своей тарелке* и др.);

– свобода, освобождение (*свободен, как ветер; вольная птица / свободен как птица; отпустить возжи; развязывать руки* и др.) / угнетение, подчинение, принуждение, отсутствие свободы (*вить веревки; петь с чужого голоса; плясать под чужую дудку; под дулом автомата/пистолета; закрутить гайки; скрутить в бараний рог; прижать к ногтю; держать в ежовых рукавицах; держать в узде; загнать в угол; припереть к стенке; взять за бока/горло/кадык/жабры* и др.).

5. Социально неодобряемые действия⁴⁶

В эту тематическую сферу входят ФЕ, обозначающие различные идеогаммы, связанные с правовой регуляцией общества. Данная область не представлена в диалектной фразеологии, вероятно, в связи с тем, что деревенский тип культуры апеллирует, в первую очередь, к социально-этической, а не юридической регуляции поведения. В общенародном языке выделяются следующие тематические подгруппы фразеологизмов:

– совершение преступлений, ненормативных действий. Единицы данной подгруппы, используя практически одну и ту же пространственную метафору движения вниз, описывают различные аспекты «существования» человека в преступной парадигме. Это может быть выбор человеком преступного образа действий как нормы (*выйти на большую дорогу; пуститься во все тяжкие*), развитие склонности к преступной деятельности (*катиться по скользкому пути; скатиться по скользкой / наклонной дорожке*); втягивание другого человека в преступную сферу (*толкнуть на скользкий путь*);

– очевидность преступной деятельности (*схватить за руку; рыльце в пушку / пуху; руки [по локоть] в крови* и др.);

– виды преступлений: взятка (*барашек в бумажке; брать/дать на/в лапу; борзые щенки* [книжн.]); воровство, кража (*положить в [свой] карман; приделать/приставить ноги; прилипнуть к рукам* и др.); убийство, в том числе

⁴⁶ В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» значительное число единиц относится к жаргонной сфере употребления. В рамках данной работы такие единицы не рассматриваются.

массовое (*отправить к праотцам; отправить на тот свет; обрызгать руки кровью; потопить в крови и др.*).

Частично со сферой преступлений, хоть и имея куда более широкий круг применения, связана тема вины и ответственности, имеющая практически единственный план выражения – через метафору тяжести, груза (*нести свой тяжкий крест; взвалить на себя тяжелый крест; лежать на плечах; держать/вынести на плечах; взвалить / переложить на чьи-л. плечи; сбросить с чьих-л. плеч; снять груз/бремя с чьих-л. плеч и др.*).

К области неодобряемых действий примыкает сфера негативного воздействия на другого человека. Сюда относятся такие действия, как:

– наносить вред. Эта область подразделяется на создание помех в каком-либо действии (*встать на дороге; перейти дорогу; перекрыть кислород/кран; подрезать крылья; вставлять палки в колеса; связать по рукам и ногам и др.*), порчу уже имеющегося (*спутать все карты; испортить всю малину; испортить всю обедню и др.*), ухудшение жизни в целом (*вогнать в гроб; житья не стало; вогнать в могилу; сжигать со свету и др.*);

– выгонять, изгонять, изолировать (*не подпускать и на пушечный выстрел; выставить за дверь; указать на дверь; спустить с лестницы; гнать поганой метлой; не пускать на порог и др.*);

– порицать. Такие действия делятся на следующие группы: упрек (*глаза колоть; тыкать в нос; ткнуть мордой (во что-л.) и др.*), выговор (*намылить голову / холку; накрутить хвоста; задать жару/перцу; склонять по всем падежам;сыпать по первое число и др.*), осуждение (*втаптывать в грязь; смешать с грязью; бросить камень; поедом есть; пригвоздить к позорному столбу и др.*), наказание (*снять голову; сровнять с землёй; прописать изжицу; стереть в пыль / порошок; показать, где раки зимуют; последнюю шкуру / семь шкур спустить и др.*);

– чрезмерный контроль и отсутствие контроля оцениваются во фразеологии равно негативно (*глаз не спускать; взять на карандаш; держать под колпаком и др. – пойти вразнос; отбиться от рук; как с цепи сорваться и др.*).

В противоположность данной сфере выделяется сфера позитивных действий по отношению к другому человеку:

- согласие, единомыслие (*говорить на одном языке; быть в одной лодке / упряжке* и др.)
- активная защита (*стоять горой; в огонь и в воду; стоять стеной* и др.);
- помощь (*протянуть руку, подставить плечо; правая рука; стоять за спиной, поставить на ноги; вытащить из грязи* и др.). Однако помощь может оцениваться и негативно, если она воспринимается как неискренняя либо незаслуженная (*лить воду на чью-л. мельницу; принести на блюдечке с голубой каёмочкой*);
- опека, забота, которая может расцениваться как положительная (*взять под крыло*) и как негативная, чрезмерная (*водить на верёвочке; водить за ручку; утирать сопли*).

Можно отметить некоторые тенденции, присущие данной тематической сфере в диалектной фразеологии. Характеристика скорости работы является комплексной. Как правило, характеризуется присущая человеку скорость действий в целом, куда могут входить и скорость работы, и скорость движения, и, своего рода, скорость общения – бойкость. В данном случае то, насколько быстро или медленно выполняет трудовые или бытовые действия человек, является внешним проявлением общего склада характера (ср. показательные контексты костр. шар. *ни пены ни пузырей* ‘о никчемном человеке’: «Кислый мушник это называется. Это медлительный такой, как не сегодня надо. Не живёт и не умирает, да ни пены ни пузырей. Ничего он, ноль»; костр. шар. *ни пиво ни перелива* ‘ни то ни сё, ни рыба ни мясо’: «Неактивный, небойкий – ни пиво, ни перелива, увалень непряматый такой»; костр. окт. *ни нести ни трясти* ‘о бестолковом, ни к чему не пригодном человеке’ «Недотёпа – это такой человек, который ни нести ни трясти – ничего у него не спросить. Это такой дурак не дурак – недоразвитый»). С другой стороны, чрезмерная скорость и активность оценивается как негативная черта (костр. вохом. *в камне дыру вертит*

‘о слишком активном, безалаберном человеке’ «Если он боек без ума, так говорят – в камне дыру вертит»).

Работоспособность человека естественным образом задействует образы, связанные с руками. Используются образы обобщенных ирреальных ситуаций, в которых скорость работы обозначена через процессы, происходящие с веществом (гниение – как метафора медленной, горение и кипение – высокой скорости) либо нечто иное «занимает место» работы в руках человека (костр. парф. *в руках мухи спят*).

Описание условий жизни человека имеет тенденцию к выражению через сравнительные обороты. В качестве образа для сравнения могут выступать: а) яркая ситуация, иллюстрирующая хорошие или плохие условия жизни (напр. костр. окт. *как канюк на кочке, как кошка у плошки*); б) конкретный представитель условий жизни (костр. шар. *как Савва дорогой*, костр. вох. *как чуреки (жить)*); в) наименование места, представляющего собой определенные жизненные условия (костр. шар. *как за Волгой*, костр. парф. *как в бане*).

Идеограмма «жить дружно» устойчиво обозначается через описание ситуаций, в которых проявляются данные отношения людей (ср. костр. шар. *друг другу «нас**ть» не говаривать*, костр. окт. *из одного стола выходить*, костр. вох. *есть с одной ложки*).

Идеограмма «выйти замуж раньше старшей сестры / жениться раньше старшего брата» тяготеет к использованию пространственных образов. Данные образы можно разделить на три подгруппы: а) пространственно неправильное движение (костр. окт. *против солнышка идти*); б) пересечение границы (костр. вохом., окт. *перепрыгнуть через огород*; костр. вохом. *дорогу перейти*, костр. окт. *дорогу пересечь*; костр. окт. *через девятую жердь перескочить*) и преодоление препятствий (костр. шар. *овин перескочить*; костр. вохом. *прыгать через печку*); в) неверный, чужой локус (костр. шар. *сесть не в свои сани*. См. об этом образе [Березович 2014: 165–173]).

Для описания социальных аномалий широкого спектра, отступлений от социальных норм активно используется образ *соломы*. Мотивировка использования данного образа в разных ФЕ может быть различной (см. [Березович, 2014 285–302]).

Для ФЕ, обозначающих дальнего родственника, используются числовые компоненты, несущие на себе семантическую нагрузку обозначения «дальности» (костр. пыщ. *сѣдьмое колено от нашего плетня*; костр. шар. *девятый кол*; костр. пав. *от девятой сотоны сучок*) (на развитие семантики *семи* и *девяти* «большое количество» → «горизонтальное применение большого количества» – «большое расстояние, удаленность» → «родственная удаленность» указывает Е. В. Шабалина [Шабалина 2011: 44, 55]).

Идеограмма «сброд, бесполезные люди» активно выражается при помощи (квази)антропонимов, называющих своего рода представителей такого социума. Схожая модель использовалась в случае ФЕ, обозначающих неправильно функционирующие объекты (*Домна пришла, Устинья выпарилась*), однако в данном случае основание для образования онима является более комплексным и в меньшей степени соотносимым с реально существующим антропонимом (подробнее об этом см. [Феоктистова 2017]).

Для фразеологической номинации неразлучно ходящих друг с другом людей активно используются образы реально существовавших в данной местности людей (как правило, нищих), ведущих себя подобным образом.

Во фразеологии общенародного языка идеограмма трудолюбия, склонности и способности к физическому труду в образном плане коррелирует с идеограммой физического здоровья и крепости (как, очевидно, необходимых условий для такого труда). В данной группе также используются образы животных (*работать как лошадь / как зверь; упираться рогом*). Другая образная сфера связана с внешним видом, характерными «приметами» интенсивного труда (*не разгибая спины; засучив рукава; не покладая рук*). Для обозначения ленности используются образы элементарных действий (*бить баклуши*), соци-

ально бесполезных действий (*ловить мух / ворон / галок; ковырять в носу; плевать в потолок* и др.), бездействия, отсутствия элементарных действий (*гвоздя не вбить; мышей не ловить; лежать на печи* и др.)

Материальная обеспеченность / необеспеченность выражается через образы «вместилищ» денег – кармана и кошелька (*в карманах пусто; толстый кошелек* и др.). Также используемыми образами являются жильё (*негде голову преклонить; ни кола ни двора; иметь крышу над головой*) и еда. Причем хлеб задает нижнюю планку, обозначает бедность, *масло* же служит для обозначения богатства, что задает фразеологическую триаду: *сидеть на хлебе и воде* (бедность) – *иметь на хлеб с маслом* (достаток) – *как сыр в масле* (богатство)

Семантика, связанная с желанием либо его отсутствием, получает выражение через описание внешних, жестовых проявлений (*глаза загорелись; бровью не повести* и др.). Для обозначения *равнодушия* используется образ сниженной восприимчивости: эмоциональная бесчувственность описывается через бесчувственность телесную (*ни жарко ни холодно; что в лоб что по лбу*). Сходный образ достаточно широко распространен в диалектной фразеологии с семантикой *бесстыдства*: костр. шар. *обрядиться в берёзовую рожу, надеть берестяную рожу*, когда «рожа» бессовестного человека уподобляется бересте – грубому «бесчувственному» материалу» [Березович 2016, 58]⁴⁷.

Ряд идеограмм, таких, как стыд, удивление, имеют преимущественное фразеологическое выражение через описание их кинесического проявления (*потупить / опустить / прятать глаза; в краску вогнать; покраснеть до корней волос; глаза на лоб полезли; лицо вытянулось; открыть / разинуть рот* и др.). Некинематическое описание удивления сопряжено с идеограммой восприятия внезапности (см.), но представляет описание с другой позиции: если жестово-мимический план выражения *удивления* демонстрирует описания с

⁴⁷ Также Е. Л. Березович указывает на существование другой стороны образа, при котором берестяная «рожа» – маска призвана закрыть проявления стыда (напр., покрасневшее лицо) у лжеца [см. Там же].

позиции наблюдателя, то некинестетический связан с ощущениями того, кто, собственно, и испытывает удивление и потрясение.

Неудовольствие имеет несколько особенностей, связанных с планом выражения. Чаще всего образная составляющая представляет собой той или иное предполагаемое метафорическое описание причины, по которым человек выражает свои негативные эмоции (*как бес вселился; не с той ноги встать; с цепи сорваться* и др.). Также образность ФЕ со значением проявления злобы и недовольства имеет ПВ, связанный с механистической образностью (*как с катушек / резьбы сорваться; заводиться с пол-оборота*), что, вероятно, имеет двойную мотивировку: семантическую (собственно, образ работающего механизма) и структурную (расширение до словосочетания и создание развернутого образа на базе переносного значения опорных слов *сорваться* и *заводиться*).

Назойливость (человека или идеи) передается при помощи образов чего-то мелкого, плотно прилегающего к более крупному (*пристать как банный лист; в каждой бочке затычка* и др.).

Упорство и *настойчивость* соотносятся с образами предела жизни (*до последнего вздоха; до последней капли крови*) как высшей границы, до которой может дойти человек в стремлении достичь своей цели, и образом «вывернутости», «перевернутости» для создания идеи преодоления человеком своего обычного состояния (*лезть из кожи вон; прыгнуть выше головы* и др.).

Тематическое поле «ложь, обман» отсылает в образной сфере к ситуации игры (*вести двойную игру; делать хорошую мину при плохой игре; втирать очки*). Также используется образ создания помех ясному восприятию (*вешать лапшу на уши; водить за нос; ловить рыбу в мутной воде; канифолировать/пудрить мозги; смотреть через розовые очки*). Для передачи семантики лжи также в плане выражения активно используются ирреальные ситуации (*торговать воздухом; лить крокодиловы слезы; строить воздушные замки* и др.)

Образность, связанная с идеограммой безнравственного поведения, представляет своего рода маркеры наиболее важных этических полей: религия

как основной этический кодекс (*ничего святого нет; креста нет*), родственные отношения (*мать родную продаст; Иван, не помнящий родства*), уважение умерших (*идти по трупам; пир во время чумы*), этика боевого взаимодействия (*держат камень за пазухой; нож в спину; удар ниже пояса*). Фразеологизмы со значением безнравственного поведения в плане выражения предлагают ситуации грубого нарушения действиями этических правил в данных полях. Также в образности этой тематической группы происходит апелляция к прецедентным ситуациям библейского текста (*продать за тридцать сребренников; продать за чечевичную похлебку*).

В поле враждебного, недоброжелательного отношения активно используются образы животных и насекомых, причем либо опасных для человека, могущих укусить, либо неприятных для него (*любить как собака палку; осинное / змеиное гнездо; банка с пауками*). В том числе используются образы поведения животных (*перегрызть горло*).

Конфликт фразеологически описывается через названия типичного поведения и жестов как физических или физиологических (*брызгать слюной*), так и ритуальных (*бросить перчатку*). Интересным представляется обращение в книжной сфере к «чуждой» традиционной культуре – ритуальному поведению индейцев (*выйти на тропу войны; закурить трубку мира*). Идеограмма корректного поведения конфликтующих получает выражение, в основном, через метафору поединка на оружии (очевидно, как регламентированного, упорядоченного взаимодействия), некорректное же поведение часто обращается к образу движущегося тяжелого объекта (*катить бочку; переть как бык / танк; идти тараном* и др.). При этом если конфликт как таковой чаще описывается через подчеркнуто человеческие действия, то семантически близкая реакция на агрессию находит проявление скорее в «животных» действиях (*показывать зубы / когти*). Значение предельности, максимальности выражается через образ смерти как абсолютного предела (*до последнего вздоха* и др.).

Как и сфера конфликта, «насилие» обращается к нетрадиционной для культуры образности (*разукрасить, как бог черепаху; сделать отбивную*).

Идеограмма разглашения тайны тяготеет к выражению через образы создания громких звуков, создающие метафору распространения информации на большой площади, со значительным охватом (*раззвонить во все колокола; трубить во все трубы*).

Идеограмма сплетничества активно связана с образным планом грязи, помоев, что характеризует эмоциональное отношение к данному процессу. Более нейтральная оценка задействует образы частей тела, относящиеся в восприятии либо к говорящему – и в таком случае эти образы частей тела связаны с речевой деятельностью (*попасться на зубок; чесать языком*), либо к обсуждаемому человеку – и тогда они служат для передачи семантики скрытости, чего-то, расположенного внутри и неочевидного (*перемывать косточки*).

Идеограммы «низкий социальный статус» и «доверчивость» обладают почти единственным образным планом выражения: доверчивость воплощается через образ рыбы, пойманной на рыбалке (*попасться на крючок, клюнуть на приманку*), а низкий социальный статус соотносится с поведением домашнего животного (*ходить на задних лапках; ползать на брюхе и др.*)

Несоответствие норме или статусу вырабатывает в плане выражения образы внешних «маркеров» статуса. Чаще таковыми становятся предметы, связанные с одеждой: головной убор (*не по Сеньке шапка*) либо материал, из которого изготавливается предмет одежды или обуви, различный для людей разной высоты общественного положения (напр. *с кирзовым рылом в хромовый ряд* – материал для изготовления сапог: кирза как более дешевый, тканевый, имитирующий кожу, хром – более дорогой, представляющий собой кожу хорошей выделки [см. об этом: Тихомирова 2009: 261]; *с суконным рылом в каляшный ряд* – представляет собой, вероятно, контаминацию: ср. у В. И. Даля *с посконным рылом в суконный ряд* [Даль, 3: 343], где посконь, материал из конопли, связан с одеждой более бедных людей, нежели сукно).

Идеограмма нанесения вреда имеет несколько образных доминант в зависимости от конкретной семантики. Создание помех в действии коррелирует с образами помех в движении (*встать на дороге; вставлять палки в колёса;*

крылья подрезать и др.). Семантика порчи имеющегося относит к образной сфере, связанной с нарушениями какого-либо ритуала – игры (*спутать все карты*) либо религиозного (*испортить всю обедню*).

Фразеологизмы со значением «выгонять» используют образы, связанные с входным пространством (дверь, порог, лестница) и как правило являются описанием конкретных жестов и действий (*указать на дверь; выставить за порог* и др.).

Согласие / несогласие и понимание / непонимание выражаются через образ общности языка (как первичного условия для понимания) (*говорить на одном языке – говорить на разных языках*), слуха как метонимической замены понимания (*разговор глухонемых*), метафору единого направленного движения (*в одной упряжке – не по пути*).

Выводы по второй главе

В тематической сфере «Пространство» (6 идеограмматических групп, заполняемых диалектной и 3 – общенародной фразеологией; 17 диалектных и 15 общенародных единиц) общим комплексом идеограмм для фразеологии диалекта и общенародного языка является обозначение большого или малого расстояния по вертикальной или горизонтальной оси. Для диалекта, кроме того, оказываются значимыми антропоцентричные качества пространства, его характеристики, значимые с точки зрения прагматики: ровность или неровность, незавершенность направления, разнородность, пространственные особенности одежды и т. п. Также можно отметить своего рода противоположное отношение к топонимам: если в литературном языке они становятся объектом фразеологической номинации, составляя «зашифрованный» план содержания, то в диалекте активно используются в составе плана выражения, представляя собой понятный образный материал.

Идеограммы тематической сферы «Время» (5 идеограмматических групп, заполняемых диалектной и 7 – общенародной фразеологией; 15 диа-

лектных и 32 общенародные единицы), номинируемые фразеологически, оказываются в большинстве своем общими для литературного языка и диалекта. Это идеограммы чрезмерной длительности, темпоральной отдаленности, ирреальности и возраста. В образном же плане диалектные ФЕ в ряде случаев соотносятся с единицами литературного языка: *при царе Горохе – при царе ко-саре / Кесаре; когда рак (на горе) свистнет – когда рак на Акуловой горе свистнет*; а также образный ряд, связанный с кладбищем, во фразеологизмах, обозначающих преклонный возраст.

Ряд идеограмм тематических сфер «Материя: человек» (30 идеограмматических групп, заполняемых диалектной и 27 – общенародной фразеологией; 56 диалектных и 274 общенародные единицы) и «Социум» (60 идеограмматических групп, заполняемых диалектной и 49 – общенародной фразеологией; 153 диалектные и 416 общенародных единиц), являясь в целом едиными для общенародного языка и диалекта, имеют разницу в степени конкретности «привязки». Более общим охватом, абстрагированностью от конкретной ситуации в общенародном языке обладают идеограммы *боли* (если в общенародном языке фразеологизмы представляют собой образные описания проявлений боли вообще, то в диалекте фразеологизмы с «болевым» значением представляют собой номинации разных локализаций боли – в спине, плечах, головной); *сравнения* (в диалектной фразеологии сравнение проявляется в конкретной сфере трудовой деятельности); *количества* (в диалекте фразеологизмы с количественной семантикой имеют тематическую сочетаемость, обозначая большое количество сказанного, большое количество еды и т. п.); *статуса* (при более абстрактных идеограммах «высокий / низкий социальный статус, имеющих во фразеологии общенародного языка, диалект представляет довольно большой перечень фразеологических номинаций различных конкретных социальных статусов, таких, как вдова, внебрачный ребенок, женщина, от которой ушел муж и т. д.). Соответствие подобного рода также наблюдается между идеографической областью «изменения ситуаций» (в диалекте) и «бы-

тие, процессуальность» (в общенародном языке). На основании этого представляется возможным говорить о большей социальной ориентированности диалектной фразеологии, стремлении обозначить понятия и явления, непосредственно важные в социальном взаимодействии. Это же подтверждает и область фразеологических номинаций, обширно представленная в диалекте, но получающая нулевую реализацию в литературном языке: область материальных объектов и природных явлений.

Стремление к конкретности, соотнесенности с определенной ситуацией представляется в целом характерным для носителей диалекта. Такая же привязка к ситуации, стремление быть максимально вовлеченным в нее, как кажется, обуславливает замеченное в ходе полевых опросов достаточно часто встречающееся поведение диалектоносителей, когда они отказываются рассказывать о какой-либо деятельности, мотивируя это тем, что лишь наблюдали ее со стороны и не имеют опыта самостоятельного ее выполнения.

Представляется, что выделяемые тематические поля представляют собой наибольшую актуальность для носителей той или иной формы существования языка. Следовательно, становится возможным говорить о востребованности идеограммы как основании для закрепления в узусе образной неоднословной единицы.

Формируясь исторически параллельно и во взаимодействии, фразеологические системы общенародного языка и диалекта в плане содержания представляют скорее единый комплекс с различной расстановкой акцентов по степени конкретности, ситуативной привязанности – и абстрактности, ситуативной отвлеченности.

Глава 3. Формирование плана выражения фразеологических единиц (на примере диалектных ФЕ)

В предыдущей главе были рассмотрены ситуации плана содержания ФЕ, т. е. те ситуации, которые наиболее активно подвергаются фразеологической номинации; также были выявлены моменты корреляций между определенной семантикой и образностью единиц. Обращение к образной сфере, предпринятое в данной главе, дает представление о наиболее употребительных ситуациях и тематических сферах плана выражения, через которые происходит описание значимых идеограмм, и позволяет предположить ряд путей, по которым идет формирование ФЕ.

В качестве материала используется только диалектная фразеология. Такое ограничение обусловлено особенностями функционирования и фиксации единиц, позволяющими проследить динамичность фразеологической системы как в интралингвистическом разрезе, в виде вариативности единиц, ступеней их перехода от прямого значения к идиоматическому; так и в экстралингвистическом, предполагающем существование языковой реакции на изменения окружающей действительности.

§ 1. Анализ образности ФЕ

Описание образной сферы фразеологии строится на той же модели членения на сферы «Пространство», «Время», «Материя» и «Социум», которая была принята для описания семантики ФЕ. Такое единообразное деление как ПС, так и ПВ обусловлено двуситуативностью фразеологизма, предполагающей, таким образом, возможность одинакового подхода в классификации.

Данный параграф представляет собой своего рода «перевертыш» по отношению к предыдущей главе: рассматривается, в какие семантические сферы «переходят» те или иные группы образов, а также какие образные группы являются наиболее плодотворными для формирования фразеологического ПВ.

Сфера «**Пространство**» в качестве наиболее распространенного образа предлагает членение окружающей территории при помощи топонимов, обладающих значимостью для людей, населяющих ее (44 единицы с онимным или

отонимным компонентом vs. 4 единицы с «природным» образом во ВФ). Среди таких компонентов выделяются: а) названия *местных деревень*, которые функционируют в виде собственно топонимов (*Шпердиха* – б. д. Шарьинского р-на Костромской обл.; *Дулово* – б. д. Буйского р-на Костромской обл. и др.) и в виде оттопонимических прилагательных (*желнинский* < *Желнино* – б. д. Парфеньевского р-на Костромской обл.; *сакиринская* < *Сакирино*, б. д. Октябрьского р-на Костромской обл. и др.); б) названия *близлежащих значимых мест* (Колобаниха – лес в Нерехотском р-не Костромской обл. и др.) в т. ч. названия кладбищ (*Петух* – в Шарьинском р-не Костромской обл., и др.); в) названия *рек* как близлежащих (*Хорошавка* – р. в Вохомском р-не Костромской обл., *Юг* – р., протекающая через Вологодскую и Кировскую обл.; *Ёнтала* – р. в Кичменгско-Городецком р-не Вологодской обл.; *Якшанга* – р. в Поназыревском и Шарьинском р-нах Костромской обл. и др.); г) *известные населенные пункты* – *Москва, Ленинград, Кострома* и некоторые другие; д) названия *областей, регионов*, также в виде собственно топонимов и оттопонимических прилагательных (*Сибирь, Вятка* и др.).

При этом представляется возможным установить определенные корреляции между группами топонимических образов и семантикой ФЕ.

Собственно топонимы, называющие *отдаленные деревни*, используются для передачи идеи *дальности, большого расстояния*: костр. кад. *пойти в Дедюлино* бран. ‘пойти к черту’ «Ругались: “А ну-ко, пойдй в Дедюлино!” Больно далёко посылали» (д. Дедюлино – 80 км севернее пункта записи ФЕ).

Из этой идеи следует и идеограмма ‘*долго отсутствовать*’, т. е. затрачивать продолжительное время на то, чтобы преодолеть это большое расстояние: костр. вохом. *уйти через Дор (да) на Галкино, (на худое Мишонино)* ‘долго где-то ходить’ «Мы тебя в магазин послали, а ты ушла через Дор на Галкино»; «Вот если послали меня, куда послали, а я проходила часов пять, так мне скажут: “Ну, ты чего ходила-то? Через Дор да на Галкино, на худое Мишонино?”» (расстояние между деревнями Дор и Галкино составляет около 40 км); костр. шар. *через Шпердиху ходить* ‘о долгом отсутствии того, кого ждут’ «У нас

деревня была далеко-далеко – Шпердиха. И вот пошлешь кого в магазин – и нет, и нет, и нет. Придёт – спрашиваешь: “Через Шпердиху, что ли, ходил?”».

Учитывается также определенная «маршрутизация» между деревнями, образ нарушения которой может использоваться для обозначения нарушения, **неправильности** в широком смысле: костр. пыщ. *через Дор на Плаксино* ‘делать что-либо неправильно, не в той последовательности’ «В Никольском районе есть пословица “Через Дор на Плаксино”. Это когда человек идёт не туда, куда надо и вообще делает не так, как надо. “Вот, – говорят, – через Дор на Плаксино”. Это сикоси-накоси».

С другой стороны, в ряде случаев названия деревень, выступая в эксплицитной или имплицитной оппозиции отдаленным объектам, несут семантику «*своего*», «родного» и более простого: костр. окт. *не из Кремля, а из Катушёнок* ‘о простом, незнающем человеке’ «Я ведь не из Кремля, а из Катушёнок. Проходи в валенках»; костр. пав. *доброумовский виноград* шутл. ‘о крыжовнике’ «На-ко доброумовского винограда. Костромской виноград ешшо зовём» (имплицитное противопоставление «правильного» южного винограда – и более простых местных ягод, как бы замещающих его).

В случае оттопонимических прилагательных, образованных от названий деревень, речь идет скорее о конкретизации и пояснении, создании образа определенного объекта. Оттопонимические прилагательные, образованные от названий деревень, как правило, сочетаются либо с антропонимом (такие сочетания отнесены нами в сферу «Социум», поскольку представляется, что в данном случае на первое место выходит сравнение с конкретным человеком, а не локальная «привязка»), либо с апеллятивом, называющим конкретный объект (эти единицы рассматриваются здесь, так как пространственная семантика является в них важной, позволяющей определить тот или иной объект и ярко выделить его в ряду прочих подобных).

В случае, когда ФЕ образована путем сложения нарицательного существительного с оттопонимическим прилагательным, основная семантическая нагрузка выражения лежит на существительном, и, как правило, оно может

функционировать в говоре и без адъектонима: костр. вохом. *как крадихинская сосна* ‘о красивой статной девушке’ «Крадихинская сосна – это всем соснам сосна. И раньше говорили про девку, если статная, красивая, дородная: “Ой, девка как крадихинская сосна”. Эта сосна 30 километров отсюда на север, около деревни Крадихино. Стоит на берегу лога, вокруг там ничего нет» (ср. костр. вохом. *как сосна* ‘о сильном, статном человеке’); костр. вохом. *шима ванеевская* ‘неповоротливая, неловкая женщина’ «Говорили, а это которая тихо делает, “Ну, – говорят, – шима ванеевская”. Деревня была Ванеево. А, видно, там была женщина такая, тихонькая. “Ну, – говорят, – как шима ванеевская”. Это я слыхала и говаривала, грешна господу богу. Тихоня, тихо шеперится» (ср. костр. вохом. *шима* ‘о медлительном, нерасторопном человеке’); костр. парф. *егарма Савинская* ‘неряшливая, плохо одетая женщина’ «Егармой савинской неприбранную звали, которая за собой не следит» (ср. костр. парф. *егарма* ‘о неопрятной женщине’); костр. парф. *бирюк григоровский* ‘об обиженном человеке’ «Если человек надулся – ну, бирюк григоровский!» и др.

Однако представляется, что адъектоним здесь выполняет двойную функцию: с одной стороны, он «осваивает» выражение, «вписывает» его в знакомый пейзаж; с другой же – выделяет конкретный референтный объект – наиболее яркого представителя определенных черт (которые становятся семантикой единицы). Подобное выделение объекта наблюдается и во ФЕ костр. с-слав. *есть как селецкий плотник* ‘много есть, иметь хороший аппетит’: «Раньше деревня Сельцо была, так там плотники работали, на них не наготовишься, ели ведь много, а потом и выражение появилось “есть как селецкий плотник”», где существительное не несет собственной экспрессивной нагрузки, прилагательное же отсылает к местной культурной ситуации.

Та же функция освоения наблюдается и в случае дополнения общенародного устойчивого выражения местноизвестным топонимом: костр. вохом. *мельница аксёновская* ‘пустомеля’ «Иди путём-дорогой, мельница аксёновская, не надо тебя. Мели, Емеля – твоя неделя» (ср. *мельница* ‘о хвастуне, болтуне, пустомеле’ [Кузнецов: 532]); костр. парф. *когда рак на Акуловой Горе*

свистнет ‘никогда’ «“Отдай книжку!” – “Отдам, когда рак на Акуловой Горе свистнет”»; «Говорят: “Когда рак на горе свистнет”, – а у нас: “Когда рак на Акуловой Горе свистнет”» (Акулова Гора — возвышенность, 5 км на северо-восток от места фиксации единицы). В последнем контексте видна рефлексия диалектносителя, сравнение общенародной единицы с локальной и подчеркивание использования местного топонима.

Образ *отдаленности* может задаваться также использованием **местнозначимых топонимов**: костр. вохом. *на Якунино* ‘о чем-либо, находящемся очень далеко’ «Я без тебя не уберу что ли? Нечего помогать – мне ровно это на Якунино нести!» (Якунино – лес в окрестностях деревни, где зафиксировано выражение); костр. вохом. *угнать на Филимовские болота косить* ‘проклятие’ «“Да всех бы вас угнать на Филимовские болота косить!” – это когда разругаются, кричат».

Необходимость *эвфемизации* вызывает использование еще одного вида локальных онимов – названия кладбищ. ФЕ с такой семантикой строятся по модели «уходить / собираться / отправиться / пора + указание локуса» ‘умирать / быть близким к смерти’. Такая модель (однако с указанием не места, а цели) встречается и в литературном языке⁴⁸, однако в говорах она получает конкретную географическую привязку, где локус является обозначением местного кладбища. Е. Л. Березович указывает на данный тип модели как специфичный для говоров [см. Березович 2012: 38]. Может использоваться как собственно название кладбища (костр. шар. *пора на Каравай* ‘о близости смерти; о старом человеке’ «Говорят: “Старый совсем стал, пора на Каравай уж”», где Каравай – неофициальное название местного кладбища), так и «смежные» объекты – река, рядом/за которой оно расположено (костр. окт. *одна нога за Ефремовку* ‘о близости смерти’ «Одна нога за Ефремовку – ко кладбищу, уж, значит, близко»; костр. вохом. *отправиться на Хорошавку* ‘умереть’ «У нас есть выражение “отправиться на Хорошавку”. Это значит на кладбище»; костр. вохом.

⁴⁸ Напр., *уйти в мир иной, отправиться к праотцам, отправиться в царствие небесное* [Вальтер и др., 2015: 147]

уехать за Шевелиху ‘умереть’ «Шевели’ха в Макарятах, в Вочь впадает ниже Кортюга. Помереть – значит, уехать за Шевелиху, говорят»), или объект, бывший на том же месте или неподалеку (*собираться в Ермолиху* шутил. ‘быть близким к смерти, «собираться» на местное кладбище Ермолиха (на месте бывшей деревни Ермолиха)’ «О, он уже в Ермолиху собирается»); костр. шар. *на Петух пора* ‘о глубокой старости’ «Там кладбище было рядом, вот и говорят: “Тебе уже на Петух пора!”»; «Мельница Петух была, там же кладбище было. Говорят: пора на Петух – умирать пора»)⁴⁹.

Реки могут задавать *границы пространства*. С одной стороны, при помощи *рек* могут описываться описывая его (пространства) пределы: костр. пав. *объехать Юг и Ёмтал*⁵⁰ ‘о том, кто везде побывал’ «Я объехал Юг и Ёмтал – круг свету белого всё объехал». Представляется возможным отнести выражение *объехать Юг и Ёмтал* к межъязыковой модели, представленной в русских говорах также в новг. *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* и существующей, кроме того, в польских диалектах (*uobjechał Kraków i Maków* ‘везде побывать’ – пример А. Тырпа [см. Турра 2019: 249]). Однако если, по мнению В. Л. Васильева [Васильев, 2008], Руса и Ладога (и более поздний, по мнению исследователя, вариант Москва и Ладога) являются обозначениями крупных единиц территориального деления, то в случае Юга и Ёнтала речь идет о менее обширной площади – бассейнах рек.

С другой стороны, река может делить пространство. Так *Волга*, воспринимаемая как главная река региона (см. об этом ниже), в шарьинских говорах задает противопоставление «своего» как более бедного – и заволжского как богатого: костр. шар. *как за Волгой* ‘о богатой, сытной жизни’ «На сплав ходили за Волгу, к чебоксарцам. Там жисть богатая была. Привезут оттуда связки баранков, яблоки. Ну, скажут, жизнь у нас стала, как за Волгой, – это если побогаче заживут. Себя с Волгой сравнивали, с той-то жизнью»; костр.

⁴⁹ Отметим, что такая модель является довольно распространенной для говоров. Ср. новг. *на Петропавловку пора* ‘о близости к смерти’ (Петропавловка – название местного кладбища) [Сергеева: 192]

⁵⁰ Т. е. р. Ёнтала.

шар. *как с Волги* ‘о вкусном белом хлебе’ «Какой вкусный хлеб – как с Волги! Раньше со сплавом ходили на Волгу дак, приносили хлеб-от»; «На сплав ходили, баранков с Волги приносили. И ныне скажут: “Как с Волги, хороший хлеб”»; ‘о человеке, идущем с ношей, грузом; о богатом человеке’ «“Ой, идёт, как с Волги”, – человек нагрузился если. Потому что с Волги матки ходили гружёные да с Волги с деньгами приезжали всегда»; «Как с Волги приехал, столько подарков понавёз».

Несколько особняком стоит р. *Якшанга*: костр. шар. *у тебя брат на Якшанге* ‘о бестолковом человеке’ «У тебя брат на Якшанге – это ты не в себе», *у тебя нет брата на Якшанге?* ‘шутливый вопрос, обозначающий, что адресат бестолков, ненормален, поступает предосудительно’ «У тебя нет брата на Якшанге? – ну, это кто-нибудь не во всём». Образ пространственной отдаленности, заданный ею, переносится в ментальную сферу и, вероятно, может быть рассмотрено как образная схема «родственник в дальнем отъезде» для обозначения умственных отклонений (ср.: арх. *бабушка на фронте, дедушка в тылу* ‘об умственно неполноценном человеке’ [АОС, 10: 415] и простореч. *не все дома*). При этом все гидронимы, используемые в качестве образов костромской фразеологии, принадлежат рекам, протекающим в существенной отдаленности от населенных пунктов, где были записаны ФЕ (аналогичный момент «чуждости» территории, образ которой создает границы, в новг. *обойти (пройти) всю Русу и Ладогу* отмечается В. Л. Васильевым [Васильев 2008: 99]).

Города также создают образ пространственной *удаленности*, которая может выступать в прямом виде (костр. пав. *а теперь ограда до Петрограда* ‘об отсутствии выделенных границ между деревнями’ «В каждой деревне были ворота, а теперь ограда до Петрограда»), в гиперболизированном – во ФЕ со значением слабозаваренного чая (иногда прозрачности в более широком отношении), где образы «видимых» крупных городов являются как бы следствием действий человека, а также задают некий пространственный предел видимости [см. Березович, Осипова 2014: 222]: костр. буй, вохом., пав., с-гал.,

шар. *Москву видать* ‘о плохо заваренном чае’ «Если худо заваришь, так и говорят: “У, какой чай заварила, Москву видать!”»; костр. кад. *Кострому видать* ‘о слабо заваренном чае’ «Чего за чай себе налила – Кострому видать»; костр. вохом. *Москва из чайника видна* ‘о плохо заваренном чае’ «Долей ещё заварки, а то вон у тебя Москва из чайника видна!»; костр. с-слав. *Москву видать* ‘о тонко отрезанном куске хлеба’ «От хлеба отрезали – а он тоненький, прямо просвечивает, скажут: “Ой, что отрезала – Москву видать!”» и др.⁵¹

Идея дальности расположения города создает представление об отсутствии человека (поехавшего туда), которое, в свою очередь, модифицируется в сторону конкретизации и дает способ эвфемизации для значения ‘родить’ (т. е. отсутствовать долгое время по причине родов): костр. кад. *в Москву / Кострому съездить* ‘родить’ «В Москву съездила – родила, а кто скажет – в Кострому съездила». Здесь *Москва* и *Кострома* выступают как варианты и функционируют как контекстные партнеры на образном уровне. Вероятно, основанием для такого параллелизма служит «центральность» обоих городов: Москвы – на уровне России в целом, Костромы – на региональном уровне⁵².

Схожая семантика проявляется и в случае костр. шар. (*съездить*) *в Сочи на две ночи* ‘об аборте’ «У меня три дочери, один сын и в Сочи на две ночи. Свекровушке не надо было больше, и так уж было четверо у меня»; «На аборт, которая пошла – ну, съездила в Сочи на две ночи». Эффект шутки, проявленный здесь более явно, чем в предыдущих единицах, создается за счет рифмы, которая, как и в случае *а теперь ограда до Петрограда*, вероятно, обуславливает выбор города и способствует закреплению выражения в узусе.

⁵¹ Ср. арх. лен. *видно Москва и Ленинград* ‘о слабо заваренном чае’ «Ой, чё чай-то у тебя – видно Москва и Ленинград»; влг. кад. *вологодское видать* 1. ‘о тонком куске хлеба’; 2. ‘о жидком чае’ «У нас маленький кусок отрежешь – так “вологодское видать”»; «Ой, налил чай – вологодское видать».

⁵² Такое же «соседство» этих двух городов наблюдается в единице костр. вохом. *шире до Москвы, дале до Костромы* ‘о быстро распространяющейся сплетне’ «Я ещё не подумала, а уж разнеслось шире до Москвы, дале до Костромы», где они задают пространственные границы.

Эту семантику эвфемизации может передавать и использование отдаленного региона: влг. кад. *до Сибири съездить* ‘родить’ «До Сибири съездила, девчонку привезла, скажут», однако здесь ярче проявляется момент, наблюдаемый в контекстах ФЕ, использующих образ *Волги*: пространство другого региона (Сибири или Заволжья) воспринимается как то, откуда что-то привозят, приезжают с гостинцами в прямом или переносном смысле.

Та же основа – образ отдаленного расположения – вероятно, становится основой для выражения костр. пав. *Москву видать* ‘приговор, который говорится в том случае, когда человек съест что-н. кислое и сморщится, сощурился’ «Ну, проглотил – аж Москву видать», – где обыгрывается внешний вид человека, прищурившегося, чтобы разглядеть что-то, расположенное далеко.

Кроме Москвы как столичного города, а также регионального центра Костромы, в поле образности ФЕ попадают и другие города, несущие «шлейф» общекультурной информации.

Происхождение выражения костр. шар. *ведьма киевская* бран. ‘о женщине’ получает двоякую трактовку диалектоносителей: с одной стороны, возможно притяжение прилагательного к местному топониму («Ведьма киевская, мы в детстве ругаемся с девчонками, это обзывали. А киевская – у нас есть местность Киевская, на той стороне Ветлуги» (Киевская Старица, лес на правом берегу р. Ветлуга, недалеко от места записи ФЕ)); с другой – оно может связываться все же с известным городом («Ну, ругаются: “Ведьмы вы киевские!” Видно, город Киев это»). Это устойчивое сочетание имеет более широкое географическое распространение, встречаясь в псковских [см. СПиП: 20] и, вероятно, ивановских⁵³ [см. Кочнев 1946: 67] говорах, художественной литературе⁵⁴, а также фиксируясь в заговорных текстах [см. Блок; Сахаров 1841: 73]. Представляется, что связь выражения со столицей современной Украины все же первична, стремление же объяснить его при помощи местного топонима обусловлено, как и в случае включения локальных единиц в общенародный фразеологизм, стремлением создать понятный и объяснимый микромир, освоить – и присвоить – фрагменты «большого» языка и мира.

Своего рода антитезу по сакральности *киевской ведьме* представляет фразеологизм костр. шар. (как) *пара казанская* ‘о неразлучных людях’. Наличие в контекстах сравнения («Как пара казанская, всё время вместе ходят») и

⁵³ В данном случае мы опираемся на художественный текст, апеллирующий к диалектной речи, – сказы ивановских красильщиков М. Х. Кочнева.

⁵⁴ Напр., у М. Н. Загоскина [см. Загоскин, 1993: 127] и А. М. Ремизова [см. Ремизов, 1996: 129].

объяснения значения через образ мужа и жены, т. е. «разногендерный» образ («Оне ведь пара казанская, вместе всё ходят. Как муж с женой, как подруги») позволяет предположить происхождение ФЕ от устойчивого наименования пары венчальных образов – Казанская икона Божией Матери и Иисус Вседержитель. Эти иконы после обряда должны были стоять в доме рядом; кроме того, они могли быть сделаны в виде ставня, и, таким образом, составлять единый объект, что, как кажется, и могло послужить основой для возникновения выражения.

Семантика нелепости, неправильности возникает в случае диалектного «переосмысления» общенародного выражения *баба рязанская*, задействующего отсылку к **региону**: костр. парф. *баба рязанская* ‘о женщине, одетой в пышную, широкую одежду; о нелепо одетой женщине’ «Нарядилась как баба рязанская, идёт, юбка до пола, пальто, кофта, чего-чего не наденет»; «Чепан надела, как баба рязанская нарядилась, широкая (т. е. толстая). Наверное, так бабы рязанские наряжались, видно не больно надевались»; «Идёт какая-нибудь не в своей одежде или нарядилась как-то странно, так как рязанская баба нарядилась»; костр. пав. *рязанская баба* ‘о грубой, чересчур бойкой женщине’ «Матюшница она, рязанская баба, бойка»; костр. с-гал. *как рязанская баба* ‘о толстой женщине’ «Баба здоровая, толстая, как рязанская баба»⁵⁵. Представляется, что здесь, как в случае выражений, изначально обозначающих конкретного человека (типа *Анисья климовская* в сфере «Социум») происходит семантический сдвиг от сферы интеллекта (как первопричины) в сторону конкретных, видимых проявлений аномальности: ‘неловкая, глупая’ > ‘нелепо одевающаяся’ > ‘толстая’.

Также фиксируется единичный случай использования сравнительного оборота с **библейским топонимом** – костр. буй *как Содома* ‘о шумящих детях’. Как отмечают Е. Л. Березович и И. В. Родионова, относительно данного топонима «основными для говоров являются более внешние (по отношению к

⁵⁵ Ср.: *баба рязанская* ‘о неловкой, рассеянной, глупой женщине’ [Мокиенко, Никитина 2007].

духовному миру человека) мотивы беспорядка, суматохи и брани, ссоры» [Березович, Родионова 1996: 28], что еще раз доказывается данной ФЕ.

Кроме того, отмечаются случаи образования **квазитопонимов**. Так ФЕ костр. пыщ. *как петух кокотинский* ‘о плачущем ребенке’⁵⁶ образована по устойчивой модели и поддерживается существованием единиц костр. парф. *как желнинский телёнок* ‘о кричащем человеке’, костр. шар. *варево буновское* ‘пустой суп’ «Варево буновское – пустой суп, дак что из Бунихи»; и шире – в единицах с антропонимическим компонентом – костр. вохом. *как Павла годовская* ‘про человека, который кричит, ругается’. Однако в данном случае наблюдается «нулевой» референтный топоним, поскольку объекты с названием **Кокотово*/**Кокотино* и т. п. на данной территории отсутствуют. Можно предположить, что квазитопоним здесь выполняет усилительную функцию опорного существительного *петух*, будучи образован от звукоподражания, присущего данной птице (следует отметить также, что слово *коко-тан* ‘петух’ отмечается в условном языке жгонов [см.: Жгонский язык костромичей 2010]).

Другой случай квазитопонима связан с аттракцией *Питер/пить*, отмечаемой Ю. А. Кривошаповой [см. Кривошапова 2012: 108] и Е. Л. Березович [Березович 2007: 179]: костр. окт. *ни питера, ни идера, ни сладкого кушанья* ‘ничего’ «Ни питера, ни идера, ни сладкого кушанья, ничего у нас не было». Вероятно, данную аттракцию (если вообще в данном случае можно говорить о семантической аттракции, а не совпадении результата словообразования с топонимом, поскольку контексты, подтверждающие восприятие диалектоносителями *питера* в данном случае как имени города, не зафиксированы) следует признать относительно поздней, поскольку *питера* ‘питье’ фиксируется в заговорных и былинных текстах: «Подьте же вы, тишины, уроки, призоры, злые

⁵⁶ Также сравнительный оборот *будто петух кокотинский*, однако со значением ‘о рыжем человеке’ фиксируется в романе кировского писателя В. Ситникова «Свадебный круг»: «Слышь-ко, Станиславович, не сердися токо, расскажу, какую я песню про моего кума Целоусова пел, покуда в парнях бегали, — оттащив от инженера сеттера Валета, говорил Помазкин. — *Рыжой* он был, *будто петух кокотинский*, чисто огонь» [Свадебный круг].

корци и переполохи, всякія скорби, болѣзни, на темные лѣса, на зеленую дуброву – тамъ питера и идера мягки постели, у меня, раба Божьева, младенца Федора, нѣтъ ни питера, ни идера, ни мягки постели» (Грязовецкий уезд, Вологодская губерния) [Попов: 225]; «Мал чяс поизоидучи, приехали ис поля добрые молодцы его удалые, привезли питеры и едеры всякие. Проговорит Иван Годиновичъ: «Не надобет мне ни питера ваша, ни ества сахарная» [Иван Годинович: 196].

Наблюдается также и семантический распад топонимов, входящих в состав общенародных ФЕ. Так, например, в выражении костр. пав. *коломенная верста* ‘об очень высоком человеке’ «Дылда если, очень высокий человек, “коломенная верста” говорили, или “длинный, как жердь”» диалектоносителем не ощущается связь с с. Коломенское, чьи верстовые столбы стали образом для возникновения устойчивого сравнения [см. Ушаков 1935: 254].

Таким образом, основной семантикой топонимического компонента в составе ФЕ является передача пространственных отношений. В данной сфере в качестве «ядерной» области фигурирует значение *далекого*.

Также важным аспектом становится деление пространства на «свое» и «чужое». При этом далекое несет положительно окрашенные коннотации, близкое же, соседнее, имеет скорее негативно-смеховую оценку и воспринимается как неправильное, странное, нелепое.

Местнозначимые топонимы несут функцию «освоения» объектов как материального мира, так и языковых, придавая им чувство известности, вписывая их в знакомый микромир диалектоносителя.

Пространственная семантика может трансформироваться в область времени (ФЕ со значением долгого отсутствия) и ментальную сферу.

Можно выделить несколько моделей ФЕ с использованием топонимов: а) глагол со значением перемещения / намерения перемещения + топоним, обозначающий кладбище ‘умереть’; ‘быть близким к смерти’; б) название крупного города, значимого в данной местности + видать/видно ‘о жидком чае или пустом супе’.

Некоторые из ФЕ представляется возможным связать с довольно старыми заговорными текстами и, таким образом, предположить их солидный «возраст» существования в языке и диалектном узусе.

Анализ образного плана ФЕ выявляет характерное для культуры деление пространства на «свое»-социальное, очеловеченное – и «чужое»-природное. Выражения костр. шар. *как в лесу расти* ‘о малообразованном, темном человеке’; костр. пав. *у пенька родился пеньку крестился* ‘о человеке, родившемся и выросшем в деревне’ передают идею необразованности, непросвещенности через образ прохождения социальных по сути процессов в «неправильном», «диком» природном пространстве, что и является причиной слабой культурной развитости человека. Подобный образ, как представляется, лежит и в основе фразеологизма костр. вохом., шар. *не дойти о людей* ‘быть ненормальным, неактивным, глупым, хуже других’, где идея интеллектуальной и поведенческой полноценности передается через образ пространственного приближения к «человеческой» сфере. Также представление о проиродном пространстве как враждебном для человека сохраняется и проявляется в единицах с образом «поглощающего» естественного пространства (костр. окт. *провалиться в камский мох* ‘пропасть, исчезнуть’: «Ну, провалился в камский мох, не найдёшь его», костр. вохом. *как в воду повалиться* ‘упасть навзничь’).

В образной сфере «**Время**» наиболее активно используются дни недели. Во фразеологической образности (как, впрочем, и в идеосфере) практически не находит воплощения цикличность времени [см. Яковлева 1994: 97–101], однако проявляется его жесткая однонаправленность, заданная последовательность отрезков. Это свойство служит базой для возникновения ФЕ с общим значением неправильности: внешнего вида (костр. окт., пав. *суббота дольше воскресенья*, костр. шар. *семь пятниц* ‘о неряшливо одетом человеке, у которого одна одежда торчит из-под другой’); качества речи (костр. шар. *четвергов с неделю* (*наговорить, намолоть*) ‘много наговорить’, обычно с оттенком «наговорить много и не всегда правильно»); социального статуса (костр. с-гал. *муж в Петров день об лёд убился* ‘об отсутствии законного отца ребёнка).

Членение времени на отрезки позволяет ему также фигурировать в образной сфере в качестве меры – времени (костр. с-гал. *жить осталось два понедельника* ‘о близкой смерти’); объема дел (костр. вохом. *работы до субботы* ‘о большом количестве дел, хлопот’).

Сферы «Социум» и «Материя» предлагают наибольшее количество исходных образов.

Образная сфера «Социум» позволяет выделить следующие ситуации, используемые в плане выражения ФЕ:

– псевдоисторические события, обозначающие идеограмму «давно» (костр. кад. *когда грибы воевали* ‘очень давно’; костр. вохом., пыщ., с-гал., шар. *при царе косаре*, костр. вохом. *при царе Кесаре* ‘очень давно’);

– ритуальные действия (костр. окт. *дочку взамуж выдать* ‘развести молоко содой’; костр. шар. *как покойника целуешь* ‘об остывшем чае’; костр. вохом. *до положения рук* ‘до положения риз (о пьянстве)’);

– этикетные моменты (костр. шар. *отругать как на помощь вызвать* ‘о том, для кого ничего не стоит ругаться, браниться’⁵⁷; костр. окт. *из одного стола выходить* ‘жить дружно, коллективом’);

– игры (костр. парф. *дать очко* ‘переиграть, сделать что-л. лучше кого-л.’; костр. шар. *тебе ещё в буксирку играть* ‘насмешливый упрёк тому, кто ведет себя как маленький мальчик’ (*буксирка* – название детской игры));

– ситуации, связанные с бытовым трудом (костр. шар. *через сноп (из)молотить* ‘выходить замуж / жениться раньше, чем старшая сестра или старший брат’; костр. шар. *пива с ним (ней) не сварить* ‘каши с ней (ним) не сварить’);

– образы этнических «инородцев» связаны, как правило, с идеей испорченности (костр. вохом. *татарская дорога* ‘глухая, никуда не ведущая дорога; дорога без «конечного пункта»’; костр. вохом. *как татар казнить* ‘о тупом

⁵⁷ Представляется возможным предположить, что в данном случае основой для образа становится этикетно-поведенческий момент коллективной помощи кому-л. с каким-л. трудным делом (напр., постройка дома), обозначаемый при помощи выражения *звать на помощь*.

ноже’; костр. вохом. *цыган с вичиком был*, костр. окт. *цыган исхлестал* ‘о хлебе с трещинами на корке’);

– известные в данном микросоциуме личности фигурируют как основа для сравнения с ними других людей, и могут использоваться в образной сфере ФЕ со значением неловкости (костр. парф. *как у Куленеты*⁵⁸ ‘о человеке, уронившем что-либо’; костр. вохом. *как Глашка Гурихина* ‘о неловкой женщине, плохой хозяйке’; костр. шар. *как Вера Ломота* идти ‘идти неровным шагом’); умственных отклонений (костр. вохом. *как Федя Парюгской* ‘о сумасшедшем человеке’; костр. вохом. *как Дуня Касимовская* ‘о ненормальном человеке’); бедности (костр. шар. *жить как Савва дорогой* ‘жить плохо, терпя лишения’; (костр. окт. *как Евлога с котомкой*. ‘просить милостыню’; одинокой жизни как в пространственном (костр. вохом. *как Саня Пеномская* ‘о женщине, живущей вдали от других людей’), так и в социальном аспектах (костр. окт. *как Соня Берегочка* ‘о женщине, которая долго не выходит замуж’; костр. вохом. *как Аля Парюгская* ‘о женщине, которая долго не выходит замуж’); неопрятности внешнего вида (костр. вохом. *как Перша Ипатьевский / как Перша* ‘о неопрятном, неухоженном человеке’; костр. окт. *нарядиться как Евлога* ‘о неопрятном человеке’; костр. окт. *Павлиная Годовская / Павлинья Годовская(я)* ‘о неряшливой, неопрятной женщине’; костр. парф. *Егарма Савинская* ‘неряшливая, плохо одетая женщина’); нелепости внешнего вида (костр. вохом. *как Дуня Касимовская* ‘о нелепо одетом человеке (женщине)’); агрессивности ((костр. вохом. *как Павла Годовская* ‘про человека, который кричит, ругается’; костр. парф. *разблажиться как Сидорка Тяпнинский* ‘о вспыльчивом по характеру человеке’); капризности (костр. окт. *как Андронко Зануда* ‘о капризном человеке’); неразлучности (костр. пыщ., шар. *как Ваня с Катей* и др.).

⁵⁸ Причисление устойчиво используемого антропонима к разряду ФЕ является довольно спорным вопросом. Оговаривая отнесенность таких единиц к фразеологической периферии, представляется все же возможным рассматривать их как фразеологизмы. На такой позиции настаивает, в частности, В. Хлебда, указывая на параметры устойчивости, воспроизводимости и многокомпонентности (а в рассматриваемых случаях – и идиоматичности) [Хлебда 2018].

Такие единицы, как правило, представляют собой сравнение с известным в данной местности «дурачком» как ярким представителем той или иной черты, по которой и происходит сравнение. Как отмечают Ю. А. Кривошапова и Л. А. Феоктистова, такие черты группируются в 4 основных группы: внешний вид, интеллектуальные способности, двигательная активность, поведение в социуме [см. Кривошапова, Феоктистова 2018: 33]. Представляется, что именно интеллектуальные способности/психическая ненормальность являются базовой характеристикой референтной личности, а внешний вид, поведение и пр. являются ее внешними проявлениями, находящими отражение в семантике ФЕ. «Основная же функция адъектонима в составе фразеологического оборота – соотнесение определяемого предмета (в данном случае – носителя имени) с географическим объектом (местом жительства)» [Там же: 36] – и, таким образом, точная идентификация для диалектоносителей нужной личности в ряду других, носящих то же имя⁵⁹.

При этом наблюдается тенденция к «освоению», вписыванию общенародных образов в местнозначимый контекст. См., напр., стремление соотнести антропоним с местным жителем в пояснениях информанта: костр. вохом. *как у Маланьи на свадьбе / как Маланьина свадьба / как на Маланьину свадьбу* ‘об излишне богатом столе, обильном угощении’: «Много наносят на стол, как, говорят, на маланьину свадьбу. Была тут Маланья, вот и прозвали. Я даже её немножко помню». Модель сравнения с местным жителем, называемым по имени и топонимической отнесенности порождает вид ФЕ, в которых такую топонимическую отнесенность получает образная номинация человека, не обязательно соотносимая с конкретной личностью, но получающая таким образом квази-персонификацию: место собственно антропонима занимает экспрессивная апеллятивная номинация, оттопонимический же компонент служит для конкретизации, «освоения» ФЕ, вписывания ее в знакомый экстралингвистический контекст. В контексте на отсутствие привязки единицы к

⁵⁹ Ту же функцию выполняет и прозвище, употребляемое нераздельно с именем.

конкретному лицу указывают маркеры неопределенности, неуверенности говорящего (костр. вохом. *шима ванеевская* ‘медлительная, нерасторопная женщина’ ‘Говорили, а это которая тихо делает, ну говорят – шима ванеевская. Деревня была Ванеево. А **видно**, там была женщина такая, тихонькая. Ну, говорят, как шима ванеевская») либо отсутствие пояснений о связи с известным человеком (костр. окт. *как вьюга сакиринская* ‘об энергичной женщине’ «Ой, какая бойкая баба, как вьюга сакиринская»). Другим выражением стремления к использованию человеческих, социальных образов является группа ФЕ, задействующих квази-антропонимы (термин Л. А. Феоктистовой, [см.: Феоктистова 2017] (*шоша и матоша* и пр.). Единицы с таким планом выражения, как правило, связаны с планом содержания «сброд, никчемные люди» и «беспомощные, нетрудоспособные люди».

С некоторой оговоркой представляется возможным выделение подгруппы ФЕ, план выражения которых объединен общим принципом «не-люди, ведущие себя как люди». Оговорка касается того момента, что действия, выполняемые «персонажами» ФЕ, не являются в строгом смысле социальными, однако присущи в большей степени все же людям. Субъектами действий в таких выражениях выступают животные (костр. окт. *зайцы печи / печку топят*, пав. *зайцы печки топят*, костр. вохом., парф. *зайцы пиво варят*, костр. окт. *зайцы табак курят* ‘о тумане’); покойники (костр. с-гал. *покойники лапты сушат*; костр. пав. *покойники сушатся на солнце* ‘о дожде при солнце’); псевдоличности (костр. кад. *Домна зашла* ‘о дыме, угаре в каком-либо помещении’, костр. пав. *Устинья выпарилась* ‘о холодной выставившей бане’, костр. шар. *сухой ночевал / набздел* ‘о плохо протопленной печи’); сущности, относящиеся к религиозной сфере (костр. шар. *ангел в лапотках прокатился* ‘присказка, которая говорится тогда, когда кто-л. выпил спиртного’, костр. пав. *чёрт сел* ‘о боли в плечах’; костр. окт. *боженька ночевал* ‘о хлебе с отошедшей коркой’).

Образность данной группы чаще всего задействуется при создании новых ФЕ. Использоваться могут как традиционные образы для описания новых

явлений (костр. окт. *красный сват* 'агитатор' «Однажды красные сваты пришли к нам, они сказали моему отцу: «Вот что, Худяков, вступай в колхоз, иначе тебе не устоять, раскулачат!», «Красные сваты всё ходили в колхоз звали. Теперь вот за «Единую Россию»), так и образы реалий, не присущих традиционной культуре (костр. шар. *советская власть* 'асфальтированная дорога'; костр. пав. *красноармейцы приехали, красные приехали*; костр. окт. *красноармейцы пришли* 'о менструациях').

Образная сфера «**Материя**» использует преимущественно образы бытового, связанного с человеком, не-природного пространства. Среди наиболее частых образов можно выделить следующие:

– еда: хлеб и тесто (костр. шар. *квашня неуквашенная* 'о неловком человеке'), пиво (костр. шар. *ни пиво ни перелива* 'ни то ни се, ни рыба ни мясо'); общие характеристики еды (костр. вохом. *смешать в кучу кислое и пресное* 'смешать всё без разбору', костр. окт. *солёного и горького, и холодного хватило* 'много пережить') используются для передачи семантики всеохватности, совокупной разнородности;

– хозяйственные постройки (костр. шар. *три хлева да баню* 'о большом количестве чего-либо', костр. окт. *как на мельнице шумит* 'о боли в голове, шуме в ушах', костр. вохом., пав. *ни к овину, ни ко двору* 'ни к селу, ни к городу', костр. шар. *овин перескочить* 'выйти замуж раньше старшей сестры', костр. окт. *неопелёженный овин* 'растрепанный человек');

– одежда, обувь. В данной образной сфере наиболее активно представлены *шапка* и *лапоть*, по наблюдению А. В. Тихомировой, являющиеся эталонными и аккумулирующие спектр мотивов, связанных в языке с другими элементами костюма [см. Тихомирова 2013, 324]. *Лапоть* и другие образы обуви активно развивают семантику семейных связей, отношений. Можно предположить, что базой для такого процесса служит известная поговорка *жена не лапоть, с ноги не сбросишь*, приводящая на образном уровне к возникновению таких единиц, как костр. пав. *жить как бахар с лаптем* 'о дружных муже с женой' и костр. окт. *тапки беспятые* 'о женщинах, изменяющих мужьям'

(здесь *тапки* противопоставлены *лаптям* на основании непрочной закреплённости на ноге). Как отмечает А. В. Тихомирова, «признак парности может актуализироваться даже в тех случаях, когда используются наименования различных видов обуви — важной становится идея единства разных людей» [Тихомирова 2013, 50]. Однако контекст данного выражения («Мы с маткой тоже жили неуписанные — как бахар с лаптем»), как кажется, может иметь и иное прочтение, с акцентом как раз на «непарности», не-составлении объектами привычной, нормативной (в данном случае — официально зарегистрированной, «узаконенной») пары. Другое свойство лаптей — парность — также служит обоснованием для развития семантики парности: костр. шар. *сойтись как два лаптя* ‘хорошо друг другу подойти (о паре)’, костр. шар. *как два лаптя связанных* ‘о неразлучных друзьях’ (ср. аналогичный образ в общенар. *два сапога пара*). Ещё одной тематической линией, использующей *лапоть* в плане выражения, становится идеограмма «сплетни, слухи» (костр. вохом. *и в Москве в лапоть звонят* ‘о ком-, чем-л. широко известном’, костр. шар. *ошемётки*⁶⁰ *не брякают* ‘о чем-то, о чем не говорится’).

— ремесла и трудовые процессы представлены в образной сфере ФЕ достаточно широко: обработка земли (костр. пав. *пахать как на сером быке* ‘эксплуатировать, заставлять работать кого-л.’, костр. пав. *соха и борона* ‘всякая всячина’), сбор урожая (костр. вохом. *ни в сноп ни в горсть* ‘о человеке, у которого ничего не получается’), косьба (костр. парф., шар. *хоть косою коси*, костр. вохом. *ни косы ни бороны* ‘о пришедшем в упадок хозяйстве’), рыболовство (костр. вохом. *дрожать как езовый*⁶¹ *кол* ‘о сильной дрожи’, костр. окт. *рыбу заловить носом* ‘клевать носом’), битье печей (костр. вохом. *крепкий как молотками избит* ‘о здоровом, крепком человеке’), ткачество (костр. вохом., пав. *во все бёрда переткать*, костр. шар. *во все бёрда втыкать*, костр. парф. *во все бёрда тыкать* ‘езде побывать, работать на всех работах’, костр.

⁶⁰ Старые лапти.

⁶¹ Ез — вид рыбной ловушки.

вохом., окт. *браники*⁶² *брать* ‘делать что-л. очень медленно’), шитье (костр. окт. *не пришей шубе рукав* ‘о неумелом человеке’).

– жесты и действия (костр. вохом. *через палец не перевернёшь* ‘грубом, домотканом полотне’, костр. окт. *как руки вымыть* ‘о каком-либо деле, удачно, легко и быстро прошедшем’, костр. окт. *ни нести ни трясти* ‘о бес-толковом, ни к чему не пригодном человеке’).

Весьма широко представлены в образной сфере фразеологии дикие и домашние животные и присущие им действия и свойства (костр. окт. *как кошка у плошки жить* ‘не иметь нужды ни в чём’, костр. парф. *кошки с мышками играют* ‘о медлительном человеке’, костр. окт. *собачью шкуру надеть* ‘стать злым, ворчливым, агрессивным’, костр. пыщ. (*работать*) *как заводная лошадь* ‘без отдыха, тяжело’, костр. окт. *беззапорная свинья* ‘о человеке, не сидящем дома, ходящем по соседям’, костр. вохом. *как свиное гайно* ‘о беспорядке, грязи в доме’; костр. окт. *зайцы печи / печку топят*, пав. *зайцы печки топят* ‘о тумане’, костр. галич. *зайцы выскочили* ‘изморозь, появляющаяся в углах дома’ костр. шар. *заяц разбежится да перескочит* ‘о чем-либо небольшом по размеру; костр. шар. *вошь за гасником* ‘о бедном человеке’, костр. окт. *как сытая вошь* ‘о медленно идущем человеке’, костр. парф. *в руках мухи спят* ‘о медлительном человеке’; костр. кад. *куричье тело* ‘гусиная кожа’, костр. шар. *курице по холку* ‘мелко, не глубоко (о реке)’, костр. вохом., пав., окт. *сорока сапоги/сапожки дала / подарила* ‘о потрескавшейся коже ног (обычно у детей)’, костр. шар. *как кулик на болоте* ‘о мрачном, нежизнерадостном, приземлённом человеке’, костр. окт. *как канюк на кочке* ‘о бедном, бесхозяйственном человеке’).

§ 2. Вариативность образности диалектных ФЕ

При сравнении образного плана фразеологии литературного языка и диалекта обращают на себя внимание единицы, обладающие структурным сходством, но имеющие разницу в каком-либо элементе. Как представляется,

⁶² Браники – рельефно вытканый узор на ткани, изготовление которого требует большой кропотливости.

такие единицы принадлежат общенародному фонду и являются результатом разных путей формирования ФЕ в литературном языке и диалекте. Рассмотрение таких единиц позволяет, следовательно, получить представление о некоторых механизмах образования фразеологизмов.

Вариативность плана выражения

Одним из вариантов различий в ПВ между диалектными и литературными единицами является чисто формальная разница, когда образность совпадает полностью, однако выбранный образ называется либо словом, относящимся к общенародному фонду (для литературного языка), либо диалектным словом: рус. коми. *только бус*⁶³ *стоит* ‘очень быстро (бежать и т. п.)’ [ФСРГРК: 33] (ср.: *только пыль стоит*); печор. *балашки уставить* ‘пристально вглядываться в кого-то’ [ФСРГНП, 1: 26] (ср.: *глаза уставить*); *максим / калган варит* ‘хорошие мыслительные способности у кого-л.’ [ФСРГНП, 1: 29] (ср.: *голова варит*); *букли нялить* ‘широко открывать, таращить глаза’ [ФСРГНП, 1: 59] (ср.: *глаза нялить*).

Другой вид различий единиц диалекта и литературного языка заключается в том, что для передачи одного и того же значения эти две формы существования языка обращаются к различной образности. Эти образы могут относиться к одной (или близкой) тематической группе: рус. коми *накинуть на себя руки* ‘совершить самоубийство’ [ФСРГРК: 149] (ср. *наложить на себя руки*); *сумку арестантов* ‘много всего разного (наговорить, наболтать и т. п.)’ [ФСРГРК: 256] (ср.: *наложить на себя руки*); псков. *стреляный волк* то же, что *стреляный воробей* [СППП: 22]; печор. *мотать на уши* ‘внимательно слушать и запоминать’ [ФСРГНП, 1: 411] (ср.: *мотать на ус*). В ряде ситуаций диалект представляет замену на слово с более широким значением (*сквозь иглу пролезет* ‘о хитром, пронырливом человеке, который любыми средствами добьется всего, что ему нужно’ [ФСРГНП, 2: 287] (ср.: *пролезть сквозь игольное ушко*)) или же наоборот, с более узким, детализированным (влг. *не в коня овёс* ‘о том,

⁶³ Бус – мучная пыль.

кто ест и не полнеет' [Зорина: 150] (ср.: *не в коня корм*); *глаза на болоте* 'о человеке, который много плачет' [Зорина: 49] (ср. *глаза на мокром месте*)).

Отдельную ситуацию представляет случай, когда слово в ФЕ заменяется не аналогом и не словом той же тематической группы. Это неизбежно приводит к изменению внутренней формы фразеологизма при сохранении общей переносной семантики: псков. *одним муром мазаны* 'об одинаковых, очень похожих друг на друга людях' [СППП: 54], где *мур* 'глазурь для глиняной посуды' заменяет созвучное *миро* в общенародном выражении *одним миром мазаны* [см. об этом также: Никитина 2019: 48], и отсылка ВФ к образности местного крещения, принадлежности к одному приходу и возрасту – и сходству вследствие этого, – становится отсылкой к сходству двух идентичных гончарных изделий.

Следующий способ варьирования плана выражения при сохранении содержательного наполнения – наращение новых структурных элементов. В некоторых случаях такие элементы дополняют образность (влг. *молчать как рыба в пироге* 'быть молчаливым, неразговорчивым' [Зорина: 104], в других – не меняют ее существенно: рус. коми *ни кола, ни двора, ни подворного места* 'кто-л. очень беден, не имеет никакого имущества' [ФСРГРК: 117]; печор. *глаза и зубы загорелись* 'сильно захотелось чего-то' [ФСРГНП, 1: 168]; *ни Богу свечка, ни черту кочерга, ни в пече ожёгу* о ком-л., о чем-л. незначительном, никчемном [СППП: 18]. В данном случае можно предположить, что причиной подобного присоединения третьего элемента является восприятие бинарной конструкции как неопределенной, неоконченной, замыкание же ее в триаду дает своего рода эффект завершенности.

Вариативность семантики

Варианты такого рода представляют собой существующие в диалекте и литературном языке ФЕ с идентичным планом выражения, но различным планом содержания. Вероятно, следует предположить, что в данном случае происходит переосмысление народным сознанием внутренней формы общенародного фразеологизма, «оживление» ее и наполнение иной семантикой.

Первым вариантом такой модификации является «чистое переосмысление» внутренней формы, приводящее к возникновению в литературном языке и диалекте двух параллельных единиц. Причиной такого изменения служит возможность разной трактовки образа, лежащего в основе фразеологизма. Кроме того, что его ВФ предусматривает и «буквальное» и метафорическое прочтение, здесь варьирует и возможность толкования переносного значения: печор. *не у шубы рукав* ‘о бедном, нищем человеке’ (ср. общенар. ‘ничего не готово’; костр. *не по две горошки на ложку* о небогато живущей семье (ср.: ‘о невозможности получения двойной выгоды’); *из песка веревку вить* ‘делать бесполезное дело’ [ФСРГНП, 1: 285] (ср. крылатое выражение, приписываемое Эзопу, однако со значением ‘извлекать выгоду из всего’); влг. *сменить шило на мыло* ‘сделать лучший выбор’ [Зорина: 283], рус. коми *в одни руки* ‘самостоятельно, без поддержки, без посторонней помощи’ [ФСРГРК: 159] (ср.: ‘одному человеку’); *набраться духа* ‘усвоить какие-л. повадки, привычки, манеру поведения; измениться, стать другим’ [ФСРГРК: 138]: «Говорят, какого духа там [в тюрьме] твой <муж> наберется». Переосмыслению может подвергаться как фразеологизм целиком или отдельный его компонент (последний случай, где *дух* используется в значении «манеры, привычки», в то время как в ФЕ литературного языка актуализируется скорее «смелость, решительность»).

Другим механизмом является семантический сдвиг в ходе развития семантики. В случае *как на ладони* присущее литературному языку значение ‘очень ясно, совершенно отчётливо (видеть, быть видимым)’ [ФСРЯ: 220] получает два направления изменения: пространственное (хорошо видно > рядом) ‘невдалеке, рядом, о соседстве’ [ФСРГНП, 1: 318]; и связанное с человеком (ясно видно > ‘открыто, на виду, не боясь никаких пересудов (жить)’ [ФСРГНП, 1: 318] > ‘о доверчивом, откровенном, искреннем человеке’ [ФСРГНП, 1: 318]). Значение выражения печор. *кум королю* ‘о самодовольном, высокомерном, деспотичном человеке’ [ФСРГНП, 1: 314] является развитием

значения, присущего аналогичному фразеологизму литературного языка о человеке, ни от кого не зависящем и вполне довольном своим положением; о человеке, обладающем властью, влиянием [БАС, 8: 776]. В случае ФЕ печор. *в бараний рог свернуть / скрутить* ‘повредить, испортить’ [ФСРГНП, 1: 62] происходит, по-видимому, сразу два процесса: с одной стороны, расширяется сочетаемость, поскольку объектом может служить не только человек, но и вообще любой предмет; с другой стороны, семантика диалектного выражения представляет собой своего рода «результат» того, что заложено в значении литературного фразеологизма (‘принуждать, притеснять, подавлять; добиваться покорности, полного подчинения’ [ФСРЯ: 109], соответственно, происходит развитие ‘принуждение’ > ‘применение физической силы’ > ‘повреждение, порча’).

Активным процессом образования семантического сдвига становится расширение значения идиоматического выражения: печор. *в белый свет как в копеечку палить* ‘неудачно стрелять, промазать’; ‘невыпадение говорить’ [ФСРГНП, 1: 62]. В данном случае расширение происходит на основании семы «неудачно, не попадая». Также, вероятно, влияние оказывает и переносное значение слова *выпалить* – сказать или выкрикнуть сразу, одним духом [Ожегов, Шведова: 112]. Также наблюдается и расширение сочетаемости, сопровождающее семантическое изменение: печор. *на все корки [плясать]* ‘выделявая разнообразные телодвижения’ [ФСРГНП, 2: 10] (ср. общенар. *ругать на все корки* и выделяемый в обоих выражениях семантический компонент «всячески», присущий выражению); рус. коми *во все лопатки [смотреть]* ‘очень внимательно, сосредоточенно’ [ФСРГРК: 40] (ср. общенар. *удирать во все лопатки*, из которого «вычленяется» сема интенсивности, закрепляемая за частью ФЕ); печор. *куры не клюют [работы]* ‘очень много работы’ [ФСРГНП, 1: 375] (ср. общенар. *денег куры не клюют* для фразеологического обозначения большого количества – но именно денег).

Следующим механизмом является контаминация фразеологизмов: костр. *семь пятниц* о неряшливо одетом человеке (< *семь пятниц на неделе* +

из-под **пятницы** суббота); псков. *ни в зуб ногой* ‘не употреблять в пищу, не есть чего-л.’ [СППП; 42] (< псков. *ни в зуб не брать* в том же значении + лит. *ни в зуб ногой* ‘совершенно ничего (не знать, не понимать, не смыслить)’ [ФСРЯ: 176]); влг. *ходить как за кисельной барышней* ‘уделять слишком много внимания кому / чему-л., стремясь угодить’ [Зорина: 267–268] (< влг. *ходить как за кисельной кадкой* (в том же значении) + лит. *кисейная барышня*, притягиваемая по созвучию *кисейный / кисельный* и на основании общего семантического элемента «требовать внимания»).

Вариативность образности и семантики

В говорах представлен также ряд фразеологизмов, где изменения плана выражения и семантические подвижки дополняют друг друга. Здесь возможны следующие типы:

– усечение плана выражения + изменение семантики: *ниже травы* ‘не заслуживающий уважения, внимания; хуже других, ничтожный’ [ФСРГРК: 149] (ср.: *тише воды, ниже травы* о скромном, незаметном, робком человеке); печор. *в своей тарелке* ‘в своей семье, своих делах, своих заботах’ [ФСРГНП, 1: 107] (ср.: *не в своей тарелке* ‘не в обычном для себя состоянии, положении; неудобно, стесненно; не так, как обычно’);

– семантически несущественное изменение элемента + изменение семантики: *не по две морошки на ложку* ‘не спеша, не торопясь есть’ [ФСРГНП, 2: 91] (ср.: *не по две горошки на ложку*);

– семантически существенное изменение элемента + изменение семантики: *хоть в лес, хоть по дрова* ‘умелый, расторопный, способный на любое дело’ [ФСРГРК: 117] (ср.: *кто в лес, кто по дрова*: в данном случае объект, присутствующий в ФЕ литературного языка, *кто*, меняется на союз); *семь четвергов на неделе* ‘много всего разного (наговорить, наврать и т. п.)’ [ФСРГРК: 229] (ср.: *семь пятниц на неделе*; семантика диалектного фразеологизма представляет собой конкретное проявление значения литературной идиомы – непостоянства); *не в коня воз* ‘непосильная для кого-л. работа’; ‘очень большая для кого-то по его физическим данным работа, но он успешно ее выполняет’

[ФСРГНП, 2: 92] (ср.: *не в коня корм*: происходит замена объекта: *корм* > *воз*); *не по Сеньке шапка* ‘кто-л. не ровня кому-л.’ [ФСРГНП, 2: 92] (ср.: *по Сеньке и шапка*: добавление отрицания и вызванное им изменение значения); *слаже пареной репы* о доброжелательном, миролюбивом человеке [ФСРГНП, 2: 339] (в данном случае представляется уместным не считать эту ФЕ совершенно отдельной от литературного выражения *проще пареной репы* на основании того, что в народном сознании часто доброжелательность, кротость нрава человека обозначаются при помощи лексемы *простой*, т. е. в диалектной идиоме простота выражена имплицитно, но, тем не менее, подразумевается на уровне семантики). Псков. *лихим матом* ‘очень быстро, скоро (сбегать)’ [СППП: 52] дает перенос «громкость» > «скорость» на основании интенсивности.

§ 3. Образование новых фразеологических единиц

Несмотря на то, что устойчивость признается одним из основных параметров фразеологической единицы, она имеет временные рамки своего существования. Фразеологический состав любой из форм существования языка не является сложившимся и закреплённым однажды и навсегда. Даже в литературном языке, для которого норма как средство фиксации является основным параметром, одни фразеологические единицы постепенно уходят из употребления (как это происходит, например, с единицами, имеющими в основе библейский текст, которые употребляются сейчас по преимуществу в высоком стиле и постепенно выходят из сферы использования), другие наоборот, обкатываются в речевом употреблении и входят в состав языка на то или иное время.

Диалектная фразеология также представляет динамическую картину образования фразеологии. Единицы, возникающие в новое время, дают возможность проследить, какие перемены, происходящие в истории и культуре народа, воспринимаются как наиболее существенные и получают языковое отражение. По замечанию Б. А. Ларина, «фразеологизмы <...> всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи» [Ларин 1977: 156].

В этой части рассматриваются диалектные фразеологизмы, возникшие в XX–XXI вв. Если расположить единицы в хронологическом порядке, устанавливаемом по реалиям, которые становятся объектом фразеологической номинации либо ее средством, то каждый из исторических этапов обладает своими идеологическими и культурными доминантами.

Период революции и гражданской войны не отмечен активной номинацией новых понятий, однако фиксируется использование образов этого важного для страны хронологического этапа. Контраст революционного и бытового подчеркивает негативную оценку нового строя. Это может быть проявлено в значении единицы, когда на основании цветовой символики происходит использование образа для эвфемизации: костр. окт. *красноармейцы пришли* ‘о mensis’. Другой путь – использование единицы в нейтральном значении, однако негативность оценки проявляется в контексте: костр. окт. *комиссарская еда* ‘сытная, вкусная еда’: «Комиссары-те всё отбирали – вот, говорили, хорошо живут. Комиссарской бы еды нам. Кто хорошо ест – вот, скажем, комиссарская еда»; ср.: *комиссарики* ‘лепешка из картофельных очистков, обычно без муки’: «Из картошки трахмал достанут, а из отёрышей этих пекли комиссарики. Комиссары-то последнее отнимали; Из картошки стряпали драмки, комиссарики-то. В голодные годы муки комиссары не оставили».

В постреволюционный период важнейшим идеологическим изменением становится насаждаемый атеизм. Во фразеологии абстрактная идея смены мировоззрения проявляется при помощи конкретного образа: костр. окт. *крест отпустить* ‘не молиться, перестать быть верующим’; ср. более позднее: костр. вох. *за Бога схватиться* ‘стать верующим человеком’.

Отражается во фразеологизмах и изменение жизни в деревне: влг. *в лаптях за трактором* ‘о невозможности осуществления какого-либо действия, желания’ [Золотые россыпи: 26]. Классовость мировосприятия проявляется во фразеологизмах: псков. сер. *буржуев потолок* ‘о чрезмерно высоком уровне жизни’ [СППиП: 62]; псков. гд. *жить что буржуи* ‘о богатой, обеспеченной,

благополучной жизни кого-л.’ [СППиП: 88]. Интересно отметить факт совмещения в одной фразеологической единице двух характеристик социального статуса: псков. гд. *дворяниться, как буржуй* ‘о важничающем и бездельничающем человеке’: «Иванов Андрей у нас был, рыбзавод у няво имелся, работяга был, а другой-та не работал, дворянился, как буржуй» [СППиП: 88].

Ставший «дежурным» лозунг *пролетарии всех стран, соединяйтесь!* становится основой для фразеологизма перм. чернуш. *пролетария всех стран* ‘о бойком, проворном, не обремененном делами человеке’: «Надька-то у нас в Башкирию уж сгоняла. Чё она – пролетария всех стран дак...» [СРГЮП, 2: 472]. На развитие указанного значения, очевидно, влияет народная этимология слова *пролетарий*, сближающая его с *пролетать*, а также еще одно «дежурное» высказывание: «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей»

Происходит изменение хозяйственного уклада, появляются колхозы. Это порождает возникновение новых должностей: костр. окт. *красный сват* ‘агитатор (призывающий вступить в колхоз, позднее – участвовать в выборах и т. п.)’: «Красные сваты всё ходили в колхоз звали. Теперь вот за «Единую Россию»; «Однажды красные сваты пришли к нам, они сказали моему отцу: “Вот что, Худяков, вступай в колхоз, иначе тебе не устоять, раскулачат!”».

Новый появившийся орган власти – сельсовет – на основании главенствующего положения функции управления, решения вопросов, дает переносную номинацию для обозначения головы в устойчивых выражениях: арх. леш. «Ты у Клавдеи спроси, у ее *сельсовет работает*»; влг. сокол. «Дак ведь в *сельсовете-то совсем худо стало*».

Постреволюционная разрушенность экономики, нестабильность также находят фразеологическое воплощение: костр. окт. *лешевы кошельки* ‘мешки с рожью, овсом и др., которые обменивались на разные товары после революции’: «Баушка рассказывала, как они носили лешевы кошельки. Менялись на одежду, на лампы, кто на чего. Омманывали их часто». Мотивация данного выражения является, вероятно, комплексной: кроме явной негативной оценки,

стоящей за словом *леший*, здесь проявляется восприятие *лешего* как нечеловеческого и, следовательно, неправильного, ненастоящего; также, вероятно, в данном случае отображаются представления о большом росте лешего⁶⁴ (то, что для человека мешок, для него – кошелек).

Начинающаяся в стране электрификация во фразеологии получает и нейтральную (перм. киш. *световой столб* ‘фонарной столб’ [СРГЮП, 3: 183]), и весьма негативную оценку (коми у-цилем. *бесова обора* ‘линия электропередач’ [ФСРГНП, 1: 41]; ср. *обора* ‘завязка лаптя’).

Появляются и новые предметы быта (псков. гд. *заводить свой граммофон*⁶⁵ ‘начать ругать, высмеивать кого-л.’ [СППиП: 32]).

В 1930-е гг. вводится система трудодней. Новый тип товарно-денежных отношений часто оценивается как обман, работа без выгоды для себя: новг. *работать за палочки* ‘быть обманутым, работать без какого-л. вознаграждения, бесплатно’ [Сергеева: 231]. Однако можно говорить и о принятии данной системы, хоть и с легким оттенком иронии: псков. сер. *Ванька с трудоднями* ‘о трудолюбивом колхознике с хорошим заработком’ [СППиП: 19].

Общее обеднение, упадок хозяйства проявляется и в выражении коми у-цилем. *сталинская корова* ‘коза’ [ФСРГРК: 250], где атрибут *сталинская* выступает в позиции обозначения «неправильности», в традиционной культуре выражаемого при помощи прилагательных типа *цыганский, татарский* и пр. (ср. *цыганское солнышко* ‘луна’ [СРНГ, 39: 272]).

С 1938 г. появляется выражение *считайте меня коммунистом*, приобретшее в говорах несколько иное значение и расширившее сферу употребления: вместо прочной связки с ситуацией ухода куда-либо (как это происходит

⁶⁴ Ср.: костр. вох. *И Бог есть, и большой мужик* (т. е. леший) *есть. Кто это меня выше лесу нёс? Это ведь меня большой мужик нёс!* влг. баб. *Идет пастух, смотрит – лежит на барабане: ноги этаки, сам метра три длиной* и др.

⁶⁵ Первые упоминания о появлении граммофонов в деревне относятся к 1910-м гг.: «Один местный крестьянин к сезону свадеб купил недорогой граммофон с пластинками и ходит по приглашениям по вечеринки, где за весьма приличную плату (от 1 рубля до 3) играет весь вечер различные плясовые пиесы» (Московские ведомости, 16 (03) марта 1910 г.). Повсеместную распространенность следует отнести, по-видимому, к более позднему периоду.

в разговорном варианте литературного языка) и практически нулевой собственной семантики оно используется для обозначения смирения, примирения со сложившимся отчаянным, безвыходным положением: коми прилуз. «Раньше никакая болезнь не брала, теперь – считай коммунистом, заляжешь на печь, отлёживаешься» [ФСРГРК: 258].

Великая Отечественная война снова ломает привычное течение жизни. На долгое время быт, уклад становится настолько иным, что целое поколение получает фразеологическую номинацию: костр. окт. *кукольные дети* ‘дети, выросшие в голодные годы, питавшиеся в детстве куколем (отходами при околачивании льна)’ «Мы-то кукольные дети, чего видали в детстве-то? Куколь да пылохту или»; «Наше поколение-то кукольные дети, все травы переели».

К **послевоенным** нововведениям следует отнести, по-видимому, выражение новг. новг. *голова как дом советов* ‘кто-л. очень умный, толковый, сообразительный’ [Сергеева: 75], а также фразеологическое обозначение налога на бездетность (введенного в 1941 и 1944 гг.) – кост. вох. *налог на девок* «Налог на девок был – как восемнадцать лет исполнилось – плати, что бездетный».

К фразеологизмам **постсоветского периода** относятся костр. окт. *едовые деньги* ‘прибавка к пенсии, деньги на еду’, а также обозначение новых продуктов питания: перм. уинск. *бушева голяшка* ‘импортные куриные окорочка’ [СРГЮП, 1: 192], где смеховой эффект создается за счет восприятия отфамильного прилагательного в качестве «обладателя» вместо обобщенного обозначения страны-импортера. Интерес представляет выражение костр. окт. *пелёвный чай* ‘чай в пакетиках’ (время появления – также 1990-е гг), где образ *пелёвы*, отходов от обмолота овса, используется для обозначения плохого качества чая.

Отношение же к советской власти меняется на положительное: костр. шар. *советская власть кончилась* ‘хорошая дорога кончилась’: «Советская власть кончилась», – так всегда говорили на полдороге из Одоевского в Конёво. Хорошая дорога кончилась, началась плохая».

Отдельную группу составляют выражения, в которых ключевой является ситуация освоения новой лексики. При этом слова могут использоваться как в более или менее присущем им значении (псков. пушк. *безгрешная бактерия* ‘о тихом, смирном человеке’ [СППиП: 15]), так и практически без учета семантики, для большей экспрессивности, достигающейся за счет непонятности: псков. гд. *показать аннексию* ‘ответить ударом на удар, дать сдачи’ [СППиП: 15].

Становятся фразеобразующими обозначения новых реалий, ср.: перм. куед. *читать газету* ‘оставаться голодным из-за отсутствия еды’ [СРГЮП, 3: 364–365]); коми прилуз. *мерить асфальт* ‘бесцельно, неприкаянно ходить, ничего не делая, бродить, слоняться’ [ФСРГРК: 128]. Находят фразеологическое отражение новые продукты питания: кефир, который фабричным способом начинают производить в Москве с 1913 г., но в деревнях он появляется несколько позже, получает наименование костр. пав. *молоко из-под бешеной коровы*, в котором ощущается восприятие данного продукта как нового непривычного для деревенской культуры. Фабричное производство молока осмысливается через образ человеческих отношений, разведение водой, по-видимому, воспринимается как параллель к идее «разбавления крови»: костр. окт. *дочку взамуж выдать* ‘развести молоко водой’⁶⁶ (*Нынче в городах-то какое молоко? Все дочку взамуж выдадут, в бутылки нальют*).

В диалектной фразеологии отражаются и изменения в городской действительности: псков. остр. *липовый кондуктор* ‘гроб’ [СППиП: 46].

Таким образом, реалиями, получающими диалектную лексическую или фразеологическую номинацию, становятся: новые технологические процессы сельского хозяйства; должности и статусы; предметы быта. Для диалектов XX в. характерно использование штампов начала советского периода, фразеологизация знаковых текстов, стремление к наукообразности. Наименования

⁶⁶ Данное выражение представляется развертыванием во ФЕ образа лексемы *женить* ‘разбавлять что-л. водой’. В. С. Кучко рассматривает здесь сематику *соединения, объединения* [см. Кучко 2018: 95–96].

новых реалий осмысляются и переосмысляются, становясь базой для переносных и фразеологических номинаций; привычные реалии быта, духовной сферы, мифологии используются для обозначения появившихся объектов. При этом существенно активнее используется номинация, которую можно обозначить как «регрессивная» (при которой новые лексемы и ФЕ используются для обозначения уже известных идеограмм), нежели «прогрессивная» (номинация новых идеограмм через известные образы). Этот процесс частично соотносим с отмечаемой И. В. Козловой фольклоризацией, при которой события 1930–1950-х гг. получают фольклорное стилистическое и образное осмысление во вполне традиционном ключе [см.: Козлова 2010]

§ 4. Анализ степеней идиоматизации диалектных ФЕ с планом выражения, содержащим оним или отонимический компонент

Среди диалектных фразеологизмов выделяется группа единиц, наиболее прочно связанных, как кажется, с конкретным объектом действительности. Это выражения, имеющие в своем составе онимный или отонимный компонент. На примере таких единиц возможно рассмотреть степени фразеологизации и определить параметры, влияющие на «безусловную» (относящуюся не только к данной группе) фразеологизацию сочетания.

ФЕ такого рода, функционирующие на территории Костромской области, рассматривались в §1 настоящей главы с точки зрения семантических групп, связанных с теми или иными образными ситуациями; здесь же они приводятся на более широком диалектном фоне и анализируются в аспекте динамики образования фразеологизма.

В целом онимы, входящие в состав ФЕ, представляется возможным разделить на макро- и микроонимы.

К **макротопонимам** относятся названия *стран* (перм. *не в Америку ходить по берегу* ‘нет большой необходимости’ [Прокошева: 14]; перм. *Америку пройти* ‘побывать во многих местах’ «Ух, всю Америку прошла, устала» [Прокошева, 303]), *регионов* (костр. парф. *баба рязанская* ‘о женщине, одетой в

пышную, широкую одежду; о нелепо одетой женщине'; арх. вин. *баба рязанская* 'несуразная, некрасивая женщина' «Бабин день был, смотрели, какая баба первая выйдет на улицу. Выйдет какая распетуха, баба рязанская – осень плохая, а красивая баба – осень хорошая»; костр. пав. *рязанская баба* 'о грубой, чересчур бойкой женщине'; перм. (как) *сибирский валенок* 'мягкий, уступчивый' «Характер у него мягкий, как сибирский валенок»; «Сходчивый мужик-от попался, ни разу ляпу не дал, настоящий сибирский валенок» [Прокошева: 38]; перм. *заеданье мѣрское, хайдула сибирская* 'задира, забияка' «Он еть чё у тебя, заеданье мѣрское, хайдула сибирская, токо бы ему задевать всех» [Прокошева: 129]; перм. *сибирский мешок* 'большой мешок для зерна' «Сибирский мешок, он большой и сшит в три полосы, возили зерно с гумна на мельницу» [Прокошева: 218]; перм. *не в Сибирь, дак в Маракуши* 'как придется; как получится' «Голос-то у меня уж не тянется, спою вас не в Сибирь, дак в Маракуши» [Прокошева: 334]; перм. *на языке до Сибири уехать* 'о разговорчивом, словоохотливом человеке' «Была бы здорова, дак до Сибири бы на языке уехала, всё бы рассказала» [Прокошева: 389]), *городов* (коми <в Архангельске сруб рубят, а> на Печору щепки летят 'любые известия доходят до самых удаленных мест' [ФСРГНП, 1: 62]; коми (в Нарьян-Мар поплыть 'пролить какую-либо жидкость на столе' [ФСРГНП, 1: 87]; каз. *как с Кеева Лукерья* 'лентяйка' [БТСДК: 270]; перм. *вот Самара-город* 'выражение недовольствия, раздражения, досады' «Вот Самара-город! Уродское дело! Опять нитка закрутилась. Да чтоб я ишо раз за эту мерёжу взялась!» [Прокошева: 60]; перм. *и в Москве в три лаптя звонят* 'о чьей-л. мнимой известности' «Верно, Оля, про тебя и в Москве в три лаптя звонят – все уж тебя знают» [Прокошева: 135]; перм. *на языке через/в Москву переедет* 'словоохотливый, бойкий на язык' «Ноги-те не ходят у меня, язык-от пока ходит, я бы на языке-то через Москву переехала»; «О, чё, она бойка, бойкушша, на языке в Москву переедёт» [Прокошева: 265]; перм. *как московский ритатуй* 'о ком-л. необычно одетом' «Чё ты снарядился как московский ритатуй?» [Прокошева: 314]; перм. *в Москве три дома ропнутя* 'кто-л. известен всем' «Как жё ты на меня натакалась! Ну

да эть на нас в Москве три дома ропщутся, все нас знают» [Прокошева: 315]; перм. *в Москву съездить* ‘родить мальчика’ «Два раза уж в Москву съездила, два парня у её дак» [Прокошева: 369]; прикам. *дура из Кунгура* ‘о невоспитанной’ [СРГЮП, 1: 255]; прикам. *через Кунгур да в Осу* ‘о сделанном крюке на пути, неправильном объезде’ [СРГЮП, 1: 445]), **крупных рек** (коми <в Архангельске сруб рубят, а> *на Печору щепки летят* ‘любые известия доходят до самых удаленных мест’ [ФСРГНП, 1: 62]; <скорее> *Печора вверх пойдет* ‘не бывать чему-либо’ [ФСРГНП, 2: 288] и *Печора вверх пойдет* ‘что-либо неправдоподобное, невероятное, невозможное случится при выполнении каких-либо предлагаемых условий’ [ФСРГРК: 172]: «Если получишь по алгебре «пять» – точно Печора вверх пойдет»; *Алдан в плечах* ‘о человеке с широкими плечами’ [ФСРГС: 7]; *Лена – не житье* ‘о привольной, обеспеченной жизни’ [ФСРГС: 105]; перм. *знать дорогу к Каме* ‘быть малосведущим’ «Чё у её про старо-то выведывать – знат дорогу к Каме!» [Прокошева: 139]; перм. *наквасить Каму* ‘утонуть; утопиться’ «Ваня, не наквась Каму-то, лёд-от тонкой, лучше бы не ходил пока» [Прокошева: 210–211]; перм. *закамский стожар* ‘человек высокого роста’ «Ну, закамской стожар, смотри, голову-то не оставь на крыше» [Прокошева: 60]; перм. (как) *камское удилище* ‘о высоком, тонком человеке’ «Брат-от у меня шибко высокой, как камско удилище» [Прокошева: 389]; прикам. *толку нет* – *иди за Каму* пожелание убираться [СРГЮП, 1: 344]).

Макроантропонимы представлены в ФЕ, где ключевым является имя само по себе, а не в качестве обозначения определенного участника социума. Такой антропоним может функционировать в значении «любой человек» (в таком случае семантика единицы определяется сопутствующим антропониму прилагательным) либо обладать особым коннотативным фоном, обуславливающим семантику выражения (иногда также в сочетании с прилагательным). К первой группе относятся антропонимы в ФЕ: перм. *Ванька ветров* ‘праздношатающийся человек; бездельник’ «Собрались в бригаде как Ванька Ветров, сёдне на работе, завтра нет» [Прокошева: 39]; перм. *Ванька гульный* ‘неверный, распутный человек’ «Вот и мой Ванька гульный домой катит, чтоб ему

худо стало. Михаил, не стыдно ли тебе шататься по стороне?» [Прокошева: 39]; перм. *Ванька ёлкин посватался* 'кто-л. умер' «Её давно уже праху нет, сколь годов – Ванька ёлкин посватался» [Прокошева: 39]; перм. *Ваня долгорукий* 'склонный к воровству человек' «Он ходит, да бояться все его, это ведь Ваня долгорукой, не лежи плохо, не боли брюхо» [Прокошева: 39]; перм. *Ваня задний* 'отстающий, медлительный человек' «Вот Ваня-то задний! Как ни гляну на тебя – всё сзади плетешься» [Прокошева: 39]; *постная Матрёна* 'о вышедшей замуж в пост' [СРГЮП, 2: 65]. Вторая группа представлена антропонимами в выражениях: перм. *как Окулька беспрокая* 'бестолковый, несообразительный' «Ето чё же, ты совсем как Окулька беспрокая стал – два да пять скласть не можешь» [Прокошева: 249]; перм. *богаче Омели* 'богатый' «Мы теперь богаче Омели: пенсию дали двенадцать рублей» [Прокошева: 26]; прикам. *молоть, как Омеля* 'беспрестанно говорить' [СРГЮП, 2: 102]; перм. *как Орина говорунья* 'болтливый' «У ей, как она Орина говорунья, у ей не пере-слушаешь говори» [Прокошева: 251]; перм. *беспомо́шная Параня* 'неумелый, неловкий человек; грязнуля' «У-у, беспомошная Параня, не вижу уж ничё, ладом сделать-то не могу»; «Она беспомошная Параня; чё, в избе грязно, робята не обихожены» [Прокошева: 262]; перм. *смешить Агашу* 'говорить что-л. нелепое, несуразное' «Не смей Агашу-то, никто тебе не поверит» [Прокошева: 343]; перм. *Шиша да Агаша, третья Палаша* 'незначительные, малопочитаемые люди' «Кто у тебя сёдни был в гостях-то? – А-а, Шиша да Агаша, треття Палаша»; «Никого в деревне-то нет, остались только Шиша да Агаша, да ишшо треття Палаша» [Прокошева: 425]; перм. *филькины обитки* 'остатки чего-л. разрушенного' «У меня уж зубов-то вовсе нет, одни филькины обитки остались» [Прокошева: 242]. Рассматривая единицы с таким типом онима в общенародном языке, О. И. Авдеева замечает, что выбор имени в данном случае «обычно является условным, хотя сама форма онима часто придает всей единице пренебрежительно-негативную окраску <...> В этом случае компоненты-онимы <...> и отонимические образования <...> не несут большой культурно-исторической нагрузки, они создают внутреннюю форму фраземы.

Эти компоненты обычно указывают лишь на принадлежность к русскому социуму и чаще всего – к его простонародной части» [Авдеева 2019: 188]. Однако, наблюдая частотность использования в качестве фразеобразующих элементов определенных имен, следует предположить особый коннотативный фон ряда онимов. Как отмечает И. В. Родионова, многие такие единицы возникают «в результате такой рефлексии языка над антропонимом, когда проясняется его “внутренняя форма” и в соответствии с ней возникают смысловые компонента апеллятивного характера» [Родионова 2007: 198]. Таким образом, возникает двунаправленное движение от онима к апеллятиву и от апеллиатива к ониму, при котором происходит образование псевдоантропонима, ассоциирующегося с неким «фантомным» человеком [см. Феоктистова 2019: 55–57]

Так же, как и в случае с топонимами, возможно «расширение» лексем-онима до неоднословного фразеологического сочетания: <руки> как у *Куленеты*⁶⁷ о человеке, уронившем что-л. (ср. на той же территории *куленета* ‘невнятно или быстро говорящий человек’); костр. *Яким Васин* / *Яким Саловский* ‘простак, простофиля’ (ср. костр. *Яким* ‘глупый человек, дурак’ «Тумак или плохо учатся и неграмотной тоже также, или яким. “Да он яким”, который не больно смышлёной, вот и яким звали»);

Также к группе макроонимов относятся топонимы и антропонимы библейского и мифологического происхождения: перм. *еркулесы да лукавоны*⁶⁸ *выдумывать* ‘рассказывать небылицы’ «Сидит тут, еркелесы да лукавоны выдумыват, поверит кто ему» [Прокошева: 66]; перм. *старого Давыда помнить* ‘о старинной вещи или очень старом человеке’ «Эти чашки-то корноватые у нас давнишние, старого Давыда помнят»; «Много уж ей годов-то, старого Давыда, нать-то, помнит» [Прокошева: 289–290]; перм. *на Абрама похож* ‘корич-

⁶⁷ Предлагается считать единицу как у *Куленеты* отсылкой к местноизвестному юродивому Куленете Задоринскому, исходя из несоответствия семантики выражения лексическому значению апеллиатива *куленета*.

⁶⁸ В данном случае, вероятно, имеет место двойной процесс: диалектное освоение мифологического антропонима *Лаокоон* и аттракция к *лукавый*, соотносимая со значением единицы.

невый, рыжий' «Пиво-то, поди, на Абрама похожё вовсе не чёрное – черенное» [Прокошева: 298]; перм. *Аредов век прожить* 'прожить долго' «Можёт, умрёшь, а может, заживёшься и Аредов век проживёшь. Какой-то Аред-от долго, видно, жил, а у нас така поговорка – Аредов век проживёшь»; «Я уж Аредов век прожила – со второго года ведь» [Прокошева: 303].

Микротопонимы представлены названиями *небольших рек* (перм. *таньпское удилище* 'о высоком, тонком человеке' «Колька-та сколь долог, чисто таньпское удилище» [Прокошева: 389] (< р. Быстрый Таньп)); *деревень* (каз. *как загорская кобыла* 'энергично [что-то делать]' [БТСДК: 221]; костр. *пойти в Дедюлино* бранно: 'пойти к черту'; *желнинский телёнок* 'о кричащем человеке'; коми *Порубская родня* 'зубная боль' (*Поруб* – деревня в Прилузском районе респ. Коми) [ФСРГРК: 190]: «А если зубы болят, говорят: зубная болезнь – это порубская родня, они надоедливые-то, любители погостить»; прикам. *идти в Аишу налево* шутовская брань [СРГЮП, 1: 344]; сиб. *бучиться, как туес колыванский в шабуре* 'быть угрюмым, сердитым, нелюдимым, замкнутым' (Колывань – пгт. в Новосибирской области) [ФСРГС: 18–19]; перм. *с усольскую (сысольскую) девку* 'высокого роста; большой, крупный' «Семь только годов, а уж с усольску девку»; «Она у меня большая, с сысольску девку выросла» [Прокошева: 101]; *с усольскую тётку* 'то же' «Ну и девка! Выросла с усольскую тётку, больше матери и отца вызывала» [Прокошева: 373]; перм. *как ильинская кобыла* 'сильная, высокорослая девушка (женщина)' «Она большущая, матерущая, как ильинская кобыла, баб-то евонная» [Прокошева: 169]; перм. *как ногойская кобыла* 'подвижная, резвая девочка' «Мать дочь ругат: ты ногойская, говорит, кобыла. Вон эки девки-те, как ногойские кобылы носятся» [Прокошева: 169]; перм. *долга мама замостовска* 'о тонкой, высокой женщине' «Шибко баба-то у него небаска, чисто долга мама замостовска, а вот любит» [Прокошева: 209]; перм. *как романовский мужик* 'о человеке, который постоянно в разъездах, не сидит на месте' «В Менделеево ездила, после в Пермь собираюсь. С как романовской мужик» [Прокошева: 224]; перм. *колобиха дубровская* 'полная, плотная женщина' «Оденется коротко, сама толстая,

идёт, как настоящая колобиха дубровская» [Прокошева: 172]; перм. *сумеря голухинская* 1. 'о человеке, который из экономии долго не зажигает света' «Ну и сумеря голухинская, всё в темноте делаешь»; 2. 'о медлительном, вялом человеке' «Эту сумерю голухинску не переждёшь, она там до утра прокопается»; «Ну и сумеря ты голухинская, тако просто дело не сумела спроворить» [Прокошева: 367]; перм. *не хватя Боровую да в Мошево* «Куда это тебя, Егорко, увело? Проехал ведь дом-то, не хватя Боровую да в Мошево угодил» [Прокошева: 400]; прикам. *Штеряки / Хутора /Харино видать* 'о слабо заваренном чае' [СРГЮП, 1: 123]), *мест* (новг. на *Петропавловку пора* 'о близости к смерти' (*Петропавловка* – название местного кладбища) [Сергеева: 192]; *собираться в Ермолиху* шутол. 'быть близким к смерти' (Ермолиха – кладбище на месте одноименной бывшей деревни); коми *как балек на Масленке собирать* 'очень громко (говорить, разговаривать и т. п.)' [ФСРГРК: 17] (*Масленка* – остров на реке)).

Под *антропонимами микроуровня* предлагается понимать такие антропонимы, которые обозначают конкретного участника микросоциума, хорошо известного говорящему (и, в идеале, его собеседнику). Значение ФЕ с антропонимом такого рода определяется внеязыковой информацией – яркой чертой названного человека, по которой и происходит сравнение: перм. *Лёся кунгурский* 'о ненормальном, психически больном человеке' «Брат-от у ей вовсе Лёся кунгурской» [Прокошева: 195]; перм. *как Максим опалишенский* 'о неряшливо одетом человеке' «Во, явился! Весь в рамках, как Максим опалишенской» [Прокошева: 207]; перм. *Маланья копыловская* 'о забывчивом человеке' «Ты чё, как Маланья копыловская? Сколь раз тебе талдычила, а ты всё то да потому стебенишь» [Прокошева: 207]; перм. *как Маня Рожковна* 'о неопрятно одетой женщине' «Я сегодня как Маня Рожковна нарядилася» [Прокошева: 209]; перм. *как Ожеговна* 'неопрятный, неприбранный' «Надо хоть переодеться, а то хожу как Ожеговна, людей-то пугаю» [Прокошева: 248]; перм. *как Лиза*

околупанка ‘о медлительном человеке’ «Она вечно как Лиза околупанка, собраться не может» [Прокошева: 249]; перм. *как совка сѐлехина*⁶⁹ ‘о человеке, который вмешивается в чужие дела’ «Вот как мои робята не будут трудолюбивыми? Квашню творю, они туто, скотину управляю, они туто, всё видят, всё знают. А девка, дак та как совка селехина была» [Прокошева: 349]; перм. *беспрокий Уля таборский* ‘о бестолковом человеке’ «Я этъ ему всё насказала, ак помнил токо до порогу, беспрокой Уля таборской» [Прокошева: 392]; костр. *нарядиться как Анисья Климовская* ‘о безвкусно, неправильно одетом человеке’; *разблажиться как Сидорка Тяпнинский* ‘о вспыльчивом человеке’; *леший Костров* о человеке в раздражении; костр. *косить как Манька Кордонка* о человеке, который оставляет нескошенную траву и др.

Кроме макро- и микроонимов выделяется группа **псевдоонимов**. К ним относятся топонимы и антропонимы, не существующие в действительности, либо образованные от созвучных апеллятивов и совпавшие с уже существующими онимами: костр. *пыщ. как петух кокотинский* ‘о плачущем ребенке’; костр. *окт. ни питера, ни идера, ни сладкого кушанья* ‘ничего’; перм. *Гришка поймал* ‘кто-л. заболел гриппом’ «Я ведь как вица на воде дрожжу, видно, гришка поймал, простудилася» [Прокошева: 92] (*Гришка* < грипп); перм. *Матвей попал* ‘кто-л. получил нагоняй’ «Им, нать-то, Матвей попал. Отеч-от давно грозился побаять с имя» [Прокошева: 211] (*Матвей* < материться); перм. *Тихон пришёл* ‘одолеел сон; пора спать’ «Пойдѐм-ко дитятко, баеньки, Тихон пришёл» [Прокошева: 373] (*Тихон* < тихо⁷⁰); *как запатрай патраич* ‘грязный, неприбранный’ «Девка у нас везде грязь найдѐт, как запатрай патраич ходит» [Прокошева: 132]. В отличие от псевдоантропонимов, которые, входя в состав ФЕ, сообщают ей коннотативный фон (типа *смешить Агашу; богаче Омели* и

⁶⁹ Вероятно, в данном случае следует рассматривать первое слово ФЕ как диминутив *Софка* (*Софья*), а всю единицу – как сравнение с местной известным «нелепым» человеком.

⁷⁰ Как отмечает И. А. Подюков, «за каламбурным соотносением имени *Тихон* – «тихий» стоит персонификация бесконтрольного состояния (ср. *тишина, тишинка* – пермское диалектное обозначение психического заболевания, депрессии)» [Подюков 2012: 13].

др.), такие псевдоонимы не соотносятся с человеком (либо местом) и представляют скорее результат языковой игры, «очеловечивание» (либо «локализацию») ситуации.

На примере устойчивых сочетаний данной группы можно выделить ряд «степеней» фразеологизации.

1. К первой группе относятся выражения, в основе которых лежит сопоставление с конкретным реальным объектом действительности по определенному параметру. Данные выражения нельзя назвать фразеологизмами в полном смысле термина, поскольку идиоматичность у них практически отсутствует. Как свойство сопоставления, так и используемый образ прозрачны, а количество ситуаций, в которых может быть употреблено выражение, минимально и ограничено данным свойством. К этой группе относятся устойчивые сравнения с местноизвестными юродивыми (типа *как Лиза околупанка; Лёся кунгурский; разблажиться, как Сидорка Тяпнинский* и др.).

2. В качестве следующей ступени можно обозначить, вероятно, две группы:

2.1. К первой относятся выражения-эвфемизмы. В них конкретный образ используется уже для выражения более абстрактной идеи, однако все еще является весьма прозрачным и не допускает развития значения. Это выражения модели «собираться / идти / уходить + название кладбища», а также экспрессивные выражения, в которых топоним выступает в качестве замещения нецензурной брани (перм. *идти в Аишу налево* шутливая брань (Аиша – деревня) [СРГЮП, 1: 344]; прикам. *толку нет – иди за Каму* пожелание убираться [СРГЮП, 1: 344]; костр. *пойти в Дедюлино* бранно: ‘пойти к черту’). Можно предположить, что в ряде ситуаций использование топонима обусловлено его фоносемантической экспрессивностью (напр., редупликация в *Дедюлино* и *Аиша*, а также использование шипящего во втором случае).

Фразеологизмы первой группы и данной подгруппы имеют в своей основе реальную ситуацию.

2.2. Другую группу составляют выражения, построенные на распространении ключевого слова. Идиоматичность в данном случае задается переносным значением опорного слова, включение же в состав известного онима позволяет «освоить» выражение, как бы вписать его в родное пространство: прикам. *молоть как Шамарина мельница* ‘говорить быстро, болтать’ [СРГЮП, 2: 102]; костр. *когда рак на Окуловой горе свистнет* ‘никогда’. Сюда же относятся общенародные устойчивые выражения, получающие местную конкретизацию: прикам. *как Симонова корова ходит* ‘испытывать беспокойство’ [СРГЮП, 1: 414]; *Мышляихина корова* ‘о человеке, который не сидит на месте, слишком много ходит, бродяжничает’ [СРГЮП, 1: 414]; *Титова корова* ‘о склонном к бродяжничеству’ [СРГЮП, 1: 424]; перм. *как амберова (симеонова) корова* ‘суетливо’ «Робят дома оставит, сама по деревне как амберова корова, туда-сюда»; «Ну что ты бродишь взад-вперед, как симеонова корова, чё тебе не хватает?» [Прокошева: 176] – ср. сиб. *гульна корова*.

Особым подразделом данной группы являются выражения с онимом, имеющем общее значение любого человека или любого географического объекта. В них ключевой является семантика прилагательного, определяющего оним, сам же оним не несет на себе нагрузки выделения, обозначения конкретной реалии и выбирается либо по созвучию (*дура из Кунгура* ‘о невоспитанной’ [СРГЮП, 1: 255]; *молоть, как Омеля* ‘беспрестанно говорить’ [СРГЮП, 2: 102]), либо по принципу максимальной распространенности (перм. *Ваня Гульный* ‘о неверном, распущенном’ [СРГЮП, 1: 97]; *Ваня задний* ‘об отстающем, медлительном’ [СРГЮП, 1: 97]; *постная Матрёна* ‘о вышедшей замуж в пост’ [СРГЮП, 2: 65].

К данной подгруппе относятся выражения, как отсылающие к реальной ситуации, так и основанные на гипотетическом, обобщенном образе.

3. К следующей ступени можно отнести устойчивые сочетания, в которых исходная ситуация является четко читаемой, однако происходит расширение значения: прикам. *через Кунгур да в Осу* ‘о сделанном крюке на пути,

неправильном объезде' [СРГЮП, 1: 445]; коми *как балек на Масленке соби-
рать* 'очень громко (говорить, разговаривать и т. п.)' [ФСРГРК: 17]; <скорее>
Печора вверх пойдет 'не бывать чему-либо' [ФСРГНП, 2: 288]; *Печора вверх
пойдет* 'что-либо неправдоподобное, невероятное, невозможное случится при
выполнении каких-либо предлагаемых условий' [ФСРГРК: 172]. В данном
случае идиоматичность представлена генерализацией семантики, при которой
переносное значение выражения шире буквального, и выражение может упо-
требляться в бóльшем количестве ситуаций. Здесь также присутствует опреде-
ленная модельность. Ср.: *прикам. через Кунгур да в Осу* – *костр. через Дор да
на Пласино, на худое Мишонино* – *перм. не хватя Боровую да в Мошево* 'о
неверном пути, «крюке» на пути'.

4. Своего рода «эталонную» ступень фразеологизации составляют выра-
жения, в которых исходный образ понятен, однако семантика выражения под-
верглась существенному переосмыслению и не вытекает напрямую из бук-
вального значения словосочетания. Т. о. данное выражение является идиома-
тизированным. Напр.: *перм. Штеряки / Хутора /Харино видать*; *костр.
Москву/Кострому видать*; *влг. вологодское видать* 'о слабо заваренном чае'
[СРГЮП, 1: 123]; *коми в Архангельске сруб рубят, а на Печору щепки летят*
'любые известия доходят до самых удаленных мест' [ФСРГНП, 1: 62] и др., а
также ряд выражений с онимом в значении «любой человек»: *каз. как с Кеева
Лукерья* 'лентяйка' [БТСДК: 270]; *перм. такой, как Ванька за рекой* 'о
невзрачном человеке' [СРГЮП, 3: 216].

С течением времени в эту группу могут «переходить» выражения пер-
вого типа (представляющие собой сравнение с местноизвестным юродивым),
если выражение закрепляется в узусе, но уходит непосредственное знание о
человеке-прототипе. На «распад» онима и отсутствие соотношения устойчи-
вой единицы с конкретным человеком указывают контексты типа «Павлинья
годоська – это оскорбление, вредный человек это. Годоська – гад, я думаю».

5. К последней группе следует, по-видимому, отнести выражения, в ко-
торых исходный образ является затемненным в силу угасания знания либо

представлений о нем. Следует отметить, что к данной группе относятся по преимуществу фразеологизмы, содержащие в своем составе не оним как таковой, а отонимное прилагательное (сиб. *бучиться, как туес колыванский в шабуре* 'быть угрюмым, сердитым, нелюдимым, замкнутым' [ФСРГС: 18–19]; каз. *как загорская кобыла* 'энергично что-то делать' [БТСДК: 221]; перм. *Агатын чай* 'чай некрепкой заварки' [СРГЮП, 3: 337]), хотя фразеологизмы с онимным компонентом также имеют место (коми *Бог не Ванька Ефремихин (Ефремов)* = Бог не Яшка, видит, кому тяжело [ФСРГНП, 1: 48]).

Отметим, что употребление в речи фразеологизмов с местнозначимым онимом позволяет маркировать принадлежность говорящего к определенной социально-территориальной группе.

Таким образом, в качестве основных параметров фразеологизации выражения с онимным компонентом, обретения им идиоматичности, можно выделить: 1) использование в качестве опорной ситуации описание ирреального случая / объекта; 2) уход от соотнесения с конкретным объектом, обозначенным онимом. В последнем случае можно обозначить три типа: а) забывание самой реалии, обозначенной онимом, приводящее к тому, что использование данного слова в устойчивом выражении становится произвольным (такой путь отчасти параллелен тому, по которому произошло образование фразеологизмов типа *балясы точить, тянуть канитель* и т. п.); б) апеллятивизация онима; в) использование отонимных дериватов; 3) использование языковой игры, построенной на рифме с онимом, либо на образовании псевдоонима от созвучного апеллятива. При идиоматизации выражения, становлении его фразеологизмом в полном значении термина, происходит стирание конкретной семантики онима.

Выводы по третьей главе

Проанализированный материал позволяет предположить ряд путей, по которым идет создание фразеологической единицы. В самом общем виде

можно выделить интралингвистический и экстралингвистический пути образования.

При **интралингвистическом** способе катализатором для формирования единицы служит какой-либо факт языка. Выделяются:

1. Переносное значение одного из слов, составляющих ФЕ (напр.: *татарская дорога, соломенная вдова / честь*).

2. Разворачивание слова в ФЕ (*женить* ‘разводить водой’ > *выдавать дочку замуж* ‘разводить молоко водой’, а также единицы, в которых оттопони́мический компонент служит для персонификации и более конкретно-наглядного образа, заданного апеллятивом: *шима ванеевская, егарма савинская* и т. п.).

3. Звукоимитация (*идти как рубль пять*).

4. «Наведение» ФЕ словом: слово из описания ситуации служит опорой для создания образа плана выражения единицы (напр. ‘*семь* раз совершить со-itus’ > *семерики сплести*; ‘о *дыме* в помещении’ > *Домна зашла* – по созвучию *дым/Домна*).

5. «Наведение» ФЕ другой прецедентной единицей (*жена не лапоть, с ноги не сбросишь* > *тапки беснятые*). К этой же подгруппе возможно отнести отмечаемый исследователями механизм переформирования паремических образований во фразеологические, хотя, если в приведенном примере видно образование новой единицы на базе образа общенародного выражения, то в случае «сокращения» паремий следует говорить скорее об изменении исходного текста.

6. Рифма (перм. *дура из Кунгура*).

Способы 2–6 представляют собой различные приемы языковой игры: звукоимитация представляет собой языковую игру, «реализующую потенциал фоносемантических ассоциаций звукоподражательного и звукосимволического характера» [Гридина 1996: 98]. Случаи 2, 4, 5 представляется возмож-

ным рассматривать как варианты ассоциативной интерпретации на сверхсловном уровне [см. Там же: 147–191], при которой новообразованная единица в игровой, комической форме «отсылает» реципиента к уже существующей.

Возможны также и «композиционные» пути образования ФЕ. Можно предположить такой способ в случае выражения *наговорить борону и чужую сторону / наговорить соху и борону* ‘наговорить много; наговорить всякую всячину’, где происходит слияние семантики *борона* ‘о большом количестве кого-л., чего-л.’ [см. РЭС: 89] и *боронить* ‘говорить неправду; говорить много, пустословить’, где не прямой ход бороны дает метафору ухода от ровного хода мысли и разговора в сторону либо лжи, либо (как в данном случае) многословия, которое словно ведет речь извилистым путем [см. об этом Березович 2014: 310].

Экстралингвистический путь подразумевает, что для образования ФЕ происходит обращение не к языковой единице, а к внеязыковой комплексной ситуации. Таковые ситуации можно разделить с точки зрения плана выражения на ФЕ, задействующие в образности реальную ситуацию, и ФЕ с ПВ, основанным на ирреальной ситуации. Представляется, что отношения, которыми связаны ПВ и ПС фразеологизмов, будут различными для каждой из этих групп.

Отношения, связывающие ПС и ПВ единиц, задействующих образность реальных ситуаций, могут быть следующими:

1. Ситуация, лежащая в основе ПВ, представляет собой типичную ситуацию, в которой проявляется свойство, описываемое в ПС (напр. костр. *вохом. как шти пролить* ‘внезапно, неожиданно случиться чему-нибудь с человеком’; костр. *пыщ. один с Борку другой с Дорку*; костр. *окт. одна с Борку другая с веретий* ‘о людях из разных мест’).

2. Ситуация, лежащая в основе ПВ, «иллюстрирует» описываемую ситуацию, является потенциальной для проявления свойства ПС (напр. костр. *вохом. хоть яичко кати* ‘о ровной поверхности’; костр. *шар. заяц разбежится*

да *перескочит* ‘о чем-либо небольшом по размеру (зд.: компактно расположенном)’).

3. Ситуация, лежащая в основе ПВ, является причиной ситуации ПС (напр. костр. шар. *через Шпердиху ходит* ‘о долгом отсутствии того, кого ждут’; костр. окт. *боженька ночевал* ‘о хлебе с отошедшей коркой’).

4. Ситуация, лежащая в основе ПВ, является следствием ситуации ПС (напр. костр. окт. *шапка на голове не усидит* ‘о высоком лесе’).

5. Собственно метафорические отношения ПВ и ПС, сравнение характеризующей ситуации / характеризуемого объекта с иным по какому-л. параметру (сюда относятся, в первую очередь, все сравнения с местнозначимыми людьми).

ФЕ, имеющие в основе ПВ ситуацию ирреальности, представляют собой меньшую часть фразеологического фонда и могут быть классифицированы в соответствии с указанными выше четырьмя тематическими сферами.

Ситуации **темпоральной ирреальности** представлены следующими вариантами:

– указание на несуществующий период времени. Идеограмма «несуществующий период времени» имеет несколько способов выражения. В чистом виде темпоральный план выражения представлен в единице *до морковкиных заговен* ‘о неопределенно долгом сроке’ [СППП: 41], прочие же случаи носят смешанный характер, когда ирреальность временного периода выражается также через ирреальность материальную, связанную с нарушением биологических возможностей (костр. окт. *потом, когда кошка будет котом* ‘никогда’; костр. парф. *когда рак на Акуловой горе свистнет* ‘никогда’; костр. кад. *когда грибы воевали* ‘очень давно’); социальную (*при Петре-косаре* ‘очень давно или никогда’ [СППП: 60] – в данном случае, вероятно, подразумевается Петр I, подтверждением чему служит костромской вариант данной единицы: костр. вохом., пыщ., с-гал., шар. *при царе косаре*. Еще один вариант представлен в костр. вохом. *при царе Кесаре* ‘очень давно’, хотя он и обладает другой базой

ирреальности: если в первых двух случаях речь шла о несоответствии социального статуса (царь, император) действию (косьба), то здесь речь идет скорее о ирреальности, обусловленной слишком сильной давностью – если предположить, что образ, используемый в данной единице, представляет собой результат осмысления народным сознанием библейской истории);

– указание на аномальный ход времени: *на дню семь пятниц* о человеке, часто и легко меняющем свои решения [СППП: 35]); *искать вчерашний день* ‘заниматься бесполезными поисками чего-л.’ [СППП: 35]; *наказывать четвергов с неделю* ‘наговорить много’ [Прокошева: 233]; костр. окт., пав. *суббота дольше воскресенья* ‘об одежде, выступающей из-под другой, “из-под пятницы суббота”’. К этой же группе можно отнести и фразеологизм костр. пав., вохом. *чужой век жить* ‘жить больше положенного срока, который, согласно верованиям, составляет 70 лет’, где акцент смещается на аномальное «использование» времени человеком;

– указание на несоответствие факта действительности заданному времени (*в Петров день на льдине разорвало* ‘о том, чего не было, не существовало, не существует’ [СППП: 35], костр. с-гал. *муж в Петров день об лёд убился* ‘об отсутствии законного отца ребёнка’), либо несоответствие объекта темпоральной ситуации (*как ангел в отпуске* ‘беззаботно, спокойно’ [Прокошева: 14]).

Ирреальность, связанная со сферой **пространства**, предлагает следующие подгруппы:

– несоответствие места производимому действию: *достанет муку на камне* ‘очень работающий, ловкий, умелый’ [ФСРГРК: 75]; *в роту каша варится* <*в носу мухи чепутся*> ‘о косноязычии, вызванном дефектами полостей рта и носа’ [ФСРГНП, 1: 105]; *утонуть на сухом берегу* ‘надолго где-л. задержаться’ [Прокошева: 397].

– ирреальность места, связанного с совершением действия: *душа в рай бежит* ‘кто-л. испытывает приятные чувства’ [Прокошева: 114]; *проспать Царство небесное* ‘не увидеть что-л. интересное, важное’⁷¹ [Прокошева: 410].

– нарушение физических законов, связанных с пространством: *скорее Печора вверх пойдет* ‘о том, что не может произойти’ [ФСРГНП 2: 288], в том числе с дальностью, удаленностью: *в Архангельске сруб рубят, а на Печору щепки летят* ‘о слухах’ [ФСРГНП, 1: 62].

Группа ирреальности в сфере **материи** является наиболее обширной. Кроме причинно-следственных связей она включает представление о свойствах и связях объектов, законах природы и т. д. Здесь можно выделить следующие подгруппы:

– несоответствие материала объекту: *с песку веревки вить* ‘заниматься бесполезным делом’; ‘энергично, интенсивно делать что-л.’ [СППП: 60]; *пожевать железного боба* ‘испытать много горя, лишений’ [СППП: 17], *дров бы съел* ‘о сильном голоде’ [СППП: 36]; *печь березовые блины* ‘бить, хлестать, пороть кого-л.’ [СППП: 17]; *хоть из березы человека теши* ‘выражение чувства отчаяния при невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из тяжелого или затруднительного положения’ [ФСРГРК: 20]; *из бревна маличку сделать* ‘о неумелом, неэкономном человеке’ [ФСРГНП, 1: 281], *из воды масло делать* ‘недобросовестно работать, стараясь получить выгоду для себя’, ‘из отходов, из остатков сделать полезную вещь’ [СРГНП, 1: 281]; *костр. шар. тянуть как из дуба масло* ‘вытягивать из человека по слову, заставлять отвечать на вопросы’. При этом своеобразная редупликация ситуации дает эффект абсурда: *подпоясавшись дубиной, подпирается ремнем* ‘о человеке, странно, несуразно одетом’ [СППП: 36].

– использование объекта в не присущей ему функции: *лаптем щи хлебать* ‘жить в нищете и невежестве’ [СППП: 49], *звонить в лапоть* ‘болтать,

⁷¹ В данном случае ирреальность места определяется на основании того, что это «место» не может быть дано в непосредственных ощущениях здесь и сейчас. Однако принимается во внимание, что для человека верующего такое место будет являться безусловно реальным.

пустословить' [СППП: 49] (ср. костр. *вохом. и в Москве в лапоть звонят* 'о ком-, чем-л. широко известном'); *вола / козла доить* 'бездельничать, праздно проводить время' [СППП: 22]; *языком бороду брить* 'проявлять остроумие, язвительность' [Прокошева: 32]. Последний случай интересен также с точки зрения развития ФЕ, где происходит разворачивание более абстрактного образа *остер на язык* в конкретную ситуацию, в которой проявляется свойство объекта.

Подвидом данной группы является класс ситуаций, чья ирреальность строится на том, что отсутствие объекта либо его дефектность не препятствуют успешному выполнению действия: *шить иголкой без ушка* 'обманывать' [Прокошева: 425]; *без весла переправить* 1. 'проявить находчивость', 2. 'перехитрить' [Прокошева: 267]; *без ниток холст сновать* 'пустословить' [Прокошева: 345] (и здесь можно обратить внимание, как красиво проявляется древнейшая языковая метафора текста как того, что соткано).

– упоминание несуществующего объекта: *только птичьего молока нет* о разнообразии, обилии чего-л. у кого-л. [СППП: 53]; *жиломустинного дегтя надо* 'о человеке, который хочет еще чего-л. исключительного' [СППП: 34], *пятое колесо в телеге* 'о малозначительном, невнимательном или мешающем в делах человеке' [СППП: 45]; *жареный петух в голову клюнул* 'кому-л. очень понадобилось что-л.' [СППП: 60]; *комара за уши тянуть* 'плохо работать'⁷² [Прокошева: 385].

– восприятие абстрактного объекта как конкретного: *душу тянуть* 'утомлять, огорчать, расстраивать кого-л.' [СППП: 38], *завязать горе веревочкой* 'перестать печалиться' [ФСРГНП, 1: 253].

– нарушение биологических законов. В данной группе самым продуктивной моделью является нарушение представлений о нормальном устройстве человеческого тела: *глядеть ротом* 'быть рассеянным, невнимательным; гла-

⁷² В данном случае можно предположить, что на образование ФЕ повлияло общенародное выражение *тянуть кота за хвост* 'медленно делать что-л.; затягивать выполнение какого-л. дела'.

зеть по сторонам, ротозейничать' [ФСРГРК: 59], *сдирать кожу с зубов* 'отбирать, лишать кого-либо последнего, единственного, самого необходимого' [ФСРГРК: 226]; *кусать себе локти* 'раскаиваться, сожалеть о чем-л.' [СППП: 50]; *выйти из своей кожи* 'взглянуть на себя со стороны, объективно оценить себя' [СППП: 45]; костр. вохом. *руки не в ту сторону смотрят* 'о неумелом человеке'. К ней примыкает модель нарушения биологических процессов: *семь отцов, восьмой батюшко* 'кто-либо не имеет, не знает своего родного отца (о внебрачном ребенке)' [ФСРГРК: 228]; *в брюхе настеган* 'проявляет ум, рассудительность с раннего возраста' [Прокошева: 233].

– нарушение свойств природных объектов: *пинать ветер* 'бездельничать, не заниматься никаким полезным делом' [ФСРГРК: 173]; *подпирать дождь* 'отдыхать на улице перед дождем' [СППП: 35]; *облака охранять* 'праздно проводить время' [Прокошева: 258].

– одновременное выполнение двух противоположных действий: *молчит да бает* 'продолжает свое дело, не реагируя на замечания' [Прокошева: 221]; *стоит да идет* 'дело не продвигается' [Прокошева: 362]; костр. вохом. *умер, а глядит / умер, да взглядывает* 'о нерасторопном, медлительном человеке'.

Ирреальность сферы **социум** занимает периферийную сферу и дает следующие группы ситуаций:

– ситуации, объективно возможные в действительности, однако совершенно неуместные с социальной точки зрения: *корову доят, а она в зеркало смотрится* 'о хорошей жизни' [СППП: 47], *выменять кукушку на ястреба* 'о невыгодном обмене' [СППП: 48]);

– совершение социальных действий субъектами, ненадлежащими субъектами (животными и вымышленными персонажами – квазиличностями; см. выше);

– ситуации, содержащие условно-мифологический компонент. Об условности здесь стоит говорить в связи с субъективностью картины мира. Для народного религиозного сознания ситуации, представленные в данных ФЕ, будут, безусловно, реальны. Но, поскольку данные «сущности» не даны нам в непосредственных ощущениях, и мы только определяем ряд событий,

фактов как косвенное проявление их существования, то с определенной оговоркой такие ситуации все же представляется возможным причислить к группе ирреальных. Речь идет о ситуациях ирреальной причины, которая основанная на мифологических представлениях: *Бог посет* 'чьи-л. дела идут хорошо' [СППП: 18], *шишко в петлю пихает* 'кто-либо совершает самоубийство' [ФСРГРК: 295]; костр. с-гал. *покойники лапты сушат*; костр. пав. *покойники сушатся на солнце* 'о дожде при солнце'

Фразеологизмы, имеющие в основании ирреальную ситуацию, относятся, согласно теории Л. И. Ройзензона, к экстралингвистическому типу фразеологизации, т. е. такому, который нельзя объяснить с точки зрения языковых законов и процессов [см. Ройзензон 1973: 93]. Однако они не являются конденсацией содержания произведений малой формы, либо былей, исторических фактов и пр. Единицы такого рода, воплощая зеркальный вариант нормы, основаны, тем не менее, на четких представлениях о ней, «переворачивание» же вызывает смеховой эффект.

Наличие вариативности ФЕ, возможности иного осмысления внутренней формы свидетельствует о важности плана выражения фразеологизма, его понятности для процесса формирования ФЕ. Так, например, в ряде случаев можно говорить о переосмыслении внутренней формы, связанной с неактуальностью идеограммы для народного сознания (напр., печор. *не у шубы рукав*; костр. *не по две горошки на ложку*) и «заменой» ее более важной.

О значимости понятной и «знакомой» внутренней формы ФЕ свидетельствует и стремление «освоить» план выражения, включая в ее состав местнозначимые реалии (напр. костр. *когда рак на Окуловой горе свистнет*).

Анализ плана выражения диалектных фразеологических единиц позволяет говорить о существовании актуальных фразеологических образов, а также о наличии ряда образных моделей, связывающих семантику с определенными сферами образности.

Глава 4. Особенности фразеологизации единиц, используемых малой социальной группой ⁷³

Чтобы проследить процесс фразеологизации в современном русском языке, обратимся к реализации этого процесса в современных социолектах. А. Ю. Ларионова определяет неформальный дискурс как «социумно специфичное творчество, имеющее в основе лингвокреативное мышление социума в отношении использования языка и актуальных содержаний, а также в отношении официальной культуры» [Ларионова 2010: 13]. Лингвокреативность социальных групп может проявляться в том числе и путем образования устойчивых неоднословных единиц, существующих в узусе той или иной группы. На важность данной языковой среды как источника пополнения фразеологического запаса языка указывают Х. Вальтер (см.: [Вальтер 2009: 9], В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина (см.: [Мокиенко, Никитина 1999]).

Хотя возникающие сочетания – это прежде всего единицы, используемые в рамках весьма узкого микросоциума и, как правило, в течение не очень продолжительного количества времени, наблюдая за речевой деятельностью представителей конкретной группы, можно увидеть некоторые особенности механизма образования фразеологизмов. Сравнение семантики таких единиц с общенародными позволяет проследить специфику тематико-идеографического заполнения и тем самым подкрепить постулат о важности идеограммы как факторе фразеологизации.

В данной главе основным материалом для исследования послужили наблюдения за устойчивыми сочетаниями, бытующими в речи двух малых социальных групп, объединенных хобби. Группа 1 существовала примерно с 2003 по 2012 гг. и объединяла людей, занимавшихся историческим фехтованием и трюковой деятельностью. Кроме того, данная группа базировалась на основе аналогичной организации, функционировавшей в 1980–90-х гг. и была

⁷³ Сбор и анализ материала осуществлялся при участии Д. Ю. Жучкова, результаты опубликованы в [Коган, Жучков 2013].

связана с нею единством руководителя и старшего помощника. Группа 2 представляет собой состав студии старинного танца (время существования – с 2009 г. по настоящее время). Участники групп были частично знакомы между собой, а два человека являлись членами обеих групп (что позволяло «переносить» устойчивые выражения из группы в группу). Материал собирался методом включенного наблюдения и интервьюирования некоторых участников групп, наиболее склонных к языковой рефлексии. Включенность в состав обеих групп позволила вести длительное непосредственное наблюдение за процессами возникновения и обкатки устойчивых единиц, снижением или активизацией их использования, а также за процессами, возникающими в ситуации, когда устойчивое выражение начинает использоваться в обеих группах. В качестве фоновых привлекались также единицы, замеченные в речи участников иных малых социальных групп, а также зафиксированные в интернет-коммуникации.

§ 1. Устойчивые выражения, используемые МСГ

Используемые в речи групп единицы представлены в таблице 1. В первой колонке содержится устойчивое выражение, дефиниция, примеры употребления в контексте. Во второй – указан источник возникновения единицы, ситуативный либо текстовой. В третьей колонке при помощи графических обозначений передается информация об особенностях функционирования выражений.

Знаки наличия / отсутствия: + «единица фиксируется в узусе группы», – «единица не зафиксирована в узусе группы»; знаки частотности в сравнении между группами: > «в данной группе единица употребляется активнее, чем в другой», < «в данной группе единица употребляется менее активно, чем в другой»; знаки динамики употребления: ↑ «со временем наблюдается рост употреблений единицы в речи группы», ↓ «со временем единица снизила активность употребления в речи группы».

Таблица 1

Устойчивые единицы, зафиксированные в речи МСГ

№	Выражение, контекст	Происхождение	Функционирование	
			Группа 1	Группа 2
1	<i>а дальше пантомима, ее не спеть никак</i> 'о чем-л. трудном для описания; о чем-л., вызывающем сильные эмоции и оттого трудном для описания' [в описании событий ролевой игры] «Вызвали мы монстра, а дальше пантомима, ее не спеть никак: мы ее на выпас повели»	Участники группы позиционируют эту единицу как цитату из книги В. Свержина, автор не помнит, где он ее слышал. Первичным источником является песня А. Розенбаума «Марк Шнейдер был маркшейдер» ⁷⁴ .	+	+
2	<i>бить себя ушами по щекам</i> 'заниматься самоуничтожением' «Так, сейчас она примется бить себя ушами по щекам, что у нее ничего не получается, делать она ничего не умеет...»	Из романа Е. Петрова и И. Ильфа «Двенадцать стульев» ⁷⁵ . Участники группы не воспринимают данную единицу как цитату, с текстом романа не соотносят.	+(!) (>)	+ (<)
3	<i>бум – It's magic</i> 'о результате, достижимом без приложения усилий, «по волшебству». «Ну, они ж как всегда хотят, чтобы танец навали и бум – It's magic, ты им танцуешь. А то, что готовиться надо, не, ерунда!»	Выражение пришло от одной из участниц фехтовальной группы, которая слышала его от своей подруги, а та, в свою очередь, от своего преподавателя английского языка.	+(!) (>)	+ (<)
4	<i>веселенький, как ситчик</i> 'саркастическое определение чего-л. веселого или кажущегося таковым' «Ну, для уличного театра вообще хорошо бы что-то смешное... а у нас оно веселенькое, как ситчик. Леся Украинка, Седокова... зашибись, как весело»	Из анекдота: Звонок в советский магазин: «Здравствуйте! А у вас ситчик есть?» – «Есть». – «А веселенький?» – «Приезжайте... обхочотесь».	+	+
5	<i>взял он шашку /саблю востру-востру и зарезал сам себя</i> 'обозначение момента в фехтовальном поединке, когда кто-либо в силу своей неопытности или из-за умелых действий оппонента попадает по себе своим же клинком'	В группе считается, что возникновение фразы ситуативно, и она была произнесена как комментарий к аналогичной ситуации участником группы каскадеров (предшествующей фехтовальной группе). Участники фехтовальной группы не знакомы с данным человеком, слышали ее только от руководителя. Изначально фраза представляет собой строку из песни, звучащей в к/ф «Чапаев» ⁷⁶ .	+	—
6	<i>витязь в шкуре неубитого медведя – целиком, но по частям</i> 'о человеке с высоким самомнением, завышенной самооценкой' «Приходил тут на днях один витязь в шкуре неубитого медведя – целиком, но по частям»	Из диалога двух участников группы 1. Представляет собой игровую контаминацию <i>Витязь в тигровой шкуре</i> и <i>делить шкуру неубитого медведя</i> .	+(!)	+

⁷⁴ Текст песни см. http://www.shansonprofi.ru/archiv/lyrics/rozenbaum/p12/rozenbaum_mark_shneyder_byil_marksheyder.html.

⁷⁵ Казалось, что в отчаянии он бьет себя ушами по щекам. [НКРЯ. Евгений Петров, Илья Ильф. Двенадцать стульев (1927)].

⁷⁶ Текст песни см. http://tekstovoi.ru/text/1598580_98457800p18319203_text_pesni_bez_nazvaniya.

7	<i>воздавать хвалу Митре / заниматься <прикладным> митрианством</i> 'выпивать' «Пока заказ доделывали, занимались прикладным митрианством, чтобы не уснуть», «Он зашел – и сразу видно: воздавал человек хвалу Митре. Совсем недавно»	В процессе написания сценария к историко-приключенческому фильму из диалога персонажей: «Они [скифы] собираются все вместе, возносят хвалу Митре и пьют вино. И решают, что им делать. А один не пьет и запоминает, что они решили. Потом с утра на трезвую голову они снова решают. И если эти два решения совпали – так и поступают». – «А если не совпали?» – «Тогда пьют по новой. Наливай!»	+(!) (>)	+ (<) 77
8	<i>горшочек, не вари</i> 'требование прекратить какой-либо процесс' «Тебе еще покидать материалов? – Нет! Горшочек, не вари, мне бы это прочитать и осмыслить!»	Фраза из русского перевода сказки братьев Гримм "Горшочек каши". Закрепилась после рассказа одним из участников фехтовальной студии истории о том, как он с несколькими друзьями-студентами на туристической базе готовил еду, варя макароны в электрочайнике. Им потребовалось уйти, и следить за едой был оставлен слегка выпивший юноша. Когда ребята вернулись, они увидели, что макароны почти сгорели, а оставленный юноша постукивает ложкой по чайнику, повторяя: "Горшочек, не вари!"	+(!)	+
9	<i>день гепарда</i> 'о дне, в который удалось сделать много дел' «У меня сегодня день гепарда: зал оплатила, свечи для бала купила, репетицию провела, за дипломом съездила»	Из рассказа одной из участниц фехтовальной группы о том, как она смотрела передачу «В мире животных», выпуск которой был посвящен антилопе, называемой Томми. Когда данная антилопа была поймана гепардом, прозвучала реплика диктора: «Да, сегодня не день Томми», что было прокомментировано участницей: «Сегодня день гепарда».	+(!) (>)	+ (<)
10	<i>зеленые тапочки</i> 'о ситуации, когда кто-л. не расслышал сказанное' «Повтори еще раз! Зеленые тапочки»; (в качестве комментария к ситуации, когда один человек не услышал другого) «Что, зеленые тапочки?»	Из фильма «О чем говорят мужчины»: «Почему, когда она из другой комнаты задает мне вопрос, вот это вот, знаешь, типа: «бу-бу-бу-бу-бу... Зеленые тапочки!? Я спрашиваю: «Что?» Она говорит: «Зеленые тапочки!» Почему она повторяет ровно то, что я слышал?! Вот эти последние два слова. Как ей это удастся, а?»	+ (<)	+ (>)
11	<i>и тут выхожу я, весь в белом</i> 'о самоутверждающемся за счет других человеке' «Слушай, вот сколько он тут ни работает, всегда и тут выхожу я, весь в белом»	Из анекдота: Пришел в цирк человек с проектом нового номера. «Поднимают под купол здоровенный брезентовый мешок. Шпрехшталмейстер в него стреляет. Мешок лопается. И оказывается — он заполнен дерьмом. Шпрехшталмейстер в дерьме. Униформисты в дерьме. Оркестр в дерьме. Публика вся в дерьме. И тут выхожу я — весь в белом».	+	+
12	<i>и тут две эти жабы встретились</i> 1. 'о встрече, которая долго не могла произойти' «Мы, наверное, полгода пытались обсудить этот проект, а тут, наконец, две эти жабы встретились. Теперь могу рассказывать нормально, что будем делать»; 2. 'о похожих людях' «Смотри, какая прекрасная фотография: Глорф и Реми за шахматами. И тут две	Из анекдота: Жила-была одна принцесса, и мечтала она о том, что однажды придет прекрасный принц, который ее поцелует. Жила-была один принц, который мечтал о том, что однажды придет прекрасная принцесса и поцелует его. И вот эти две жабы встретились...	+	+

⁷⁷ При этом фраза используется без объяснительных комментариев.

	эти жабы встретились: всех окружающих должно раскатать волной пафоса»			
13	<i>играть в лошадок / игра в лошадок</i> 1. 'догонять общественный транспорт' «Кажется, наш автобус... ну что, играем в лошадок?», 2. 'успевать сделать что-либо вовремя, приложив достаточные усилия, но получив удовлетворение от результата' «Приходи в гости». — «Ааа! У меня сейчас игра в лошадок, надо срочно две статьи написать»; «Выступление через месяц. Кажется, будем играть в лошадок с реквизитом и костюмами»	Выражение возникло в ходе написания сценария к историко-приключенческому фильму. В определенной сцене главные герои молятся, чтобы Митра послал им лошадей, после чего сражаются с компанией преследующих их воинов, побеждают и забирают их коней. В конце сцены один из героев произносит: «Вот видишь, Митра всегда помогает тому, кто сам себе помогает. Мы просили Митру послать нам лошадок – и он послал нам лошадок. А мы сделали так, чтобы они остались».	+(!)	+ ⁷⁸
14	<i>искать вторую производную</i> 'повторно заливать заварку кипятком' «Ну что, свежий заварить или вторую производную найдем?»	Из диалога: «Математики!» — «Что случилось?» — «Опять вторую производную от чая устроили!»	+(!)	+
15	<i>итальянская техника</i> 'эвфемизм' «Чего у вас тут итальянская техника началась? Только что же разобрали [фигуру танца]»; «Да там полфильма итальянская техника. Я не стал досматривать»	Ситуация просмотра видео с мастер-класса участниками фехтовальной группы и комментариев во время просмотра: «Так... что я тут сделал? Ага... поймал, подкрутил и натянул, куда нужно. – Это же итальянская техника, да? – Да, итальянская техника – натянул, куда нужно!».	+(!) (<)	+ (>) (↓) 79
16	<i><быть> как та ворона</i> 'о человеке, не берегущем себя, работающем на износ, при этом стремящемся сделать все самостоятельно' «Слушай, может, ты не будешь как та ворона, и все же назначишь кого-то ответственным за буфет?»	Выражение является переработкой образа анекдота: Собрались гуси на юг. К ним подлетает ворона: «Гуси, возьмите меня с собой. Я тоже хочу в жаркие страны». – «Ворона, ты что, ты не долетишь, свалишься на середине пути». – «Ничего, я черная, я сильная, я смелая, я долечу!» Полетели, однодневный перелет, гуси сели, через час появляется ворона. Уставшая, язык на плече. Гуси: «Ворона, мы тебя предупреждали. Этот перелет – разминка, дальше хуже будет. Может, вернешься, пока не поздно?» – «Ничего, я черная, я сильная, я смелая, я долечу!» Отдохнули, собираются лететь дальше. Перелет два дня, гуси сели, через 5 часов появляется никакая ворона. Уставшая, перья в разные стороны. Гуси: «Ворона, дальше ты не протянешь, последний перелет – самый длинный, ты упадешь в воду, тебя никто вытаскивать не будет». – «Ничего, я черная, я сильная, я смелая, я долечу!» Отдохнув два дня, взлетели, летят над морем. Ворона отстала. Гуси летят три дня, прилетают, сели, отдохнули, выспались. «Ну что, помянем ворону, все-таки смелая была птица, решилась на такой перелет...» Вдруг раздается хлопанье крыльев, над самой поверхностью воды летит черная точка. Ворона долетает, в метре от берега падает в воду, гуси ее вытаскивают клювами на берег. «Ворона, ты такая молодец!	+	+ (<)

⁷⁸ Большая часть участников не знает источник фразы

⁷⁹ Изначальная высокая активность использования обусловлена совпадением с термином *итальянская техника*, обозначающим основные шаги танцев итальянского Ренессанса.

		Ты черная, ты сильная, ты смелая. Ты долетела!» – «Да. Я черная, я сильная, я смелая... Но на всю голову шибанутая!»		
17	какой заяц, какая блоха? 'о ситуации непонимания, вызванного большим объемом либо сумбурностью подачи информации' «Так, помедленнее... у меня сейчас какой заяц, какая блоха. Давай еще раз»; «Я им рассказываю, а у них — какой заяц, какая блоха»	Из мультфильма «Ух ты, говорящая рыба!» Р. Саакянца, 1983 г.	+	+
18	<быть> Кристобалем Хозевичем 'о ситуации, когда один человек успел что-либо сделать раньше, чем другой' «Я хотела ему первая доброго утра пожелать, а он опять Кристобаль Хозевич»; «Кто у нас сегодня Кристобаль Хозевич? Осип, как обычно?» (в рассуждении, кто пришел на репетицию первым); «(Участник 1) Что будем дарить Сашке? – (Участник 2) Сейчас я спрошу у его девушки. – (Участник 3) Я Кристобаль Хозевич. – (Участник 2) О, скажи тогда мне, что он сказал?»	По персонажу повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу».	+	+
19	магия добра 'о действиях, приводящих к результату парадоксальным путем, иногда граничащим с жестокостью' «Слушай, так алкоголь же расслабляет. Может, бутылка водки – и на шпагат? – Да, отлично. Магия добра в нашей жизни»; «У меня студенты что-то расслабились. Думаю, магию добра к ним какую-нибудь, что ли, применить... контрольную придумать. Ну так, перед зачетом»	Из словесной ролевой игры, в которой персонаж-маг несколько раз применял «магию добра» для лечения другого персонажа, чтобы продолжить пытки.	+(↓) 80	—
20	маленькая белая птичка 'о человеке, постоянно жалующемся на жизнь, считающем себя обиженным, обделенным' «Что, опять эта маленькая белая птичка на бал просится? Снова ведь потом станет рассказывать, какие мы злые и не пустили ее в вечернем платье»; «Понимаешь, Андрей – маленькая белая птичка. Пришел тогда на прогон, сел в угол, а потом устроил истерику, что ему ничего не понятно, даму не дали, на цыпочках вокруг не ходили».	Из анекдота: Осень, птицы улетают в теплые края, на голый ветке дерева сидит и дрожит от холода маленькая белая птичка. Мимо пролетают лебеди. Лебеди: Маленькая белая птичка, почему ты сидишь тут и не летишь на юг? Птичка: Уааа! Все летят на юг, все-то вместе, а я одна осталась, мне не с кем лететь, я тут умру. Лебеди: Маленькая белая птичка, полетели вместе с нами на юг! Птичка: Уааа! Вы-то большие, у вас крылья сильные, вы полетите, а я устану, упаду в море и умру. Лебеди: Маленькая белая птичка, мы будем останавливаться, чтобы ты смогла отдохнуть. Птичка: Уааа! Вы остановитесь и будете есть, а я устану и не смогу. Я умру от голода. Лебеди: Маленькая белая птичка, мы будем приносить тебе еду. Птичка: Уааа! Вы будете есть самое вкусное, а мне приносить остатки.	+	+

⁸⁰ Динамика употребления выражения изменилась в связи с выходом из группы участников, присутствовавших при ситуации возникновения.

		Лебеди: Так, маленькая белая птичка! Иди на ***!		
21	<i>мы кто?</i> ‘о необходимости вернуться к началу’ (как правило, вследствие запутанности) «Так, ребята, стоп, мы кто. Давайте фигуру сначала»	Из распространенного некоторое время в интернете стихотворения-«пирожка»: А сколько шпак у нас? – Четыре! А бедер? – Шесть. – А пальцев? – Сто! Давайте с самого начала: «Мы кто?»	—	+
22	<i>нелинейная геометрия</i> ‘о чем-либо, обладающем запутанной структурой’ «Я тут стала дальше читать – там какая-то нелинейная геометрия»: «Курсовичка статью принесла – нелинейная геометрия. Буду думать, как в удобочитаемый вид привести»	Вероятно, выражение является результатом совмещения переносного значения слова нелинейный ‘непростой’ и термина.	—	+
23	<i>нет земли, нет земли, нет земли – хоп!</i> <i>полный рот земли</i> ‘о большом количестве чего-л.’ «У нас с выступлениями в этом месяце опять нет земли, нет земли, нет земли – хоп! полный рот земли. Вообще не знаем, как успеть»	Участникам групп фраза известна по рассказу одного из участников группы о прыжках с парашютом. Является неточной цитатой анекдота: Самолет садится в полном тумане, командир с трудом рулит, штурман страшует... - Штурман, есть земля? - Не видно земли! Через минуту. - Штурман, есть земля? - Нет земли! Через 10 сек. - Штурман, есть земля? - Полный рот земли!	+(!)	+
24	<i>нет ножек – нет мультиков</i> ‘выражение несогласия’ «Я созвонилась с ними еще раз, и думаю: нет ножек – нет мультиков. Денег нет, про зал мнутя – нам за просто так тоже неинтересно работать»	из анекдота: Сидит мальчик-инвалид, смотрит мультики. В комнату заходит папа, включает новости. Мальчик говорит: - Папа, но я же смотрел мультики! - Ой, прости, сынок, ну подойди, переключи обратно на свой канал. - Папа, но как же я подойду, у меня же ножек нет! Папа (строго и поучительно): - Нет ножек – нет и мультиков!	+ (>)	+ (<)
25	<i>ни в чем, но с мечом</i> 1. ‘об обнаженном или не до конца одетом человеке’ «Господа, до начала двадцать минут, а вы все еще ни в чем, но с мечом»; 2. ‘о человеке с завышенной самооценкой’ «Пришел тут один, ни в чем, но с мечом, начал рассказывать, что я ему экзамен “только в зачетку проставить” должна»	Из рассказа одного из участников фехтовальной группы о полигонной ролевой игре: «Штурм в шесть утра начали, так что народ из палаток выскакивал ни в чем, но с мечом».	+(!) (>)	+ (<)
26	<i>обработать напильником</i> ‘довести какое-либо дело/мысль до конца’ (из анекдота) «Смотри: вот хорошая идея, только напильником надо обработать»; «Ну, я почти дошила костюм, только напильником обработать осталось: наметку выдернуть, пуговицы пришить...»	Из анекдота: Японцы приобрели в СССР всю документацию на выпуск нового трактора. Все по проекту, по чертежам собирают — получился танк. Ну, они обращаются к русским, мол, что за дела? Мы купили трактор, по чертежам собираем – получается танк. Им отвечают: «А вы хорошо ознакомились с документацией? Так вот, там в конце написано: после сборки – обработать напильником».	+	+
27	<i>одноразовые каскадеры</i> ‘люди, работающие в ситуации, опасной для жизни или здоровья, как правило, по причине	Возникло из рассказа о работе каскадеров.	+	+

	несоблюдения правил техники безопасности' «Нас перенесли с улицы в помещение музея, ну и неплохо, я считаю. Не будем одноразовыми каскадерами» (о танцевальном выступлении на улице при низкой температуре воздуха)			
28	<i>опишите грушевый цвет</i> 'о чем-то, что трудно описать' «У меня как обычно: есть внутреннее ощущение атмосферы, настроения, как это должно быть – но это опишите грушевый цвет: не знаю, как словами сказать»	Из ситуации, в которой один из участников фехтовальной группы пытался описать что-то, плохо поддающееся формулировкам, и в качестве примера сложного описания привел грушевый цвет.	+(!)	+
29	<i>орел наш дон Рэба</i> 'ироническая позитивная или негативная оценка человека' «Ну, как я выгляжу в этой наволочке? – «Да... орел наш, дон Рэба»	Из романа А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом».	+	+
30	<i>память как у золотой рыбки</i> 'о плохой памяти, забывчивости' «Ты помнишь, что мы в театр хотели пойти? – Блин! У меня память, как у золотой рыбки. Вообще из головы вылетело»	Один из сюжетов интернет-шоу «This is Хорошо», где обыгрывался миф о предельной кратковременности памяти золотых рыбок.	+	+
31	<i>передавать квадратный привет</i> 'передавать привет человеку, которого очень давно не видел и который должен был сделать что-либо, но не сделал' «Ну, если увидишь его – передавай квадратный привет» – «А что такое?» – «Да он пару лет назад у меня клиночки забрал – и все, так они у него и лежат»	Происхождение неясно.	+(↓)	—
32	<i>пили с графом, было хорошо</i> <я пони> 'о сильной усталости' «Слушай, я сегодня пили с графом, было хорошо, я пони: четыре пары было»; «А где Сашка? — Да она пили с графом, было хорошо. Решила, что не дойдет»	Выражение возникло в ходе городской ролевой игры в ситуации написания письма, начинающегося словами «Вчера мы пили с графом. Было хорошо. Я понимаю, что...», которую один из присутствующих прокомментировал, что после «пони...» можно поставить точку. Юмор комментария поддерживался игровым свойством игрового персонажа-графа превращать людей в животных.	+	+
33	<i>планета Шелезяка</i> <Воды нет, еды нет, полезных ископаемых нет. Заселена роботами> 'о ситуации полного отсутствия чего-л. (еды, необходимых условий, интеллектуальных способностей и т. д.)' «Ну, поскольку денег нет — в доме планета Шелезяка. Воды нет, еды нет, полезных ископаемых нет... населена роботами»; «Давай только по пути в магазин зайдем, а то у меня дома планета Шелезяка»; «У него с головой планета Шелезяка. Бесполезно разговаривать»	Из мультфильма Р. Качанова «Тайна третьей планеты».	+	+
34	<i>пойти прямо и чуть-чуть налево</i> 'эвфемизм' «Т. е. мы к ним должны приехать сами, в их гребеня, отработать мастер-класс для 30 человек и "потому что это хорошая реклама для вас" – среди домохозяйек Карасьеозерского? Да пошли они	Выражение впервые употребил один из участников фехтовальной группы; по его комментарию, фраза была написана на картинке, популярной некоторое время в Интернете, и в полном виде выглядела как «На х** – это прямо и чуть-чуть налево».	+(!)	+

	прямо и чуть-чуть налево с таким предложением!»			
35	<i>при чем тут богородская игрушка</i> ‘о ситуации непонимания; об отсутствии связи между явлениями’ «Так, подожди, при чем тут богородская игрушка? Давай по порядку»	Из ситуации, в которой человек не вовремя произнес данную реплику, рассматривая картинку на спичечном коробке. Фраза прозвучала громко и неожиданно, что вызвало смех. Возникло в период «старшего поколения» фехтовальной группы (1980-е)	+(!) (↓)	+ (<)
36	<i>птица Говорун</i> <отличается умом и сообразительностью> ‘о глупом человеке; о человеке, сказавшем что-либо неуместное (может применяться с самоиронией в тех же ситуациях)’ «Ну, и как новенький?» – «Ну... птица Говорун. Движение вообще почти не схватывает»	Источник — мультфильм Р. Качанова «Тайна третьей планеты».	+	+
37	<i>пятый копеечник в третьем ряду</i> ‘незначительный, малозаметный человек’ «Слушай, я могу прийти, но я ж пятым копеечником в третьем ряду буду, все равно на решение не повлияю»	Выражение возникло ситуативно на тренировке по лучной стрельбе, когда все время промахивающийся по мишени человек оправдал это тем, что он стреляет по пятому копеечнику в третьем ряду ⁸¹ .	+(!)	+
38	<i>разобрать</i> <и посмотреть> как и почему оно тикает ‘разобраться в функционировании чего-л. (реже – кого-л.)’ [в ситуации поручения индивидуального тренирующегося:] «Ну вот. А теперь можешь отползти с ним куда-нибудь в сторону и разобрать и посмотреть, как и почему оно тикает»; «Я тут новую версию Sound Forge установила, разбираюсь, как и почему оно тикает»	Возникновение фразы неясно. Руководитель фехтовальной группы говорит, что слышал ее от отца.	+(!) (>)	+ (<)
39	<быть> <i>растворенным в пейзаже</i> ‘о состоянии сильной усталости или задумчивости, приводящем к неадекватной реакции’ «Да я сегодня растворена в пейзаже была, не пошла на тренировку»; «Ты чего растворенная в пейзаже сидишь?»	Из песни М. Щербакова «Что такое есть я»: «Для сравнения с собой я даже зверя не подберу: слишком уж я растворен в пейзаже, особенно ввечеру».	+	+ ⁸²
40	<i>сам поехал я направо, конь налево побежал</i> / <i>поскакал</i> ‘о несогласованности движений (или шире: действий) одного или нескольких человек’ «Так, стоп! У вас тут сам поехал я направо, конь налево побежал. Еще раз разберите по тактам» [контекст 2015 г.], «Они устроили сам поехал я направо, конь налево	Из комментария на тренировке каскадеров относительно падения человека с коня, при котором человек отпустил повод, и конь убежал от него в другую сторону. Возникло в период «старшего поколения» фехтовальной группы (1980-е). Как наиболее вероятный источник следует предположить анекдот ⁸³ .	+(!) (>)	+ (<)

⁸¹ Ср., однако, построенное по этой же модели и с аналогичным значением *пятый лебедь в третьем ряду* в речи работников балета («кто из нас не думает о большой сцене и ведущих партиях? Условно говоря, никому не хочется быть пятым лебедем в третьем ряду» [<http://repinlife.ru/irina-rorova-nikto-ne-zhelaet-byt-pyatym-lebedem-v-tretem-ryadu/>]).

⁸² Большая часть участников группы не слышала эту песню.

⁸³ Также в качестве вероятного автора этой фразы указывается С. Лившин: см. <http://odessa-memory.info/index.php?id=684>. В качестве невописанной в предложение цитаты имеет довольно широкое хождение. Например: «Минус пошел на плюс, плюс на минус. По известной схеме "он повернул коня налево, а сам направо поскакал"?» (об электросхеме) [<https://forum.cxem.net/index.php?topic/214627> ремонт-светодиодного-регулируемого-светильника-для-камеры/]; «Это мы знаем. Правительство и народ. Он повернул коня налево, а сам направо поскакал!» [<https://www.facebook.com/kubanzheldormash/posts/2065563150358975/>].

	поскакал: не могут договориться, кто что делает»	– Что случилось? – сочувственно спрашивает путник всадника, поднимая того с земли в районе развилки. – Да мысли с делом разошлись. – Это как? – Да направил коня я направо, а сам налево поскакал... В современном составе групп анекдот неизвестен, фраза соотносится с ситуацией.		
41	<i>самый внимательный суслик</i> ‘о ком-л. невнимательном’ «Валька, ты самый внимательный суслик! Мы уже другое делаем»	Из анекдота: «Суслики – очень внимательные и осторожные зверьки. В летний жаркий день они выбегают из своих норок, встают в полный рост и внимательно смотрят, не ползет ли поблизости змея, не бежит ли волк, не летит ли орел... А самые внимательные получают бампером по морде».	+	+
42	<i>семь, восемь... но не пятнадцать</i> ‘о чем-либо, удовлетворяющем минимальным требованиям, но не вызывающем восторга’ «Как тебе фильм?» – «Ну... семь-восемь, но не пятнадцать. Думал, лучше будет»	Источник неизвестен. Первый употребивший выражение человек считает, что фраза является завершением анекдота, однако установить его не удастся.	+(!)	+
43	<i>сет в ширину одного кулона</i> ‘достаточно широкое построение танцоров’ «Вы чего слиплись? Постройте мне, пожалуйста, сет в ширину одного кулона»	Выражение появилось в ходе подготовки к балу, на котором один из участников танцевальной группы должен был играть хореографа с. XIX в. Кулона. На репетиции он прошел между рядами танцоров, раскинув руки в стороны, чтобы определить ширину построения. Комментируя это, один из участников группы произнес: «Единица измерения ширины сета – один Кулон». Далее выражение видоизменилось и закрепилось.	—	+
44	<i>сказать прямо в глаза прямо ртом</i> ‘сказать в лицо, при непосредственной встрече’ «Я пока вообще не представляю ничего про этот спектакль. – Давай я в воскресенье на тренировке расскажу прямо в глаза прямо ртом? Писать очень долго»	Происхождение неизвестно.	+	+
45	<i>скифский меч</i> ‘никак, ничего’ «Там сплошной скифский меч с подготовкой»	Из анекдота: Студент-историк десятый раз приходит на пересдачу, преподаватель понимает, что знания по предмету у студента отсутствуют так же, как и в первый раз, и что, если ему не поставить хоть какую-то оценку, он придет в одиннадцатый раз и в двенадцатый... Преподаватель: «Давайте договоримся: Вы отвечаете только на один вопрос, и я ставлю Вам «тройку». Как назывался скифский меч?» Студент долго думает, потом нерешительно говорит: «А никак...» Преподаватель: «Правильно! Только не «аникак», а «акинак»!»	+(!) (> 84	+(<)
46	<i>слет Василис по обмену премудростями</i> ‘собрание группой людей для совместной (как правило, интеллектуальной) деятельности, какого-л. обсуждения, обмена опытом’ «Предлагаю устроить	Мультфильм «Вовка в тридевятом царстве» Б. Степанцева, 1965 г.	+	+

⁸⁴ Активное употребление выражения поддерживалось наличием в группе юноши с прозвищем Скиф.

	слет Василис по обмену премудростями и обсудить, у кого какие проблемы с постановкой танца»			
47	<i>слишком много волос</i> ‘о ситуации непонимания; слишком большом объеме информации либо сумбурности ее подачи’ <при объяснении схемы танца> «Ааа! Слишком много волос, давай постепенно!»	Канадский сериал «Светлячок» («Firefly») 2002 г. Одним из героев является пастор, который большую часть фильма ходит с собранными в пучок волосами. В одной из сцен он предстает с распущенными волосами, которые в таком состоянии выглядят, как большой белый шар вокруг головы. Другой персонаж, психически неадекватная девушка, увидев это, с криком «Слишком много волос, я не могу это видеть» убегает.	—	+ (↓)
48	<i>советская принцесса</i> ‘человек, сильно вытягивающий шею вперед (пытаясь сделать хорошую осанку)’; ‘обозначение такой осанки’ «Вот смотрю я на их выступление и понимаю, что все как один – советские принцессы. Что вот, казалось бы, осанку не поставить нормально?»; «Игорь, не будь советской принцессой!»	Из ситуации на тренировке, сопровождаемой репликой руководителя: «Вы видели в кино советских принцесс? У них у всех шея вот так [следует изображение]»	+ (<)	+(!) (>)
49	<i>спектральные последовательности</i> ‘об излишне озабоченном, серьезном выражении лица’ «Оля, у тебя опять спектральные последовательности. Сделай с этим что-нибудь, <а то> партнер испугается»	Из комментария к видеозаписи своего танцевального выступления участника группы, имеющего математическое образование: «Ну, у меня тут и лицо... как будто я спектральные последовательности в уме рассчитываю».	—	+
50	<i>стоит, как крыло от Боинга</i> ‘стоит дорого’ «Нашла ткань для барокко классную, но стоит – как крыло от Боинга»; «Если головы [для кукол] из пластики делать, то они тяжелые слишком будут, да и стоит, как крыло от Боинга»	Происхождение неизвестно.	+	+
51	<i>сферический конь <в вакууме></i> ‘нечто умозрительное, не имеющее ничего общего с реальностью’ «Там [о проекте] пока сферический конь в вакууме. Ближе к делу станет понятно, что и как конкретно», «Они рассказывают одних сферических коней, без примеров»	Из анекдота: Один миллиардер решил разработать метод, позволяющий узнать лошадь, которая точно победит на скачках. Позвал биолога, математика и физика, дал задание, миллион долларов и год времени. Через год приходит биолог: «Ну, зная точную родословную лошади, успехи ее родителей, чем ее кормили, как лечили, я могу точно назвать максимальную скорость». Математик: «Имея точные статистические данные предыдущих забегов этих лошадей, я могу назвать приблизительные результаты этого...» Физик: «Мне нужно еще десять лет, пятьдесят миллионов долларов, несколько помощников и лаборатория, но я уже построил модель движения абсолютно упругого сферического коня в вакууме!»	+	+
52	<i>творожка нет, молочка нет...</i> <пельмени есть?> ‘об отсутствии кого-л., чего-л.’ (в ситуации малого количества людей на момент начала репетиции) «Так, что это за творожка нет, молочка нет, пельмени есть? Все в пробках стоят?»; «Можешь в магазин по пути заскочить? А то творожка нет, молочка нет, чай пить не с чем»	Из высказывания ребенка 3 лет, сына одного из участников фехтовальной группы: «Мирек, ты будешь пельмени? – Нет, я хочу творожок. – Мирек, нет творожка. – Есть... (смотрит в холодильник) Нет творожка. – Мирек, будешь пельмени? – Нет, буду молочко. – Нет молочка. – Есть молочко... (снова смотрит в холодильник) Нет молочка... Творожка нет. Молочка нет... (вздых) Пельмени есть?»	+(!)	+

53	<i>тряпки жжем, смеемся</i> ‘о совместно проводимом досуге при подготовке к выступлению и т. п.’; ‘о трюковой работе с огнем’ «Что, тряпки жжем, смеемся? – Да, два костюма раскроили, сейчас наметывать будем»; «Ну что, завтра вечером тряпки жжем, смеемся?»	Из анекдота: Участковый звонит в дверь: «Тут на вас соседи жалуются. Говорят, от вас постоянно какими-то тряпками жжеными воняет, смех непонятный доносится... Вы чем тут вообще занимаетесь?» – «Да так... Тряпки жжем, смеемся...»	+	+
54	у (кого) <i>лапки</i> ‘обозначение невозможности или нежелания сделать что-л.’ «Ребята, поставьте кто-нибудь ноут? Я не могу. – У тебя лапки? – Точно»; «Игорь, сделай ноги выверотно! – Я не могу выверотно, у меня лапки!»; «Она не может мазурку, у нее лапки»	Интернет-мем. Считается, что первоисточником послужила фотография кота с аптечкой, подписанная «Я пришел оказать вам первую помощь, только откройте аптечку сами, а то у меня лапки».	—	+
55	<i>угол Невского и Литейного</i> ‘о скоплении, столкновении людей (как правило, при движении)’ «Почему опять угол Невского и Литейного? Интервалы держите!»	Из комментария на тренировке фехтовальной группы: несколько участников группы вели тренировки по сценическому движению при киностудии, фраза была комментарием неумелых попыток начинающих актеров станцевать мазурку и столкновения пар в процессе. В полном виде фраза звучала следующим образом: «Да, так и вижу: XIX век, угол Невского и Литейного, два конных экипажа не могут разъехаться».	+((<)	+(>)
56	<i>устать, как лось-80</i> ‘о сильной усталости’ «Слушай, я устала, как лось-80. Давай в другой раз приду?»	Из ситуации: несколько участников фехтовальной группы пошли в поход. Один из юношей вызвался найти место для стоянки. Через некоторое время вернулся к оставшимся и произнес: «Уфф... набегался я, как лось... 80 ⁸⁵ ».	+((>)	+(<)
57	<i>чай с удовольствием</i> ‘чай без десерта или закусок’ «Ты чай с удовольствием будешь или чего-то дать?»	Происхождение неизвестно.	+((>)	+
58	<i>шашечки или ехать</i> ‘о нерешительности’ “Я им говорю: “Если вам уличный театр нужен, может, все же со студентами-театралами поговорить? А не со студией танца?” – “Ой, а мы что-то не очень со студенческими театрами общаемся...” Ну вот шашечки или ехать. Нужен театр, но к театралам идти – зачем?!»; «Ребята, надо вообще-то срочно решить: шашечки или ехать. Или отказываемся, или впахиваем»	Из анекдота: Подходит мужик к таксисту, смотрит на машину и говорит: “Слушай, а что это у тебя машина непонятного цвета?! И почему написано слово «ТАКСИ» неразборчиво? И почему шашечки неровно нарисованы?” Таксист: “Вам шашечки красивые или ехать нужно?”	+	+
59	<i>это были Гога и Магога, они больше не будут</i> ‘о чем-л., прекратившем свое существование или функционирование’ «Ага... это были Гога и Магога, они больше не будут... Хана чашке»; «Так, понятно. Эту фигуру мы не танцуем, а то у нас будет это были Гога и Магога, они больше не будут»	Цитата из книги М. Успенского “Там, где нас нет”: “Жихарь вынес голову во двор к самому тыну и насадил на кол – все-таки сказалась служба у князя Жупела. Рядом пристроил голову Магоги, а под ними прикрепил пергамент с надписью: ЭТО БЫЛИ ГОГА И МАГОГА. ОНИ БОЛЬШЕ НЕ БУДУТ”	+	+
60	<i>эту фигуру нельзя описать</i> ‘о чем-либо малопонятном’ «Слушай, я правда не знаю, как это объяснить... – Что, эту фигуру нельзя описать?»	Буквальный перевод фразы из танцевального учебника середины XIX в.	—	+((>)
61	<i>я сегодня за водкой не пойду, я буду спать, спать, спать...</i> ‘о намерении отдохнуть, как правило, после достаточно трудной работы’ «Так. Все. Сегодня я за	Возникновение ситуативно: фраза была произнесена во сне одним из участников фехтовальной группы во времена его детства.	+((>)	+(<)

⁸⁵ «Лось-80» – обозначение марки и объема туристического рюкзака данного юноши.

	водкой не пойду, я буду спать, спать, спать. Можно же после выступления один раз восемь часов поспать, а не чепухе, правда?»		
--	--	--	--

Таким образом, количество единиц, используемых танцевальной группой, составляет 54 единиц, а используемых фехтовальной группой – 49 единиц. Как правило, выражения, апеллирующие к прецедентному тексту, имеют хождение в обеих группах; имеющие же ситуативное происхождение заимствуются не всегда, при этом более частотным является заимствование единиц из фехтовальной группы в танцевальную (24 единицы против 1).

§ 2. Идеогаммы фразеонимикона МСГ

Фразеология исследуемых МСГ занимает следующие идеогаммы:

Время

В этой семантической группе выделяются две идеогаммы: последовательность, очередность (<быть> *Кристинианом Хозевичем*); осуществлять действие вовремя, успевать вовремя сделать что-л. (*играть в лошадок*).

Пространство

Здесь наблюдается только одна семантическая «точка», заполняемая фразеологически: ширина (*сет в ширину одного Кулона*). Данная ФЕ обозначает ширину танцевального построения (расстояние между двумя рядами людей). Теоретически можно предположить дальнейшее расширение сочетаемости и возможность контекстов типа **коридор / кухня в ширину одного Кулона*, однако в живой речи группы такие контексты пока не были зафиксированы.

Материя

Данная группа является наиболее активной во фразеобразовании МСГ. Так же, как для фразеологии литературного языка и диалекта, выделяются две подгруппы: ФЕ, описывающие «физические», несоциальные характеристики и проявления человека; и ФЕ, описывающие разного рода объекты, действия, ситуации и состояния.

Человек

– физические состояния: усталость (*устать как лось-80*);

– внешний вид: вытянутая вперед шея (*советская принцесса*); излишне озабоченное, серьезное лицо (*спектральные последовательности*); обнаженность (*ни в чем, но с мечом*);

– выпивать (заниматься [*прикладным*] митрианством / *воздавать хвалу Митре*);

– большое скопление людей (*угол Невского и Литейного*);

– невозможность / нежелание (*у (кого) лапки*);

Процессы, объекты, свойства

– результативность: довести окончательный результат до конца⁸⁶ (*обработать напильником*); результат, достигаемый без приложения усилий (*бум – It's magic*); продуктивность (*день гепарда*); отрицательный результат, отказ (*нет ножек – нет мультиков*); прекращение существования/функционирования (*это были Гога и Магога, они больше не будут*); прекращение процесса (*горшочек, не вари*);

– стоимость (*стоит, как крыло от Боинга*);

– помехи: в восприятии речи (*зеленые тапочки*); запутанность структуры (*нелинейная геометрия*);

– отсутствие (*планета Шелезяка; творожка нет, молочка нет; как скифский меч*);

– оценка качества (*семь, восемь, но не пятнадцать*); оценка эмоционального восприятия (*веселенький, как ситчик*);

– конкретные действия: догонять транспорт (*играть в лошадок*); заливать заварку повторно (*искать вторую производную*); отдых (*а я сегодня за водкой не пойду, я буду спать, спать, спать*);

– конкретные понятия (*итальянская техника; чай с удовольствием; взял он саблю востру-востру и зарезал сам себя; одноразовые каскадеры*).

⁸⁶ Не в хронологическом аспекте, а в плане целостности.

Социум

Эта группа значений также довольно широко представлена во фразеологии МСГ в силу потребности обозначать нюансы социальных отношений, действий и поведения, не всегда названные во фразеологии литературного языка. Выделяются следующие идеограммы:

– интеллектуальная деятельность: непонимание (*слишком много волос; какой заяц, какая блоха; при чем тут богородская игрушка; мы кто*); неадекватность реакции (*растворен в пейзаже*); плохая память (*память как у золотой рыбки*); понимание, осознание (*разобрать и посмотреть, как и почему оно тикает*); нечто трудное для описания (*а дальше пантомима, ее не спеть никак*); невнимательность (*самый внимательный суслик*);

– совместность: встреча, собрание (*слет Василис по обмену премудростями*); совместно проводимый досуг (*тряпки жжем, смеемся*); долгожданная встреча (*и тут две эти жабы встретились*);

– социальное поведение / речевое поведение: жалобы (*маленькая белая птичка*); комплексная оценка поведения и внешнего вида (*орел наш дон Рэба*); нерешительность (*шашечки или ехать*); сказать при личной встрече (*сказать прямо в лицо прямо ртом*); самоутверждение, завышенная самооценка (*ни в чем, но с мечом; и тут выхожу я, весь в белом*); несогласованность действий (*сам поехал я направо, конь налево побежал*);

– сходство людей в поведении, манерах (*и тут две эти жабы встретились*);

– действия, приводящие к результату парадоксальным путем, иногда жестоким (*магия добра*);

– передавать привет (*передавать квадратный привет*);

– статус (*пятый копейщик в третьем ряду; бить себя ушами по щекам*).

Также фиксируется эвфемистическое выражение (*пойти прямо и чуть-чуть налево*).

При сравнении идеограмм, заполняемых фразеологией данных МСГ, с идеограммами фразеологии общенародного языка можно выделить:

1. Идеограммы, общие для фразеологии общенародного языка и фразеологии МСГ: ‘усталость’ (*на последнем издыхании; язык на плечо – устать как лось-80*); ‘выпивать’ (*заливать за воротник; принять на грудь – заниматься прикладным митрианством / воздавать хвалу Митре*); ‘прекращение существования / функционирования’ (*кануть в Лету; накрыться медным тазом – это были Гога и Магога, они больше не будут*), ‘сходство людей в поведении, манерах’; ‘статус (низкий)’ (*пустое место; ноль без палочки; последняя спица в колесе – пятый копейщик в третьем ряду*), ‘отсутствие’ (*шаром покати – творожка нет, молочка нет; планета Шелезяка*), большое количество (*вагон и маленькая тележка; выше головы – нет земли, нет земли, нет земли – хоп!* *полный рот земли*); ‘средняя оценка’ (*серединка на половинку – семь-восемь, но не пятнадцать*); ‘довести до конца’ (*обработать напильником – довести до ума*).

2. Идеограммы фразеологии МСГ, частично соотносимые с идеограммами фразеологии общенародного языка: ‘стоимость’ – обладая значением ‘высокая стоимость’ (*стоит, как крыло от Боинга*), идеограмма соотносится с имеющейся в общенародном языке идеограммой ‘большое количество [денег]’ (*золотые горы; денег куры не клюют*); ‘самоутверждение, завышенная самооценка’ (*и тут выхожу я, весь в белом*) – частично соотносится с ‘эксплуатацией в корыстных целях’ (*сесть на голову; на чужом горбу в рай въехать*) во фразеологии общенародного языка).

В остальных случаях фразеологизмы, порождаемые МСГ, стремятся заполнить идеографические лакуны, обозначая понятия, которых нет в сетке фразеологии общенародного языка, но которые являются значимыми для данной конкретной группы: ‘совместно проводимый досуг (обычно при подготовке к выступлению)’; ‘нечто умозрительное, не имеющее ничего общего с действительностью’; ‘излишне озабоченное, серьезное выражение лица’; ‘несогласованность действий’; ‘нечто, трудно поддающееся описанию’; ‘заниматься самоуничижением’; ‘день, в который получилось успеть сделать много

дел'; 'догонять общественный транспорт'; 'успевать сделать что-л. в последний момент'.

§ 3. Происхождение и особенности функционирования выражений, используемых МСГ

С точки зрения функционирования употребляемые группой устойчивые словосочетания можно разделить на две группы: 1) специфичные для данной компании (напр. *слишком много волос*); 2) имеющие достаточно широкое распространение (хотя не повсеместное), однако осознаваемые участниками группы как маркеры принадлежности к ней (напр. *слет Василис по обмену премудростями; сферический конь в вакууме; стоять, как крыло от Боинга*).

Источниками «узкой» фразеологии могут быть прецедентный текст, как правило, знакомый членам группы, или прецедентная ситуация, участниками или наблюдателями которой были люди, входящие в группу. При этом достаточно одного участника для ввода фразеологизма в оборот.

Прецедентным текстом может служить фильм, мультфильм, книга, анекдот, песня. При этом ФЕ, в основе которых лежит текстовый источник, можно разделить на крылатые слова – закрепившиеся цитаты – и собственно ФЕ. Например, к первому типу относится выражение *какой заяц, какая блоха?*, представляющее собой цитату из мультфильма Р. Саакянца «Ух ты, говорящая рыба». К собственно ФЕ относятся единицы, возникшие в результате переработки образа или цитаты исходного текста. Примерами таких выражений могут служить *маленькая белая птичка; обработать напильником; <быть> Кристобалем Хозевичем* и др. Для ряда единиц, имеющих в своей основе прецедентный текст, наблюдается фаза их перехода из статуса крылатых слов в статус собственно ФЕ, когда данный прецедентный текст перестает ощущаться использующими, неизвестен им. Примером таких единиц может служить выражение *растворен в пейзаже*, когда для одного человека за фразой «Да я сегодня растворена в пейзаже была, не пошла на тренировку» стоит отсылка к песне М. Щербакова, но в то же время для другого в диалоге «Я посижу немного. – Что, растворена в пейзаже? Погода?» (интервал между фиксациями

реплик – около 2 лет) такой отсылки нет, поскольку данный участник группы не слышал этой песни.

Кроме того, существуют переходные случаи, когда в речи используется и цитата целиком, и сокращенный вариант, причем сокращенный вариант удобнее в использовании благодаря своей краткости, полный же вариант вызывает большее удовольствие от узнавания текста, что проявляется зачастую в хоровом завершении фразы. Примерами таких конструкций являются выражения: *планета Шелезяка <Воды нет, еды нет, полезных ископаемых нет. Заселена роботами>* (ср.: «Ну, поскольку денег нет — в доме планета Шелезяка. Воды нет, еды нет, полезных ископаемых нет... населена роботами»; «Давай только по пути в магазин зайдем, а то у меня дома планета Шелезяка»; «У него с головой планета Шелезяка. Бесплезно разговаривать»); *сферический конь <в вакууме>* (ср.: «Там [о проекте] пока сферический конь в вакууме. Ближе к делу станет понятно, что и как конкретно»; «Они рассказывают одних сферических коней, без примеров»). Это соответствует выделяемому В. М. Мокиенко процессу образования фразеологизма путем движения от большего контекста к меньшему [см.: Мокиенко 1980: 207]. Минимизируясь, оставляя только необходимую для передачи смысла часть, единица становится удобнее для использования за счет экономии речевых усилий, а также изменяет функционирование, становясь из отдельного высказывания частью предложения.

Единицы, опирающиеся на ситуацию, также могут быть разделены на цитаты и «образы ситуаций». Цитатами *suī generis* могут быть названы выражения, в точности повторяющие сказанную в определенной ситуации фразу. К «образам ситуаций» причисляются выражения, видоизменившиеся в процессе употребления и скорее напоминающие об исходной ситуации. Таким образом, использование и адаптация устойчивых выражений, исходно являющихся крылатыми словами, и выражений, возникших ситуативно, идут одинаковым путем.

К цитатам относится выражение *творожка нет, молочка нет... <пельмени есть?>*, являющееся дословным воспроизведением реплики ребенка одного из участников группы, сказанной в ответ на вопрос, что он будет есть.

Во вторую группу (ФЕ, «напоминающие о ситуации») можно включить, например, *спектральные последовательности; играть в лошадок / игра в лошадок; искать вторую производную* и др.

Как правило, фраза или диалог, сопровождающие событие, являются комическими, иногда строятся на языковой игре, а также часто несут мощный заряд личного отношения. При этом человек может употреблять фразу и не являясь свидетелем сцены, ее породившей (напр., в группе 2 довольно активное употребление получило выражение *угол Невского и Литейного*, при том, что свидетелем ситуации возникновения фразы был один из участников группы).

Наблюдения показывают, что больший шанс на закрепление имеют выражения, употребляемые человеком с высоким статусом (официальным или неофициальным) внутри группы. При прочих равных условиях именно его слова останутся в памяти, а не тут же забыты. Кроме того, человек, имеющий более высокий статус, оказывается, как правило, наиболее эрудированным, имеющим более широкую культурную базу, к которой он может обращаться при цитировании.

Иногда в случае ухода участника из группы устойчивые фразы, введенные им в речь группы, начинают употребляться реже. Это связано, как представляется, со следующими факторами: во-первых, исчезает активный носитель данных фраз; во-вторых, срабатывает личностный фактор: если сначала фразы произносятся, чтобы отметить свою причастность данному человеку, обозначить факт знакомства с ним, то затем это становится неактуально.

Однако для «фразеологического фонда», используемого группой, можно отметить и момент межпоколенческой передачи. Если группа объединена личностью лидера и общностью цели, а состав группы является «текучим», посте-

пенно сменяющимся, то среди устойчивых сочетаний, используемых на современном этапе существования группы, встречаются, в том числе, и такие, которые были порождены (либо активно использовались) предыдущими «составами». При этом люди разных поколений могли быть не знакомы друг с другом, ФЕ же передавались через руководителя. В наблюдаемых группах к числу таких выражений относятся, например, *сам поехал я направо, конь налево побежал; при чем тут богородская игрушка*. При передаче единицы, как правило, уходит знание о ситуации появления выражения, пропадает отсылка к факту действительности. Таким образом, на первый план выходит образ, закреплённый в выражении, и значение, им передаваемое. Например, в силу яркости и понятности образа закрепились ФЕ *угол Невского и Литейного*.

Если наблюдать за процессами, происходящими во фразеологии, используемой МСГ, то можно отметить следующее:

1. «Миграции» ФЕ из языка одной группы в другую. Как правило, один человек является участником нескольких малых групп. Наблюдение за группами показало, что достаточно одного – двух человек, чтобы «перенести» фразеологизм. Причем данное правило справедливо в том числе для ФЕ, основанных на ситуациях, каковые начинают употребляться группой, не присутствовавшей при их возникновении (*угол Невского и Литейного; пили с графом, было хорошо <я пони>*).

2. Устойчивые выражения, используемые МСГ, в некоторых случаях отличаются от «традиционных» ФЕ синтаксическим употреблением: многословные единицы, являющиеся цитатами по происхождению, порой не тяготеют к сокращению, а также сохраняют неизменность грамматики, входя при этом в состав предложения. Ср.: «Приходил тут на днях один *витязь в шкуре неубитого медведя – целиком, но по частям*»; «У нас с выступлениями в этом месяце опять *нет земли, нет земли, нет земли – хоп!* полный рот земли. Вообще не знаем, как успеть» и др. Вероятно, это связано с тем, что данные выражения еще слишком близки крылатым словам, для которых важна сохранность тек-

ста-источника, близость к цитируемому оригиналу. Однако в таком виде выражения воспроизводятся и теми участниками групп, которые не присутствовали при исходной ситуации употребления выражения и знакомы с ней в лучшем случае в пересказе либо не знакомы вовсе. Другой причиной является, как кажется, сама структура таких выражений: сохраняют свою синтаксическую громоздкость, как правило, те выражения, «соль» которых заключается в концовке и усечение которых привело бы к потере выразительности, экспрессивности.

4. Со временем наиболее устойчивые единицы начинают менять значение, постепенно расширяя его и становясь «полноценными» фразеологизмами, в которых описание частной ситуации становится репрезентантом целого класса ситуаций (так, например, выражение *творожка нет, молочка нет... пельмени есть?* стало сначала обозначать ситуацию отсутствия еды, а затем ситуацию отсутствия вообще чего-либо или кого-либо: «Заходишь в аудиторию, а там творожка нет, молочка нет... пельмени есть?» — об отсутствии людей).

5. Большей устойчивостью обладают единицы, опирающиеся на реальную ситуацию — хотя бы даже и пересказанную участникам группы, — в то время, как сочетания, «взятые» из кино-, мульт- или книжных текстов составляют менее устойчивую, довольно «текучую» группу, в которой в разные периоды времени возникают новые единицы, а старые постепенно стираются и уходят из употребления. Можно объяснить это, по-видимому, тем, что именно ФЕ, основанные на прецедентных ситуациях, являются уникальными для данной группы и более эффективно выполняют, таким образом, функцию выделения узкой социальной группы и работы ее речевым маркером.

Единицы, составляющие фразеологический фонд группы, образуют системные отношения. Можно отметить случаи синонимии: *ни в чем, но с мечом* — *рыцарь в шкуре неубитого медведя, целиком, но по частям; какой заяц, какая блоха?* — *причем тут богородская игрушка?*; *устать, как лось-80*; — *Пили с графом, было хорошо; Я пони*; антонимии: *маленькая белая птичка* — *как та*

ворона. Можно утверждать, что фразовый набор группы представляет собой именно устойчивую систему, члены которой связаны особыми отношениями.

Характерной особенностью устойчивых выражений, используемых группой, является комплексность их семантики. Значение включает множество оттенков передаваемого смысла, учитываются нюансы ситуации употребления. Например, для выражения *тряпки жжем, смеемся* значимыми являются следующие параметры: 1) осознанная неважность занятия с общепринятой точки зрения; 2) тот факт, что данное дело выполняется вместо «значимого», занимает ресурс времени и усилий, которые могли бы, с точки зрения большинства, быть потрачены более целесообразным образом (например, шить костюмы вместо того, чтобы спать или заниматься подготовкой к работе); 3) удовольствие, получаемое от процесса.

Кроме того, фразеологизмы выступают маркерами, демонстрирующими общий уровень эрудиции и образованности (источники цитирования могут свидетельствовать о культурных ориентирах группы), а также идентификаторами для системы «свой–чужой». Невозможно встроиться в группу, не освоив хотя бы базовый набор фразеологизмов, в то время как знание некоторых, не очевидных для большинства выражений (как правило, представляющих собой цитаты из прецедентных текстов), автоматически располагает к себе.

С точки зрения бытования выражения можно выделить различные степени абстрагирования его от конкретной ситуации, т. е., по сути, можно выделить ступени фразеологизации единицы:

1. Выражение четко соотносится с ситуацией, значение совпадает с изначальным или близко ему: *какой заяц, какая блоха?*; *слет Василис по обмену премудростями*; *устать / набегаться как лось-80* и др.

2. Выражение соотносится с ситуацией, и это соотнесение является важным для понимания значения, но сфера употребления расширяется, семантика несколько меняется: *планета Шелезяка* <Воды нет, еды нет, полезных ископаемых нет. Заселена роботами>; *птица Говорун* <отличается умом и сооб-

разительностью... умом и сообразительностью>; <после сборки> обработать напильником; как та ворона; сферический конь <в вакууме>; сам поехал я направо, конь налево поскакал.

3. Значение выражения слабо соотносится с ситуацией, не соответствует изначальному: *пили с графом, было хорошо... я пони; слишком много волос; тряпки жжжем, смеемся; воздавать хвалу Митре / заниматься <прикладным> митрианством; игра в лошадок / играть в лошадок и др.*

4. Выражение не соотносится с ситуацией, поскольку нет ее участников, т. е. оно становится полностью языковым фактом. Образность такой единицы не имеет реальной для участников группы соотнесенности с действительностью, важен образ либо языковые качества фразы. Часто в данную группу входят выражения, присущие «старшим поколениям» компании, либо другой компании (через одного или нескольких людей, являющихся «передаточными звеньями»). Таким образом, они проходят своеобразный фильтр. В активном употреблении закрепляются фразеологические единицы, обозначающие наиболее значимые идеограммы, а также имеющие понятный образ либо яркое языковое воплощение (данные единицы могут возникать в условиях, известных участникам группы, однако соотнесение с ситуацией не будет релевантным для их понимания): *при чём тут богородская игрушка?; семь, восемь... но не пятнадцать; передавать квадратный привет; пятый копейщик в третьем ряду; бить себя ушами по щекам; растворён в пейзаже и др.*

Первую и вторую группы составляют, в большей массе, выражения, являющиеся по происхождению цитатами, в то время как к третьей-четвертой группам относятся ситуативные по своему генезису выражения. Данное соотношение подтверждает тенденции, существующие в традиционной фразеологии, где для крылатых слов также важна соотнесенность с текстом-источником, фразы же, основанные на ситуации – реальной или вымышленной – стремятся к отрыву от исходной конкретики и расширению значения. Если рассматривать «буквальные» ситуации, лежащие в основе фразеологизмов, то

следует отметить, что большая их часть стремится к опоре на потенциально реальную ситуацию в плане образности.

Для закрепления употребления в речи выражений из данной группы важны три характеристики: авторитетность человека, инициировавшего употребление фразы, языковые свойства выражения и красочность описываемой ситуации.

Красочность ситуации и языковые свойства выступают, как правило, в комплексе. При этом фраза закрепляется, если она либо точно маркирует ситуацию, либо «парадоксальна», является неожиданной, на первый взгляд не соответствует ей (*слишком много волос*). Значимыми для закрепления фразы в качестве ФЕ языковыми свойствами являются: а) интонация (*творожка нет, молочка нет... пельмени есть?*); б) языковая игра (так, например, *ни в чём, но с мечом* строится на рифме, *витязь в шкуре неубитого медведя, целиком, но по частям* – на отсылке к названию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре, *нелинейная геометрия* – на переосмыслении *нелинейный* как ‘сложный, запутанный’).

Выводы по четвертой главе

В процессе фразеологизации язык движется от достаточно полного описания ситуации (или указания на нее) к компрессии образа. Одновременно происходит абстрагирование выражения, благодаря уходу от конкретики становится возможным его употребление в большем количестве ситуаций, идет расширение семантики, а также изменяются грамматические характеристики. Таким образом, устойчивое выражение все больше начинает удовлетворять параметрам фразеологизма в традиционном его понимании. Так, например, путем переработки финальной реплики анекдота возникло выражение *как скифский меч* ‘никак’ [основой является созвучие названия данного меча *аки-нак* и фразы *а никак*]. Далее оно существовало в функции устойчивого ответа на вопрос «как?»; затем утрата сравнительного союза привела к возможности

использования выражения в качестве члена предложения: «Там сплошной скифский меч с подготовкой».

Одной из базовых установок малой МСГ, побуждающих к продуцированию устойчивых образных высказываний представляется стремление к языковой игре, смеховому началу речи. Т. А. Гридина, выделяя факторы креативности языкового мышления, отмечает «1) “оригинальность” – способность продуцировать отдаленные ассоциации; 2) “семантическую гибкость” – способность выделить функции объекта и предложить его новое использование; 3) “образную адаптивную гибкость” – способность изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности; 4) “семантическую спонтанную гибкость” – способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации» [Гридина 1996: 12]. Данные факторы проявляются и при образовании единиц, используемых МСГ.

Другой важной особенностью языка МСГ является установка на обособленность, относительную «закрытость», приводящая к формированию устойчивых выражений, понятных только для участников группы, являющихся своеобразными маркерами включенности в нее. На такую функцию фразеологии в целом указывает В. Хлебда, отмечая, что «фразеология участвует в формировании индивидуальной и коллективной идентичности»⁸⁷ [Chlebda 2011: 21], однако в отношении устойчивых выражений, используемых МСГ, эта потребность идентификации, как кажется, возведена в квадрат. Несмотря на отсутствие стремления к зашифрованности информации, готовность участников группы объяснять значения выражений и историю их возникновения, все же многие единицы являются непонятными по значению и «темными» по происхождению, не вычисляемыми интуитивно для людей, не входящих в группу. Это свойство можно отметить как уникальное для фразеологии МСГ, по-

⁸⁷ «...phraseology participates in the formation of individual and collective identity».

скольку для ФЕ диалекта или литературного языка кажется более свойственной их интуитивная понятность (в большей или меньшей степени), даже если человек впервые сталкивается с данной единицей.

Заключение

Основными факторами, влияющими на фразеологизацию неоднословного образного выражения, представляются:

1. Востребованность социумом идеограммы, передаваемой посредством ФЕ. При этом набор идеограмм, относящихся к тематическим сферам «Время» и «Пространство» во многом идентичен для всех трех форм существования языка, в сферах «Материя» и «Социум» фразеологическая идеография общенародного языка отличается стремлением к большей абстрактности и нематериальности, в то время, как диалект и язык МСГ стремятся также к заполнению идеограмм, обозначающих объекты материального мира (напр., «непротопленная печь», «туман» – для диалекта, «чайная заварка, заваренная повторно» – для МСГ). Также в силу комплементарного характера фразеологии МСГ, при котором она стремится скорее дополнять идеограммы, не представленные во фразеологии общенародного языка (носителями которого являются участники групп), идеограммы, заполняемые ею, являются более комплексными и с точки зрения компонентов значения, и с эмоционально-оценочной точки зрения.

Наличие идеограмм, общих для всех форм существования языка, а также возможность выделить единые тематические пласты, членимые разными «фразеологиями» чуть отличными способами (напр., *количество* или *социальный статус* для фразеологии литературного языка и диалекта) позволяет утверждать значимость идеограммы как фактора, влияющего на фразеологизацию выражения.

2. Понятность внутренней формы, удобство и узнаваемость образа ситуации, при помощи которой происходит фразеологическая номинация. В случае фразеологии МСГ или диалекта такая ситуация может быть темной и непонятной для человека со стороны, но она в той или иной мере является знакомой для участников группы.

Ситуации, лежащие в основе образности фразеологизма литературного языка или диалекта, можно разделить на реальные и ирреальные. Между ПВ и

ПС фразеологизмов, основанных на реальных ситуациях, могут возникать следующие отношения: 1) ситуация, лежащая в основе ПВ, представляет собой типичную ситуацию, в которой проявляется свойство, описываемое в ПС; 2) ситуация, лежащая в основе ПВ, «иллюстрирует» описываемую ситуацию, является потенциальной для проявления свойства ПС; 3) ситуация, лежащая в основе ПВ, является причиной ситуации ПС; 4) ситуация, лежащая в основе ПВ, является следствием ситуации ПС (напр. костр. окт. *шапка на голове не усидит* 'о высоком лесе'); 5) собственно метафорические отношения ПВ и ПС, сравнение характеризуемой ситуации / характеризуемого объекта с иным по какому-л. параметру. Ирреальные ситуации представляют собой «выворачивание» нормы (в разных тематических сферах) для описания ситуаций, вызывающих эмоционально-экспрессивную реакцию, воспринимаемых также как не-норма.

В случае фразеологии МСГ такое деление ситуаций ПВ на реальные и ирреальные следует проводить с осторожностью, поскольку многие из устойчивых единиц являются по своему происхождению крылатыми словами, присущими той или иной группе, следовательно, в этом случае речь идет о третьем типе образности, при котором за кратким высказыванием стоит образ всего прецедентного текста.

3. Синтаксическое удобство формы. При том, что устойчивые единицы в речи МСГ отличаются «многословностью» и стремлением к воспроизведению в полном виде, все же следует отметить существование тенденции к сокращению ряда единиц при расширении значения и сочетаемости. В случае литературного языка и диалекта средняя длина ФЕ составляет 3 знаменательных слова, в случае же пятисловных единиц возможно образование усеченных вариантов (напр., *семь верст до небес* <и все лесом> – для литературного языка; *идти как рубль пять* <два десять> – для диалекта). Следует отметить и противоположную тенденцию – расширения слов и сравнительных оборотов до такого же объема, по-видимому, для усиления выразительности (диал. *дура из Кунгура*; *тупой, как пензенский валенок*; *в Сочи на две ночи*; *путо в лапти*

обуто и т. д.). Часто такое расширение происходит за счет рифмы, что также обогащает экспрессивность единиц.

Также для диалектных и литературных ФЕ можно выделить определенную “модельность”, наличие некоторого количества устойчивых структур, обладающих схожим значением. По-видимому, это связано с более развитым и отработанным узусом, выражения с которым передаются межпоколенчески и обладают большей традицией. Для фразеологии МСГ такое явление не характерно в силу прежде всего существенно меньшего ее объема, времени существования группы и уникальности каждой единицы самой по себе, а также определенной «неповторимости» истории ее возникновения.

4. Факультативным фактором является элемент языковой игры, проявляющейся, как правило, в отсылке к уже существующей языковой единице (напр. *женить* ‘разбавить напиток водой’ > костр. *выдать дочку взамуж* ‘развести водой молоко’) или тексту (напр. *витязь в шкуре неубитого медведя*).

5. Для фразеологии диалекта и МСГ факультативным фактором становится также акцент на «освоенности», выделении при помощи фразеологических единиц себя как группы в противовес социуму в целом. Для диалекта он проявляется во включении во ВФ единиц местнозначимого антропонимического или топонимического компонента, которые могут делать единицу понимаемой только для жителей определенного округа (типа костр. пыщ. *через Дор на Плаксино*), либо добавляются, по-видимому, сугубо для удовольствия узнавания близких реалий (напр. костр. парф. *когда рак на Акуловой горе свистнет*). Для фразеологии МСГ такое «освоение» происходит через закрепление реплик значимых для данной группы людей, воспроизводя которые участник как бы подчеркивает свою причастность данной группе и данному конкретному человеку. Такая установка, по-видимому, имеет общезыковой, а не только фразеологический характер. М. Э. Рут отмечает подобные тенденции для образной номинации: «для крестьянина основной оказывается ориентация на собственный опыт, у испытуемых [современных городских жителей] – на

чужой, совокупное знание, которое усвоено не в процессе личной деятельности, а опосредованно, через те или иные средства информации. Если для номинатора-крестьянина характерна установка на традицию, для испытуемых – на ее нарушение, поиск нового, нестандартного» [Рут 2008, 158].

На основании проведенного анализа фразеологической идеографии общенародного языка и диалекта можно констатировать существование довольно большого количества семантических моделей, образованных наличием определенной взаимосвязи между идеограммой и образным планом ее номинации. О наличии номинативных моделей во фразеологии говорят В. М. Мокиенко [Мокиенко 1980: 43], И. Ю. Третьякова [Третьякова 2009] и др., изучение фразеологизмов, относящихся к разным идеографическим сферам, позволяет утверждать, как кажется, системный характер «модельности» фразеологии.

На основании анализа устойчивых единиц, функционирующих в речи МСГ, а также ряда диалектных единиц представляется возможным выделить следующие этапы фразеологизации:

1. ФЕ близка по семантике исходному выражению, становящемуся ее основой. Базовая ситуация предельно понятна носителям, «переносность» значения практически отсутствует.

2. Ситуация, лежащая в основе ПВ, четко прочитывается в семантике выражения, но сфера его употребления расширяется.

3. Исходная образность по-прежнему понятна, но значение единицы уже интуитивно не выводится из нее.

4. Выражение не соотносится для носителей с какой-либо ситуацией и продолжает использоваться в силу закрепленности в узусе, традиции употребления.

Общей тенденцией, характерной для закрепления ФЕ в языке является ее абстрагизация, движение от обозначения конкретной ситуации к обозначению ее признака, который может быть распространен на класс типовых ситуаций.

Рекомендации и перспективы исследования представляются продуктивными в следующих направлениях: а) привлечение материала других языков с целью выявления общих и уникальных идеограмм, способов членения

идеографических сфер, а также семантических моделей; б) анализ фразеологических модификаций в текстах разного плана (авторские фразеологические модификации в текстах художественной литературы, языковая игра и изменения формы и семантики ФЕ в публицистических текстах и т. д.), что, как кажется, позволило бы выявить, какие устойчивые единицы наиболее склонны к модификациям, какие свойства единиц к этому располагают, а также какие типы изменений возможны; в) проведение лингвистического эксперимента по созданию фразеологизмов, с целью проверки, является ли актуальной для сознания современного носителя языка традиционная образность, а также какие структурные модели фразеологизмов являются наиболее активными в процессе фразеобразования.

Обращение к ненормированному языковому материалу при анализе фразеологии представляется продуктивным, поскольку позволяет наблюдать разные степени закрепления ФЕ в узусе, вариативность функционирования, взаимодействие с литературным языком. Дialectный и социолектный материал дают представление о разных особенностях и разных механизмах закрепления ФЕ. Если диалектная фразеология исторически формируется во многом параллельно с фразеологией литературного языка, то социолектная скорее дополняет ее, возникая позднее. При этом связь между участниками социальной микрогруппы основана на иных параметрах, нежели между теми, кто входит в территориально выделяемую группу людей (жители одной деревни, одного сельсовета и т. п.) в силу объединенности общим делом, интересами, а не бытовыми условиями, что также влияет на особенности фразеологизации. Однако сравнительный анализ фразеологического материала всех трех форм существования языка позволяет, как кажется, говорить об универсальных факторах, влияющих на закрепление неоднословного устойчивого образного выражения в языке.

Список литературы

Исследования

1. *Авалиани Ю. Ю.* Некоторые вопросы современной фразеологии / Ю. Ю. Авалиани, А. М. Эмирова // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Материалы межвуз. симпозиума (1968). Тула, 1972. – Вып. 2 : Ответы на вопросы анкеты. – С.121–126.
2. *Авалиани Ю. Ю.* Слово – фразеологизм – контекст / Ю. Ю. Авалиани // Вопросы фразеологии : Ученые зап. СамГУ. Новая серия. – Самарканд, 1972. – Вып. 219, ч. 1. – С. 166–172.
3. *Авдеева О. И.* Особенности вербализации культурного концепта онимами в составе фразеологических единиц / О. И. Авдеева // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. тр. по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 года). – Белгород : ООО «Эпицентр», 2019. – С. 187–189.
4. *Акбаева О. В.* Фразеосхема «Ну не + N1!»: системные и речевые свойства / О. В. Акбаева // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2016. – № 2. – С. 16–23
5. *Алексеев М. А.* Человек в русской диалектной фразеологии : Словарь / М. А. Алексеев, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова. – Москва : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – 238 с. – ISBN 5-902638-03-8.
6. *Алефиренко Н. Ф.* Когнитивная метафора и фраземосемиозис / Н. Ф. Алефиренко, И. А. Аглаев // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф. Белгород, 19–21 марта 2013 г. – Белгород, 2013. – С. 29–32.
7. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Элпис, 2008. – 272 с. – ISBN 978-5-902872-16-0

8. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология и паремиология : Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 344 с. – ISBN 978-5-9765-0838-5 (Флинта); 978-5-02-037160-6 (Наука).
9. *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 208 с.
10. *Андреев В. К.* Фразеология новых молодежных субкультур / В. К. Андреев // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : Материалы Междунар. науч. симпозиума. 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009а. – С. 301–304.
11. *Андреев В. К.* Фразеология новых корпоративных языков: темы и образы // В. К. Андреев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. – № 7(41). – С. 65–69.
12. *Андрейченко О. И.* Концептосфера «труд» в русской фразеологии: когнитивный аспект // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. – Тула : ТПО, 2018. – С. 42–47.
13. *Аркадьева Т. Г.* Фразеологизмы и синтаксические клише / Т. Г. Аркадьева, В. П. Проничев // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : Материалы Междунар. науч. симпозиума. 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 34–36.
14. *Артемова О. А.* Фразеологическая репрезентация результатов концептуализации пространства в белорусском и английском языках / О. А. Артемова // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф. Белгород, 19–21 марта 2013 г. – Белгород, 2013. – С. 390–396.
15. *Архангельская Ю.* Трансформация фразеологических единиц как средство выражения иронии в дискурсе Л. Толстого / Ю. Архангельская //

- Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. – Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64). №2 (1). – С. 167–173.
16. *Архангельский В. Л.* О задачах, объектах и разделах русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. Л. Архангельский // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Материалы межвуз. симпозиума (1968). – Вып. 2: Ответы на вопросы анкеты. – Тула, 1972. – С. 155–194.
17. *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
18. *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Ленинград : Наука, Ленинградское отд-е. – 1970. – 261 [2] с.
19. *Баранов А. Н.* Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : Знак, 2008. – 656 с. — (Studia philologica / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова). – ISBN 5-9551-0235-3 (В пер.).
20. *Баранов А. Н.* Принципы семантического описания фразеологизмов / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 21–34.
21. *Баранов А. Н.* Семантика фразеологизмов: иерархия или сеть? / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По мат-лам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). – Вып. 9 (16). – Москва : Изд-во РГГУ, 2010. – С. 25–29.
22. *Белобородова А. В.* Вариативность фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «безразличие» в русском и английском языках / А. В. Белобородова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2009. – №1 (3). – С. 27–29.

23. *Белянин В. П.* Фразеология подростков как языковая субкультура / В. П. Белянин // Фразеология в контексте культуры. – Москва : «Языки русской культуры», 1999. – С. 114–117.
24. *Береговская Э. М.* Фразеологизмы аргоса как специфический взгляд на мир / Э. М. Береговская // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 108–113.
25. *Березович Е. Л.* «Что едим, так и жить живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка / Е. Л. Березович, К. В. Осипова // Антропологический форум. – 2014. – № 1 (20). – С. 218–239.
26. *Березович Е. Л.* Берестяная рожка и берестяные глаза: этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам / Е. Л. Березович // Slavische Geisteskultur : Ethnolinguistische und philologische Forschungen. – Frankfurt am Main, 2016. – Teil. 1. – С. 57–81.
27. *Березович Е. Л.* Библийские «локативы» в народной языковой картине мира (на материале русской диалектной лексики и топонимии) // Е. Л. Березович, И. В. Родионова // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. трудов / Гос. комитет Рос. Федерации по высшему образованию, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; [отв. ред. М. Э. Рут]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. – Вып. 1. – С. 21–36.
28. *Березович Е. Л.* К понятию «языкового мифа» / Е. Л. Березович // АБ-60: сборник к 60-летию А. К. Байбурина. – СПб : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – Вып. 4. – С. 177–187.
29. *Березович Е. Л.* Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики / Е. Л. Березович // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / [отв. ред. М. Э. Рут]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 25–52.
30. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. – Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – 488 с. – ISBN 978-5-91244-133-2.

31. *Блинова Е. В.* Активные процессы образования слов-символов на базе паремий в художественном тексте / Е. В. Блинова // Информационный потенциал слова и фразеологизма: сб. ст. – Орел, 2005. – С. 154–156.
32. *Блок А. А.* Поэзия заговоров и заклинаний / А. А. Блок. – Litres, 2017. – URL: <https://books.google.ru/books?id=ScCmAAAAQBAJ&hl=ru> (дата обращения: 18.06.2020).
33. *Блохина Н. Г.* Фразеологические единицы: их значение, форма и функция / Н. Г. Блохина // Информационный потенциал слова и фразеологизма : сб. ст. – Орел, 2005. – С. 15–18.
34. *Боброва М. В.* К проблеме определения компаративных оборотов как фразеологических / М. В. Боброва // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып. 4(20). – С. 22–28.
35. *Божко Н. А.* Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой : спец. 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Божко. – Тюмень, 2015. – 24 с.
36. *Бондаренко В. Т.* Лексическое варьирование устойчивых фраз на основе эвфемизации и дисфемизации / В. Т. Бондаренко // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 205–207.
37. *Бондаренко В. Т.* О мобильности и динамизме устойчивых фраз в русской речи / В. Т. Бондаренко // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского ун-та (Казань, 4–6 октября 2004 г.) : Труды и мат-лы: / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань : Изд-во Казан. Ун-та, 2004. – С. 48–50.
38. *Бондаренко В. Т.* Устойчивая фраза и контекст / В. Т. Бондаренко // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : Мат-лы Междунар. науч. симпозиума. 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 13–16.

39. *Борисова Е. О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дисс. ...канд. филол. наук / Е. О. Борисова. – Екатеринбург, 2016. – 306 с.
40. *Брагина Н. Г.* Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) / Н. Г. Брагина // Фразеология в контексте культуры. – Москва : «Языки русской культуры», 1999. – С. 131–138.
41. *Вакуленко Д. А.* О языковом статусе и речевых свойствах фразеосхемы «Чтоб + v finit (пр. В.)!» / Д. А. Вакуленко // Уральский филологический вестник. – Серия: Психолингвистика в образовании. – 2014. – № 2. – С. 120–129.
42. *Вальтер Х.* Процессы неологизации в современной русской и славянской фразеологии / Х. Вальтер // Przegląd Rusycystyczny. – Katowice, 2008. – № 4(124). – С. 27–39.
43. *Васильев А. И.* Вопросы фразеологизации в синхроническом и диахроническом аспектах / А. И. Васильев // Вестник Московского государственного открытого педагогического университета им. М. А. Шолохова. – Серия: Филологические науки. – 2011. – № 2. – С. 68–73.
44. *Васильев В. А.* Обойти всю Русу и Ладогу / В. А. Васильев // Русская речь. – 2008. – № 2. – С. 94–101.
45. *Величко А. В.* Синтаксические фразеологизмы в языковой картине мира / В. А. Величко // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. тр. по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 года). – Белгород : ООО «Эпицентр», 2019. – С. 386–390.
46. *Верецагин Е. М.* Язык и культура. Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верецагин, В. Г. Костомаров. – Москва : «Индрик», 2005. – 1040 с. – ISBN 5-85759-289-5 (в пер.).

47. *Ветров П. П.* Прецедентность как существенный фактор становления и консервации фразеологических единиц в китайском языке / П. П. Ветров // Информационный потенциал слова и фразеологизма : Сб. ст. – Орел, 2005. – С. 26–30.
48. *Вильк Г.* Лингвокультурные особенности русских и польских устойчивых сравнений, характеризующих трудовую деятельность / Г. Вильк // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллектив. моногр. / Отв. ред. В. М. Мокиенко. – СПб., Грейсфальд, 2016. – С. 118–124.
49. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – Москва : Наука, 1977а. – С. 140–161.
50. *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – Москва : Наука, 1977б. С. 118–139.
51. *Высочаньски В.* Когнитивно-этнолингвистические предпосылки в исследовательских подходах сравнительной фразеологии / В. Высочаньски // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : Мат-лы междунар. науч. конф. – Тула : ТПО, 2018. – С. 348–354.
52. *Гаврин С. Г.* Заметки по теории фразеологии / С. Г. Гаврин // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Мат-лы межвуз. симпозиума (1968). – Вып. 2 : Ответы на вопросы анкеты. – Тула, 1972. – С. 127–142.
53. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – Москва : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
54. *Голованова Е. И.* Фразеологизм как особый тип терминологической номинации / Е. И. Голованова // Термінологічний вісник. – 2013. – Вип. 2(1). – С. 56–66.
55. *Гридина Т. А.* Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119–131.

56. *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. ГПИ, 1996. – 214 с. – ISBN 5-7186-0102-X.
57. *Дехнич О. В.* Идиома, идиоматика и прозрачность внутренней формы / О. В. Дехнич // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : Сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф. Белгород, 19–21 марта 2013 г. – Белгород, 2013. – С. 53–57.
58. *Дидковская В. Г.* Окказиональные фразеологизмы в текстах массовой литературы / В. Г. Дидковская // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни : сб. науч. ст. к юбилею проф. А. М. Мелерович. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – С. 89–98.
59. *Добровольский Д. О.* Регулярная многозначность в сфере идиоматики / Д. О. Добровольский // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура : Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – (Язык. Семиотика. Культура). – С. 2–88.
60. *Ермакова Е. Н.* Агглютинация как способ образования существительных на базе фразеологизмов русского языка / Е. Н. Ермакова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : Мат-лы Междунар. науч. симпозиума. 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 47–50.
61. *Ефанова Л. Г.* Фразеологические трансформации в аспекте системных особенностей лексики и фразеологии / Л. Г. Ефанова // Сибирский филологический журнал. – 2006. – № 3. – С. 77–86.
62. *Ефанова Л. Г.* Фразеологические трансформации в речи тексте / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – Вып. 3 (47). – С. 123–127.
63. *Жаналина Л. К.* Фразеобразующий потенциал концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» / Л. К. Жаналина // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сб. науч. тр. по

- итогах 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 года). – Белгород : ООО «Эпицентр», 2019. – С. 89–97.
64. Жгонский язык костромичей // Merjamaa. – URL: http://www.merjamaa.ru/news/zhgonskij_jazyk_kostromichej/2010-12-16-119 (дата обращения: 17.05.2020).
65. Жуков А. В. О системности фразеологии / А. В. Жуков // Мир русского слова. – 2010. – №3. – С. 21–26.
66. Жуков А. В. Очерки по фразеологической семантике / А. В. Жуков. – Великий Новгород : НовГУ, 2008 – 159 с.
67. Жуков А. В. Фразеологические фантомы в русском языке / А. В. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 51. – С. 57–60.
68. Жуков А. В. Фразеологизмы и смежные с ними образования / А. В. Жуков, К. А. Жуков // Вестник Новгородского Государственного университета. – 2013. – №72. – С. 89–92.
69. Жуков А. В. Фразеологическая переходность в русском языке : учеб. пособие к спецкурсу / А. В. Жуков. – Ленинград : ЛГПИ, 1984. – 93 с.
70. Жуков В. П. Русская фразеология : учеб. пособие для вузов / В. П. Жуков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 311 с.
71. Зимин В. И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма / В. И. Зимин // Современная фразеология: тенденции и инновации : Монография / Н. Ф. Алефиренко, В. И. Зимин, А. П. Василенко, Т. Н. Федуленкова, Д. О. Добровольский, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. / Отв. ред. А. П. Василенко. – М., СПб., Брянск : «Новый проект», 2016. – С. 32–51.
72. Зимин В. И. Относительность понятия внутренней формы фразеологизма / В. И. Зимин, Л. Г. Латфуллина // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : Мат-лы Междунар.

- науч. симпозиума. 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 20–21.
73. *Зимин В. И.* Уяснение механизма идиомообразования / В. И. Зимин, Л. А. Ковалевская // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : Мат-лы Междунар. науч. симпозиума. 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 55–57.
74. *Зими́на И. В.* Фразеологизмы идеографической сферы «чувство» как объект лингвистического и словарного описания : спец. 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Зими́на. – Краснодар, 2005 – 20 с.
75. *Золотых Л. Г.* Взаимодействие фразеологической семантики и семиотических средств культуры / Л. Г. Золотых // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : Сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф. Белгород, 19–21 марта 2013 г. – Белгород, 2013. – С. 70–75.
76. *Иван Годинович* // Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960. – (Памятники рус. фольклора). – С. 195–198. – URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bvz/bvz-1952.htm?cmd=p> (дата обращения: 17.03.2020).
77. *Ивашко Л. А.* Очерки русской диалектной фразеологии / Л. А. Ивашко. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. – 112 с.
78. *Калёнова Н. А.* Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе : спец. 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Калёнова. – Волгоград, 2016. – 40 с.
79. *Кириллова Н. Н.* Фразеология романских языков : этнолингвистический аспект : монография / Н. Н. Кириллова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И.

- Герцена – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003– . – Ч. 1: Природа и космос. – 319 с.
- 80.Кобелева И. А. Русская диалектная фразеогграфия: грамматический аспект (на материале словарей говоров Русского Севера) / И. А. Кобелева. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 200 с. – ISBN 978-5-02-026514-1.
- 81.Кобелева И. А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты : спец. 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Кобелева. – Сыктывкар, 2012. – 40 с.
- 82.Ковалева Л. В. Фразеологизация как когнитивный процесс / Л. В. Ковалева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 184 с. – ISBN 5-9273-0398-6 500.
- 83.Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с. – ISBN 978-5-9710-6609-5.
- 84.Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М, Л. Ковшова. – Изд. 3-е. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с. – ISBN 978-5-9710-2431-6.
- 85.Ковшова М. Л. Образы пространства и времени в русской фразеологии и коды культуры: *нигде и никогда* / М. Л. Ковшова // Prostor in čas v frazeologiji. – Ljubljana, 2016. – С. 449–458.
- 86.Ковшова М. Л. Фразеологические сравнительные конструкции с невыраженным признаком сравнения: возможности и ограничения на употребление / М. Л. Ковшова // Устойчивые сравнения в системе фразеологии : Коллективная монография / Отв. ред. В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург – Грайфсвальд, 2016. – С. 50–58.
- 87.Коган Е. С. О статусе некоторых устойчивых единиц в речи социальной микрогруппы / Е. С. Коган // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10. № 3. – С. 42–51.

88. *Коган Е. С.* Советский и постсоветский периоды в зеркале севернорусской диалектной лексики и фразеологии / Е. С. Коган // Политическая лингвистика. – 2017. № 4 (64). – С. 108–113.
89. *Коган Е. С.* Имя собственное в диалектном фразеологизме: этапы идиоматизации / Е. С. Коган // Вопросы ономастики. – 2014. – № 1 (16). – С. 122–127.
90. *Коган Е. С.* К вопросу о региональных особенностях фразеологии / Е. С. Коган // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 184–187.
91. *Коган, Е. С.* Реальные и ирреальные ситуации как образная основа фразеологизма / Е. С. Коган // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Мат-лы III Междунар. науч. конф. Российская академия наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Институт славяноведения РАН; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 141–143.
92. *Коган Е. С.* Ирреальные ситуации как основа образности фразеологизма / Е. С. Коган // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее : сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. – Кострома : Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 232–236.
93. *Коган Е. С.* К проблеме статуса диалектного фразеологизма / Е. С. Коган // Проблемы лингвистического краеведения : Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию доц. каф. русского языка К. Н. Прокошевой. – Пермь, 2014. – С. 53–58.
94. *Коган Е. С.* Фразеологизмы с семантикой смерти в русских говорах / Е. С. Коган // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Мат-лы II Междунар. науч. конф.: в 2 частях. Институт русского яз. им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 49–50.

95. *Коган Е. С.* Фразеологизмы-сравнения, характеризующие человека, в костромских говорах / Е. С. Коган // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации : Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. (г. Кострома, 22–24 марта 2012 г.). – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – С. 250–252.
96. *Коган Е. С.* Нелепый человек в зеркале русской диалектной фразеологии / Е. С. Коган // Лингвистика смотрит в будущее : сб. науч. трудов молодых ученых-филологов. Выпуск II. Мин-во образования и науки РФ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда : Легия, 2012. – С. 113–116.
97. *Коган Е. С.* Бытование устойчивых единиц в жаргоне: фразеологизация как процесс / Д. Ю. Жучков, Е. С. Коган // *Linguistica Juvenis*. – 2013. – № 15. – С. 61–69.
98. *Козлова И. В.* «Сталинские соколы»: тоталитарная фразеология и «советский фольклор» / И. В. Козлова // Антропологический форум. – 2010. – №12. – С. 1–10.
99. *Копыленко М. М.* Очерки по общей фразеологии : Проблемы, методы, опыты / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – 144 с.
100. *Копыленко М. М.* Фразеология – полноценный раздел науки о языке / М. М. Копыленко, З. Д. Попова // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Мат-лы межвуз. симпозиума (1968). – Тула, 1972. – Вып. 2 : Ответы на вопросы анкеты. – С. 196–203.
101. *Кочнев М. Х.* Серебряная пряжа : Сказы ивановских текстильщиков / М. Х. Кочнев. – Иваново : Ивгиз, 1946. – 128 с.
102. *Кривошапова Ю. А.* Питер в русской народной языковой традиции / Ю. А. Кривошапова // Труды Карельского научного центра РАН. – 2012. – №4. – С. 104–113.
103. *Кривошапова Ю. А.* Сравнительные конструкции с личным именем и оттопонимическим прилагательным в костромских говорах / Ю.

- А. Кривошапова, Л. А. Феоктистова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10. Вып. 4. – С. 30–42.
104. Кузнецова И. В. Концепт «Множество» в русских и чешских сравнениях (фрагмент идеографического словаря) / И. В. Кузнецова, В. М. Мокиенко // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2014. – Вып. 3. – С.168–182.
105. Куклина И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дисс. ... канд. филол. наук / И. Н. Куклина. – М., 2006. – 251 с.
106. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – Москва : Высш. шк.; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996 – 381 с. (Электронная версия)
107. Кучко В. С. Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / В. С. Кучко. – Екатеринбург, 2017. – 315 с.
108. Кучко В. С. К семантической реконструкции рус. женить(ся) на славянском языковом фоне / В. С. Кучко // Образ человека в языке и культуре / ред.С. М. Толстая. – Москва, 2018. – С. 94–106.
109. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б. А. Ларин // Ученые записки Ленинградского государственного университета. – Сер. филолог. наук. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. – 1956. – № 198. Вып. 24. – С. 200–225.
110. Ларионова А. Ю. Неформальный студенческий дискурс в лингвокультурологическом и социолингвистическом аспектах (на материале граффити) / А. Ю. Ларионова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 392 с. – ISBN 978-5-7996-0554-4.

111. *Липина В. В.* Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала) : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Липина. Екатеринбург 2000. – 383 с.
112. *ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь* / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Сов. энцикл., 1990. – 682 с. – ISBN 5-85270-031-2.
113. *Мандрикова Г. М.* Откуда? – От верблюда! (или для чего нужны ответные фразеореплики) / Г. М. Мандрикова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : Мат-лы Междунар. науч. симпозиума. 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В. И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород : 2009. – С. 333–336.
114. *Мелерович А. М.* Окказиональные преобразования фразеологических единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 8. – С. 234–252.
115. *Мелерович А. М.* Критерии фразеологичности в аспекте соотношения содержания и формы фразеологических единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Информационный потенциал слова и фразеологизма : Сб. ст. – Орел, 2005. – С. 61–70.
116. *Мелерович А. М.* Семантический анализ фразеологических единиц / А. М. Мелерович // Филологические науки. – 1979. – №5. – С.59-75.
117. *Мелерович А. М.* Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Фразеология в контексте культуры. – Москва : «Языки русской культуры», 1999. – С. 63–73.
118. *Меликян В. Ю.* Современный русский язык: синтаксическая фразеология : учеб. пособие / В. Ю. Меликян. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2014. – 232 с. – ISBN 978-5-9765-1697-7 (Флинта); 978-5-02-037925-1 (Наука).

119. Меликян В. Ю. Фразеосхема с вопросительным местоимением «*cuál*» в современном испанском языке В. Ю. Меликян, А. В. Меликян // Практики и интерпретации. – 2016. – Т. 1(2). – С. 122-133
120. Мельчук И. А. Об одном классе фразеологических сочетаний (Описание лексической сочетаемости с помощью семантических параметров) / И. А. Мельчук // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц : Мат-лы межвуз. симпозиума. – Тула, 1968. – С. 51–65.
121. Мокиенко В. М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла / В. М. Мокиенко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. – Сер.: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), № 2 (1). – С. 100–109.
122. Мокиенко В. М. Жизнь русской фразеологии в современной речи / В. М. Мокиенко // Вестник КемГУ. – 2014. – № 4 (52). Т. 4. – С. 59–62.
123. Мокиенко В. М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии / В. М. Мокиенко // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 3–13.
124. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 464 с. – ISBN 978-5-9765-0015-0.
125. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : Учеб пособие для филол. специальностей ун-тов / В. М. Мокиенко. – Москва : Высш. школа, 1980. – 207 с.
126. Мокиенко В. М. Современная русская и славянская фразеология (синхрония и диахрония) / В. М. Мокиенко // Przegląd rusycystyczny. – 2008. – № 4 (124). – С. 9–26.

127. *Мокиенко В. М.* Устойчивые сравнения в системе фразеологии / В. М. Мокиенко // Устойчивые сравнения в системе фразеологии : Коллектив. моногр. / Отв. ред. В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург – Грайфсвальд, 2016. – С. 37–49.
128. *Мокиенко В. М.* Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Фразеология в контексте культуры. – Москва : «Языки русской культуры», 1999. – С. 80–85.
129. *Мокиенко В. М.* Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла / В. М. Мокиенко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. – Сер.: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64). № 2 (1). – С. 100–109.
130. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Ленинград : «Наука». – 1977. – 284 с.
131. *Молотков А. И.* Словосочетание и фразеологизм / А. И. Молотков // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Мат-лы межвуз. симпозиума (1968). – Вып. 2: Ответы на вопросы анкеты. – Тула, 1972. – С.83–98.
132. *Мордвилко А. П.* Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты) / А. П. Мордвилко. – Москва : «Просвещение», 1964. – 132 с.
133. *Морковкин В. В.* Идеографические словари / В. В. Морковкин. – URL: https://rifmovnik.ru/ideog_book.htm (дата обращения: 12.02.2021).
134. *Никитина Т. Г.* К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря / Т. Г. Никитина // Вопросы языкознания. – 1995. – №2. – С. 68–82.
135. *Никитина Т. Г.* Региональная специфика пословиц и поговорок: возможности репрезентации в сводном фразеологическом словаре / Т. Г. Никитина // Научный диалог. – 2019. – № 8. – С. 41–55.

136. *Никитина Т. Г.* Фразеологические трансформации в лексикографическом отображении (*из песни слова не выкинешь*) / Т. Г. Никитина // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни : сб. науч. ст. к юбилею проф. А. М. Мелерович. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – С. 236–243.
137. *Огольцева Е. В.* Синонимия устойчивых сравнений: традиция и перспектива исследования / Е. В. Огольцева // Устойчивые сравнения в системе фразеологии : Коллектив. моногр. / Отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб – Грайсфальд, 2016. – С. 63–73.
138. *Ошева Е. А.* Фразеологизмы как единицы вторичной номинации / Е. А. Ошева // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. / Отв. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. ун-т. – Пермь, 2010. – Вып. 14: Языковое пространство XXI в. – С. 179–188.
139. *Подюков И. А.* Русская диалектная фразеология Прикамья в финно-угорском освоении / И. А. Подюков // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 4(20). – С. 7–14.
140. *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. Попов. – Санкт-Петербург : Типография. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13., 1903 г. – Репринт. изд. – URL: https://books.google.ru/books?id=slv7AgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 12.09.2019).
141. *Попов Р. Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов : Учебн. пособие для филол. специальностей и пед. ин-тов / Р. Н. Попов. – Москва : «Высш. школа», 1976. – 200 с.
142. *Пстыга А.* Лексические инновации в современном русском и польском языках – языковая динамика в сопоставительном аспекте / А.

- Пстыга // V междунар. симпозиум «Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков : Доклады. Белград – Ниш, 30 мая – 1 июня 2000 г. – Белград, 2000. – С. 259–265.
143. *Райхштейн А. Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии (Для ин-тов и фак. иностр. яз.) : Учеб. пособие / А. Д. Райхштейн. – Москва : Высш. школа, 1980. – 143 с.
144. *Раков Г. А.* Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии (Семасиол. и ономасиол. анализ систем. отношений в лексике) / Г. А. Раков; Под ред. О. И. Блиновой; Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – 271 с.
145. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – Москва : Рус. словари, 2000. – 416 с. – ISBN 5-93259-016-5.
146. *Рахилина Е. В.* Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. – 584 с. – ISBN 978-5-91172-032-2.
147. *Родионова И. В.* К изучению процесса аттракции с участием отантропонимических дериватов (на материале русских народных говоров) / И. В. Родионова // Этимология. 2003–2005. – М., 2007. – С. 197–209.
148. *Ройзензон Л. И.* Еще раз о воспроизводимости как признаке фразеологичности / Л. И. Ройзензон // Вопросы фразеологии. Труды самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. –Новая серия. – Вып. 219. Ч. 1. – Самарканд, 1972. – С. 17–21.
149. *Ройзензон Л. И.* Лекции по общей и русской фразеологии : Учеб. пособие / Л. И. Ройзензон; Самаркандский гос. ун-т им. Алишера Навои. – Самарканд, 1973. – 221 с.
150. *Русская фразеология для немцев (электронное издание) / Х. Вальтер, Т. Малински, В. Мокиенко, Л. Степанова.* – Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. – URL: <https://books.google.ru/books?id=RLwoCgAAQBAJ&hl=ru> (дата обращения: 12.06.2019).

151. Рут М. Э. Образная номинация в русской ономастике / М. Э. Рут. – Москва : URSS : Изд-во ЛКИ, 2008. – 192 с. – ISBN 978-5-382-00634-5.
152. Сабурова Н. А. Структура фразеосемантического поля пространства / Н. А. Сабурова // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 81 – 88.
153. Сафина Р. А. Экспрессивный компонент фразеологического значения (на материале русских и немецких фразеологических единиц, выражающих денежные отношения) / Р. А. Сафина // Взгляд молодых. – Казань, 2003. – URL: <https://old.kpfu.ru/fil/kn2/index.php?sod=16> (дата обращения: 03.02.2019).
154. Сахаров И. П. Сказания русского народа / И. П. Сахаров. – Т. 1. – СПб., 1841.
155. СД – Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – Москва : Междунар. отношения, 1995–2014. – ISBN 5-7133-0703-4.
156. Семенова А. В. Идеографическая классификация кашубской фразеологии и языковая картина мира кашубов : спец. 10.02.03 «Славянские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Семенова. – Москва, 2006. – 24 с.
157. Семенова М. Русские фразеологизмы XXI века / М. Семенова // *Práce národů slovanských IV sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 20–21 listopadu 2008*. – Ostrava, 2009. – С. 229–233.
158. Семенова Н. В. Фразеология молодежного сленга (на материале немецкого языка) : спец. 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2006. – 20 с.
159. Синельникова И. И. Состав фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» (на материале французского языка) И. И.

- Синельникова, С. А. Андросова // Научные ведомости. –Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 6 (177). Вып. 21. – С. 122–127.
160. Солодилова И. А. Фразеологизмы со значением «Время» в свете лингвокультурных исследований / И. А. Солодилова, В. Е. Вятчина // Вестник ОГУ. – 2005. – № 11. – С. 172–176.
161. Спиридонов Д. В. Русский Иван и его «братья»: польск. Jan и фр. Jean (к вопросу об этнокультурной специфике личного имени) / Д. В. Спиридонов, Л. А. Феоктистова // Acta onomastica. LVI. – 2016. – С. 76–92.
162. Степанова Л. И. Взаимодействие лексики и фразеологии (на материале русского и чешского языков) / Л. И. Степанова // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : Сб. науч. тр. по итогам 3-й Междунар. науч. конф. Белгород, 19–21 марта 2013 г. – Белгород, 2013. – С. 246–250.
163. Сырица Г. Фразеосемантическая группа *возраст*: аксиологический аспект / Г. Сырица // Альманах компаративистики. – № 4 (33). – Человек в языке: этнолингвистика, лингвистическая картина мира. – Даугавпилс : Академич. изд-во Даугавпилсского ун-та «Сауле», 2014. – С. 333–340.
164. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
165. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с. – ISBN 5-88766-047-3.
166. Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : спец. 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013. – 350 с.

167. *Тихомирова А. В.* Социальная символика одежды в свете русской языковой традиции / А. В. Тихомирова // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : мат-лы междунар. науч. конф.* Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / [под ред. Е. Л. Березович]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 260–261.
168. *Толикина Е. И.* Об общем отличительном признаке фразеологических единиц, отграничивающем их от нефразеологизмов // *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Мат-лы межвуз. симпозиума (1968).* – Вып. 2: Ответы на вопросы анкеты. – Тула, 1972. – С. 110–114.
169. *Третьякова И. Ю.* Аспекты моделирования современной фразеологии / И. Ю. Третьякова // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова.* – 2009. – №4. – С. 200–203.
170. *Третьякова И. Ю.* К проблеме границ окказиональности фразеологизмов / И. Ю. Третьякова // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова.* – 2009. – №2. – С. 134–138.
171. *Третьякова И. Ю.* Преобразовательный потенциал фразеологизмов-компаративов / И. Ю. Третьякова // *Жизнь фразеологии – фразеология в жизни : сб. науч. ст. к юбилею проф. А. М. Мелерович.* – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – С. 296–307.
172. *Третьякова И. Ю.* Фразеологическая образность и особенности ее окказионального преобразования / И. Ю. Третьякова // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова* – 2010. – № 3. – С. 202–206.
173. *Третьякова И. Ю.* Эллипсис как прием окказионального преобразования фразеологических единиц / И. Ю. Третьякова // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова.* – 2011. – №1. – С. 97–100.
174. *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского / Б. А. Успенский. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982.

- URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/usp/03.php (дата обращения: 03.02.2018).
175. Федуленкова Т. Н. Лингвистический статус компонента фразеологической единицы / Т. Н. Федуленкова // Вестник ТГПУ. – 2005. – Вып. 4 (48). – Сер.: Гуманитарные науки (филология). – С. 16–20.
176. Федуленкова Т. Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема / Т. Н. Федуленкова // Вестник ОГУ. – 2005. – № 4. – Прил. «Гуманитарные науки». – С. 62–69.
177. Феоктистова Л. А. «Хитрый Митрий»: системно-языковые и культурные коннотации одного имени / Л. А. Феоктистова // Вопросы ономастики. – 2019а. – Т. 16. № 4. – С. 83–107.
178. Феоктистова Л. А. Еще раз о паронимической аттракции к личному имени (на примере имени *Елена* в русских народных говорах) / Л. А. Феоктистова // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. №1. – С. 53–70.
179. Феоктистова Л. А. Еще раз о рус. диал. тюха-матюха (тюха-пантюха) / Л. А. Феоктистова // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 98–110.
180. Феоктистова Л. А. К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени / Л. А. Феоктистова // Вопросы ономастики. – 2016. – Т. 13. № 1. – С. 85–116.
181. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
182. Хайруллина Р. Х. Явление синтаксической компрессии во фразеологии / Р. Х. Хайруллина // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : Сб. науч. тр. по итогам 3-й Международ. науч. конф. Белгород, 19–21 марта 2013 г. – Белгород, 2013. – С. 25–28.
183. Хлебда В. Имя во фразеологизме – имя как фразеологизм / В. Хлебда // Имена и фразеология. – Скопье, 2018. – С. 15–24.

184. *Хомяков Е. А.* Жаргонная фразеология русских и французских студентов / Е. А. Хомяков // Известия ПГПУ. – Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 9(13). – С. 66–69.
185. *Чернышева И. И.* Фразеологическая единица и объем фразеологии / И. И. Чернышева // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : Мат-лы межвуз. симпозиума (1968). – Вып. 2: Ответы на вопросы анкеты. – Тула, 1972. – С. 110–114.
186. *Шабалина Е. В.* Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект : спец. 10.02.01. «Русский язык» : дисс. ... кан. филол. наук. – Екатеринбург, 2011. – 175 с.
187. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка : Учеб. пособие / Н. М. Шанский. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с. – ISBN 978-5-397-01258-4.
188. *Шенделева Е. А.* Полевая организация образной лексики и фразеологии / Е. А. Шенделева // Фразеология в контексте культуры. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 74–77.
189. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1973. – 280 с.
190. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев – Москва : Просвещение, 1977. – 335 с.
191. *Шулежкова С. Г.* Крылатые выражения русского языка: их источники и развитие / С. Г. Шулежкова. – Москва : Азбуковник, 2001. – 288 с. – ISBN 5-937860-21-7.
192. *Шулежкова С. Г.* Имеют ли право крылатологи называть свои справочники словарями? (Размышления по поводу языкового статуса крылатых единиц и их лингвистического описания) / С. Г. Шулежкова // Мир русского слова. – 2010. – №6. – С. 23–28.

193. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – Москва : Гнозис, 1994. – 344 с. – ISBN 5-7333-0424-8.
194. Янко-Триницкая Н. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка / Н. Янко-Триницкая // Известия АН СССР. – Сер. лит-ры и языка. – Т. XXVIII. Вып. 5. – 1969. – С. 431.
195. Abeille A. The flexibility of French Idioms: A Representation with lexicalized Tree Adjoining Grammar / A. Abeille // Idioms: structural and psychological perspectives / edited by Martin Everaent. – New York : Psychology Press NY, 2014. – Ch. 1. – P. 15–42.
196. Bąba S. Frazeologia polska: Studia I szkice / S. Bąba. – Poznań : Wydawnictwo «Poznańskie Studia Polonystyczne», 2009. – 459 s. – ISBN 978-83-61573-13-5.
197. Barcot B. Associative Testing in Phraseology / B. Barcot // Linguistics and Literature Studies. – 2016. – № 4 (1). P. 17–22.
198. Będkowska-Kopczyk A. Phraseological units and proverbs in the cognitive approach / A. Będkowska-Kopczyk // Parémie národu slovanských : IV sborník příspěvku z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 20–21 listopadu 2008. – Ostrava : FF OU, 2008. – P. 26–32.
199. Chlebda W. Skrzydlate słowa a frazeologia / W. Chlebda // Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej / Red. S. Baba, K. Skibski, M. Szczyszko. – Poznań, 2010. – S. 9–20.
200. Chlebda W. The Identity of Phraseology / W. Chlebda // Research on Phraseology in Europe and Asia: Focal issues of Phraseological units. – Vol. 1. – Białystok : University of Białystok Publishing House, 2011. – P. 13–24.
201. Dobrovol'skij D. Idioms: Motivation and etymology // Yearbook of Phraseology. – Berlin, New York : DE GRUYTER MOUTON, 2010. – P. 73–96.

202. *Dobrovolsky D.* Russian phraseology / D. Dobrovolsky, T. Filippova // Phraseologie : ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / edited by Harald Burger ... [et al.]. – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2007. – V. 2. – P. 714–727.
203. *Fojtů P.* Отрицание исходного образа как способ создания новых фразеологических единиц / P. Fojtů // «Wort – Text – Zeit» : Die slawische Phraseologie in onomasiologischer, linguokultureller und phraseographischer Sicht : Materialien der gemeinsamen wissenschaftlichen Konferenz des Instituts für slawische Philologie der Universität Szczecin und des Lehrstuhls für Slawische Sprachwissenschaft des Instituts für fremdsprachliche Philologien der Universität. Greifswald 30.11.–4.12.2011 in Szczecin (Polen) und Greifswald (Deutschland) / Redaktion: H. Walter, Herausgegeben von M. Niemeyer. – Greifswald, 2011. – P. 36–37.
204. *Gill Ph.* Reassessing the canon. ‘Fixed’ phrases in general reference corpora / Ph. Gill // Phraseology: An Interdisciplinary Perspective / Ed. S. Granger, F. Meunier. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2008. – P. 95–108.
205. *Gréciano G.* Signification et dénotation en allemand. La sémantique des expressions idiomatiques / G. Gréciano. – Paris : Librairie Klincksieck, 1983. (Цит. По: P. Phraseology as an autonomous linguistic discipline / P. Slavin // Linguistic and Broad Research and Innovation. – 2010. – V. 1, Iss. 1. P. 60–73.
206. *Gries S.* Phraseology and linguistic theory / S. Gries // Phraseology: an interdisciplinary perspectives / Ed. S. Granger, F. Meunier. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2008. – P. 3–26.
207. *Kłosińska K.* Skąd się biorą frazeologizmy? Źródła frazeologizmów I mechanizmy frazeotwórcy / K. Kłosińska // Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej: Geneza dawnych I nowych frazeologizmów polskich. – Poznań : Wydawnictwo naukowe, 2016. – S. 19–53.

208. *Langlotz A.* Idiomatic creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English / A. Langlotz. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2006. – 339 p. – ISBN 978-9027223708.
209. *Nowakowska A.* Świat roślin w polskiej frazeologii / A. Nowakowska. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. – 232 s. – ISBN 9788322925911.
210. *Omazić M.* Processing of idioms and idiom modification: a view from cognitive linguistics / M. Omazić // *Praseology: an interdisciplinary perspectives* / Ed. S. Granger, F. Meunier. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2008. – P. 67–79.
211. *Piirainen E.* «Wildspread idioms in Europe and beyond». New insights into figurative language / E. Piirainen // *Linguo-cultural research of Phraseology*. – 2015. – V. 3. – P. 17–36.
212. *Piirainen E.* Figurative phraseology and culture / E. Piirainen // *Praseology: an interdisciplinary perspectives* / Ed. S. Granger, F. Meunier. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2008. – P. 207–228.
213. *Połowniak-Wawrzonek D.* Wpływ mediów na współczesną polską frazeologię / D. Połowniak-Wawrzonek. – Kielce : Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2010. – 339 s. – ISBN 978-83-7133-459-7.
214. *Slavin P.* Phraseology as an autonomous linguistic discipline / P. Slavin // *Linguistic and Broad Research and Innovation*. – 2010. – Vol. 1, iss. 1. – P. 60–73.
215. *Tyrpa A.* Wariantywność frazematyki w gwarach polskich / A. Tyrpa // *Studia Linguistica*. – 2019. – № 14. S. 246–257.
216. *Wysoczański W.* Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych (na materiale wybranych języków) / W. Wysoczański. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2006. – 402 s. – ISBN 83-229-2728-2.

Источники

217. *Алексеевко* – Человек в русской диалектной фразеологии : словарь / М. А. Алексеевко, Т. П. Белоусова, О. Литвинникова. – ИТИ Технологии, 2004 : ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова. –237, [1] с. – Сер. Филологические словари русского языка. – ISBN 5-902638-03-8 (в пер.).
218. *Аникин* – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. / А. Е. Аникин; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – Вып. 4 (боле – бтарь). – Москва : Знак, 2011. – 328 с. – ISBN 5-9551-0208-6.
219. *АОС* – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. – Москва : Изд-во Московского ун-та (Вып. 1–9) ; Наука (Вып. 10–), 1980–. – ISBN 5-02-011621-1.
220. *Бабенко 2005* – Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс книга, 2005. – 864 с. – ISBN: 5-462-00358-7
221. *Бабенко 2007* – Большой толковый словарь русских глаголов : свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Л. Г. Бабенко и др.; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс, 2007. – 573, [1] с. – Сер. Словари XXI века (Фундаментальные словари). – ISBN 978-5-462-00615-9 (В пер.)
222. *Бабенко 2008* –Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов / Л. Г. Бабенко и др.; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс, 2008. – 784 с. – Сер. Фундаментальные словари. – ISBN: 978-5-462-00893-1.
223. *БАС* – Большой Академический словарь русского языка. Т. 1–... / ред.: Л. И. Балахонова – Москва : Наука ; Санкт-Петербург : Наука, 2004 – . – ISBN 5-02-033660-2 (Москва); 5-02-028491-2 (Санкт-Петербург).

224. *Берков В. П.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед : в 2-х т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова ; под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arntd-Universität, 2008. – ISBN 978-5-86781-579-0; 978-386-00-6-308-8.
225. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия / И. С. Брилева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и др. – 2-е изд., стер. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с. – (Фундаментальные словари). – ISBN 5-462-00508-3.
226. *БТСДК* – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / Рост. гос. ун-т. Фак. филологии и журналистики. Каф. общ. и сравн. языкознания; [Редкол.: В. И. Дегтярев и др.]. – Москва : Рус. слов. : Астрель : АСТ, 2003. – 608 с. – ISBN 5-93259-031-9 (ООО «Рус. словари»); 5-271-05845-X (ООО «Изд-во Астрель»); 5-17-017230-3 (ООО «Изд-во АСТ»).
227. *Грязнова* – Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием : местоименные слова, имена существительные, имена прилагательные, числительные, наречия, глаголы / авт.-сост.: Грязнова В. М. и др. – Ставрополь : Сервисшкола, 2012. – 595, [11] с. – ISBN 978-5-93078-750-4 (в пер.).
228. *Даль* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1-4. / В. И. Даль. – 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. – Санкт-Петербург : Москва : М. О. Вольф, 1880–1882.
229. *Земичева* – Земичева С. С. Идеографический словарь диалектной языковой личности / С. С. Земичева. – URL: <http://losl.tsu.ru/?q=node/65> (дата обращения 14.02.2021).

230. Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских говорах / М-во образования и науки Российской Федерации, Вологодский гос. пед. ун-т ; [сост.: Е. П. Андреева и др.] – Вологда: ВГПУ, 2014. – 304 с. – ISBN 978-5-87822-526-7.
231. *Кобелева* – Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми / И. А. Коблеева. – Сыктывкар : Сыктывкар. ун-т, 2004 : ИПО СыктГУ, 2004. – 312 с. – ISBN 5-87237-459-3 (в обл.).
232. *Козлова* – Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных : В помощь политикам, менеджерам, лингвистам / Т. В. Козлова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : Дело и Сервис, 2001. – 207 с. – ISBN 5-8018-0112-X.
233. *Кузнецов* – Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с. – ISBN 5-7711-0015-3.
234. *Леонтьева* – Леонтьева Т. В. Идеографический словарь русской социальной лексики: общество и человек / Т. В. Леонтьева. – Екатеринбург : Ажур, 2018. – 553 с. – ISBN 978-5-91256-429-1.
235. *Мокиенко, Никитина* – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : Олма Медиа Групп, 2007. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nfs/proverbs/11128/%D0%91%D0%B0%D0%B1%D0%B0> (дата обращения : 12.05.2018).
236. *Прокошева* – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь Пермских говоров / К. Н. Прокошева ; М-во образования Российской Федерации, Пермский гос. пед. ун-т. – Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2002. – 432 с. – ISBN 5-85218-107-2.
237. *Сергеева* – Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов / Л. Н. Сергеева ; М-во образования Рос. Федерации, Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. –В. Новгород : НовГУ, 2004. – 307 с.

238. *Словарь-тезаурус* – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : около 8000 идиом современного русского языка / [Баранов А. Н. и др.] ; под ред.: А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского ; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова – Москва : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1135, [1] с. – ISBN 978-5-98986-143-9; 978-5-98986-139-2.
239. *СППиП* – Словарь псковских пословиц и поговорок : 13 000 единиц / С.-Петерб. гос. ун-т. Межкафедр. словар. каб. им. проф. Б.А. Ларина; Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт-Петербург : Норинт, 2001. – 176 с. – ISBN 5-7711-0118-4.
240. *СРГЮП* – Подюков И. А. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1-3. / И. А. Подюков [и др.] ; [науч. ред. И. А. Подюков] ; М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Пермский гос. пед. ун-т», Каф. общ. языкознания, Центр этнолингвистики народов Прикамья. – Пермь : Изд-во ПГГПУ, 2010–2012. – ISBN 978-5-85218-455-9.
241. *СРНГ* – Словарь русских народных говоров. — Вып. 1—... — Москва, Ленинград, Санкт-Петербург : Наука, 1965—...
242. *Ушаков* – Толковый словарь русского языка / под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935. Т. 1. Цит. по: Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – Москва : АСТ : Астрель, 2008. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 12.09.2018).
243. *ФСРГНП* – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : [в 2 т.] / Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед., М-во образования Российской Федерации, Коми гос. пед. ин-т ; сост. Н. А. Ставшина – Санкт-Петербург : Наука, 2008. – ISBN 978-5-02-025261-5.

244. *ФСРГС* – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / [Сост. Л. Г. Панин, Л. В. Петропавловская, А. И. Постнова, А. И. Федоров]; Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1983. – 232 с.
245. *ФСРЯ* – Фразеологический словарь русского языка Ок. 4000 слов. ст. / Составили Л. А. Войнова и др.; Под ред. [и с предисл.] А. И. Молоткова – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз., 1986. – 543 с.
246. *Шведова* –Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире : 80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; [авт.-сост. Н. Ю. Шведова и др.] ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2011. –1015 с. – ISBN 978-5-91172-054-4 (в пер.)